

На боевом посту

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

2'91

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Молдова: напряженное затишье

Последний роман В. Пикуля

Кто поможет спецназу?

на боевом посту **БП**

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ**

2'91

Издается с 1958 г.

Учредитель — МВД СССР

Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. В. АСТАШИН,
В. В. БАРСУКОВ,
Б. Р. БОРУКАЕВ,
В. И. БУСЫГИН
(ответственный
секретарь),

Ю. В. ДУРНЕВ,
Н. М. ЗАХАРЧЕНКО,
А. П. КОТЛЯРОВ,
И. Т. КОЗЛОВ,

В. Ф. КУЗЬМЕНКО,
Г. А. МАЛЮШКИН,
Е. А. НЕЧАЕВ,
Л. А. ПАНКРАТОВ,
Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
Ю. Л. РАЖЕВ

(зам. главного
редактора),

П. А. СТУДЕНИКИН,
В. Н. УСКОВ

(зам. главного
редактора),

В. А. ШОШИН.

■ НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ: еще одна нелепая
смерть. Еще перед
одним сослуживцем в про-
шальном поклоне склонили
головы боевые товарищи.

Фото Б. БУЛГАКОВА.

«Черные тюльпаны» продолжают летать над стра-
ной. Один из них перенес в Благовещенск тело лей-
тенанта Павла Терещенко, погибшего от пули экстре-
миста.

Глубокая скорбь и недоумение переполняли лю-
дей, собравшихся над могилой Павла, немо и вслух
повторявших: «За что! До каких же пор! Кто отве-
тит!» (на снимке слева).

Фото В. Анькова, корреспондента
журнала «Советский воин», и
Р. Разанова.

ФОТО
А. АЛЕКСАНДРОВА,
Б. БУЛГАКОВА.

И ВЕЧНЫЙ БОЙ?..

Противостояние. Долгое, изнурительное, тупиковое. Где он, тот день, когда выстрелы, насилия будут навсегда отвергнуты соседями как доказательства своей правоты в затянувшемся споре. Пока никто не может ответить на этот вопрос.

И служба на границах вражды и нетерпимости, перекроивших Закавказье, Молдову, другие регионы страны, продолжается. Служба во имя гражданского мира и согласия.

СОДЕРЖАНИЕ

23 ФЕВРАЛЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

ПСТЫГО И. Нет выше чести 4

В ОСОБОМ РАЙОНЕ

КИСЛЫЙ Ю. Когда спит разум 6

ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

КОРЖИКОВ О. Спецназ без камуфляжа 37

Письма читателей 43

АРТЮХОВ Е. Неподсудны? 46

УШАР А. Тайна дешифровки, или Агент 007 против

Уральского управления 49

АДОРИНСКИЙ В. Одиссея Георгия Ивашенко 52

* * *

СЕРОВ Е. «Профи» из Канады 55

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ПИКУЛЬ В. «Барбаросса» (роман-размышление, продолжение) 12

КОНАНОВ А. Служивый (рассказ) 80

БОРИСОВ М. Стихи 2

ПУБЛИЦИСТИКА

КОСОЛАПОВ Р. «Бедная русская идея» 61

СКОБЕЛЕВ Э. Читая Троцкого (окончание) 67

БОБРЕНЕВ В. Жернова репрессий 76

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

ГЛАДКОВ М. Ушу — искусство и оружие 92

СЕВОДНЯЕВ В. О жизни собачьей: советы

специалиста 94

Конкурс войсковых всезнаек 95

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Исследование Д. Волкогонова — очередная попытка бросить тень на октябрьские идеалы, скомпрометировать ленинизм под флагом критики его сталинских извращений. Просвещенный генерал успешно сражается с давно умершими коммунистами, потому что живые молчат.

В. ЛИТОВ. «Метят в Сталина, стреляют в Ленина».

Детективный роман Питера Чейни «ГОЛУБОЙ ДРАКОН» в нашей стране публикуется впервые, и именно на страницах третьего номера журнала. Продолжение, естественно, будет следовать.

Журнал
зарегистрирован
в Госкомпечати СССР
25 сентября 1990 года
под № 241.

Адрес редакции:
111250, Москва, Е-250.

Телефоны:
секретариата — 361-82-57.

Отделов:
войсковой жизни — 361-85-23, социально-политических проблем — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы и критики — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, издательства и рекламы (вопросы подписки) — 361-80-97, художественного оформления — 361-85-21, литературных приложений — 361-85-52, бухгалтерии — 361-85-80.

Художественное оформление
Е. К. Селиковой,
Э. П. Копылова.
Технический редактор
И. В. Володина.
Корректоры
Е. Ю. Гаврилова,
И. Ю. Семибратова.

Редакция может не разделять точки зрения авторов ряда статей, публикуемых в порядке обсуждения.

Сдано в набор 5.12.90 г.
Формат бумаги 70×108¹/₂.
Уч.-изд. л. 133.
Усл. печ. л. 8,4+1 вкл.
1/4 п. л.
Подписано к печати
6.02.91 г.
Цена 90 коп.
Зак. № 142.
Тираж 115 000 экз.

Ордена «Знак Почета»
типография
«Красная звезда»
123826, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38.

Михаил БОРИСОВ

Семнадцатилетним оказался Михаил Борисов в самом пекле «роковых сороковых», чудом уцелел на Курской дуге, выстояв в единоборстве с семью «тиграми» под Прохоровкой, удостоен был звания Героя Советского Союза... Поэт-фронтовик и сегодня в мыслях и чувствах там, на полях сражений, где решалась судьба Отечества.

ВСЕ ЭТО — ОНА

Взбесившимся чертом
 Металась война,
 Поштучно
 И оптом
 Платила она,
 Металась, как аспид,
 Меняя свой вид...
 Был дважды я распят
 И трижды убит.
 Но двадцать медалей
 И все ордена,
 Что мне перепали,
 Сквала война.
 Не с ней ли дороги
 Мы брали в штыки
 От матушки-Волги
 До Шпрее-реки?
 Закат без рассвета.
 Как гром, тишина.
 Любовь, что не спета.
 Все это — она!

МОСКВА-РЕКА

Спешу к тебе, Москва-река,
 Ты так близка и далека!
 В любом краю,
 Как блудный сын,
 Я вижу синь твоих глубин.

В них проплывают облака
 И напластованы века,
 И в них,
 Хоть пращура спроси,
 Сокрыты боль и мощь Руси.
 Твоя судьба—моя судьба,
 Она певуча и груба,
 Она как грозная строка...
 Москва-река, Москва-река!

* * *

Вы от забот земных отрешены,
 А я еще не знаю тишины
 И у разбитых слушаю ворот,
 Как гулко кровь
 В виски сегодня бьет.
 Но до поры, пока любовь пою,
 Пока на круче все еще стою,
 Пока держусь,
 По склону не скользя,
 Спокойно спите, старые друзья!
 Вам в мире этом
 Слишком малый срок
 Откуковали пушки вдоль дорог.
 Но если закачается и дом
 На вираже, до одури крутом,
 Признаюсь честно:
 — Мне без вас нельзя...
 Пока что спите, старые друзья!

* * *

И за больничною стеной,
 Вдали от вешних вьюг,
 Я знал,
 Как хмуро шар земной
 За кругом ладит круг.
 Я знал,
 Что ранний ледоход
 Бунтует на реке,
 И «мессер» делает заход
 В далеком далеке.
 Картина эта не нова...

Но есть июльский день,
 Есть рядом
 Неба синева
 И ржи созревшей звень!
 ...Я сам себя
 Под птичий грай,
 Традиции храня,
 Бросаю на передний край,
 На линию огня.
 Теперь,
 Я вижу по всему,
 В любую, брат, пургу
 Не смять солдата никому
 И не согнуть в дугу.

* * *

В пустых воспоминаньях
 Мало толку,
 Но если в них
 Голимая тревога,
 Тогда тебя и горькая дорога,
 Как первогодка,
 Тянет в самоволку.
 Служу в столичном
 Тихом гарнизоне,
 А сам:
 За Доном мучаюсь от жажды...
 И там останусь, видимо, однажды.
 Не одолев привычного бессонья.
 Но это — не какая-то расплата,
 Скорей всего
 Моя готовность к бою!
 И память вновь уводит за собою,
 На этот раз к подножью
 Митридата.

ДОКОЛЕ!

Слабее становится вера во мне
 Под гнетом сомнений и боли,
 Пока одиноко плывет по стране
 Тягучее слово:
 — Доколе?
 Повсюду дурит настоящий Содом,
 По-хамски хохочет Гоморра...

Что будет с Россией,
 Когда мы уйдем
 И главная рухнет опора?
 Над ней, горемычной, какая Орда
 Девятым поднимется валом
 И ярость слепую направит куда
 По старым и свежим завалам?
 Но множит угрюмую силу строки
 Привычное древнее слово
 И знак,
 Что поставлен у русской реки,
 Как памятник воям Донского.
 Каким ни окажется этот налет,
 Надежда взрастет поневоле
 И все наболевшее разом сольет
 В единое наше:
 — Доколе?

* * *

Проще было б врать в работу,
 Позабыть о закатах стылых
 И трубить до седьмого пота,
 До последней кровинки в жилах.
 Будет по уши день загружен,
 Будет главным мотивом—надо...
 Только мне дозарезу нужен
 Непокой не такого склада.
 Он стоит в моем горле комом,
 Манит в гору поближе к тучам,
 Где за каждым крутым подъемом
 Ожидает другой—покруче.
 Это вовсе не злая смута,
 Не пустая, от скуки, нота,
 Если я,
 словно узник,
 люто

Беспросветные рву тенета
 И тянусь к заводным тревогам,
 К оголтелым январским вьюгам...
 Я еще расскажу о многом,
 Что лежит за привычным кругом.

23 февраля — День Советской Армии и Военно-Морского Флота

Маршал авиации И. И. ПСТЫГО,
Герой Советского Союза

НЕТ ВЫШЕ ЧЕСТИ

ПО ВОЗРАСТУ я ровесник наших Вооруженных Сил. В 1936 году 18-летним юношей добровольно вступил в их ряды и с тех пор вот уже почти пять с половиной десятилетий в армейском строю. За это время довелось немало увидеть, пережить, испытать. И главным испытанием была Великая Отечественная война. Уже 22 июня я и мои товарищи совершали свои первые боевые вылеты. Пройти через горнило самой чудовищной во всей мировой истории войны было непросто. Хотя в последнее время делается немало для того, чтобы принизить значение подвига нашего народа в Великой Отечественной войне, нашей Победы. Иные вообще считают, что мы закидали немцев трупами, не умели воевать. Какая чудовищная ложь!

Вспоминаю прославленного летчика, генерал-майора авиации И. С. Полбина. Он погиб под Бреслау, а накануне своей гибели писал: «118 раз я бомбил передовой край обороны фашистов, 118 раз смотрел смерти в глаза, 118 раз меня обстреливали зенитно-артиллерийским огнем и атаковали немецкие истребители...»

Вдумаемся: каким же надо быть высокопрофессиональным знатоком своего дела, чтобы столько раз успешно выполнять боевую задачу и уходить живым и невредимым от обстрела зенитно-артиллерийским огнем, от атак противника! Таким примерам несть числа.

Огромная любовь к Отчизне, мужество, отвага советских воинов лежали в основе нашей победы. Воины нынешнего поколения продолжают традиции фронтовиков. Главный выбор из сегодняшней обстановки они делают для себя такой—быть реалистами, не терять бдительности.

Благодаря перестроечным процессам в СССР и под их благотворным влиянием

происходят позитивные перемены на мировой арене, снижается уровень военного противостояния. Но в мире сохраняется военная опасность. Militarистские круги ряда стран не отказались от гонки вооружений.

В этих условиях многое делается для того, чтобы боеготовность Вооруженных Сил оставалась на высоте. Большое внимание уделяется военной реформе. Главное в ней—эффективное оборонное строительство при минимальных затратах средств и ресурсов, оптимизация состава и структуры Вооруженных Сил, качество вооружения.

Однако в последнее время некоторые круги и средства массовой информации пытаются очернить и подорвать авторитет армии и флота, стараются столкнуть Вооруженные Силы с народом, с партией, посеять неверие в способность Вооруженных Сил защищать страну. Наверное, ни в одной стране мира армия, офицеры не подвергаются такому моральному унижению, такой очернительной критике, как у нас. Путая гласность со вседозволенностью, эти круги особенно в Прибалтике, ряде районов Молдовы и Закавказья унижают и оскорбляют достоинство военнослужащих, призывают к отказу от военной службы вообще.

Сторонники национального принципа формирования армии и флота считают, что это значительно сократит «неоправданные перевозки» призывников по стране, сохранит для них национальную среду и климатические условия прохождения службы. Ссылаются на то, что подобный опыт у нас уже есть. Действительно, впервые национальные формирования Красной Армии появились в годы гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны в составе Вооруженных Сил СССР действовало

более 80 национальных частей и соединений. Их создание было обусловлено военным временем, необходимостью быстрого пополнения сил фронта. И численность военнослужащих — представителей коренного населения не превышала в них 30—40 процентов.

Критикуя нынешние наши Вооруженные Силы, некоторые авторы устных и печатных выступлений навязывают нам идею создания наемной армии. Они словно не замечают, что уже сейчас в Военно-Морском Флоте, в авиации, ракетных войсках, радиотехнических частях, в том числе и во внутренних войсках основная часть военнослужащих является профессионалами. И этот процесс продвигается вперед. Однако полностью Вооруженные Силы сегодня перевести на сугубо наемный принцип комплектования мы не можем.

Большим нападкам критиков, чаще всего некомпетентных, подвергаются политорганы, раздаются предложения об их упразднении. Эти предложения идут в русле нападок на КПСС, ибо политорганы всегда являлись проводником политики партии в Вооруженных Силах. И ныне они выступают основной организующей силой в проведении перестройки в армии и на флоте, осуществляют политическое воспитание воинов, выполняют многие другие функции — от решения вопросов боевой готовности до социально-культурных проблем. Не упразднять политорганы, а улучшать, совершенствовать стиль и методы их работы в духе времени, в соответствии с требованиями перестройки — вот одна из насущных сегодняшних задач.

Раздается в адрес Вооруженных Сил критика и за то, что привлекались армейские подразделения для поддержания общественного порядка в различных регионах страны. Дескать, правомерно ли в таком случае говорить о полном отрицании внутренней функции в армии?

Здесь, видимо, дает себя знать довольно распространенное заблуждение, связанное с нечетким разграничением понятий. Далеко не всякая задача, выполняемая частями и подразделениями, имеет функциональный, то есть связанный с предназначением армии, характер. Охрана труда, мирной жизни советского народа, защита Родины, суверенитета и территориальной целостности страны есть внешняя функция. Все задачи, выходящие за эти рамки, какую бы большую социально-экономическую значимость они ни имели, функцией не являются. Это в полной мере относится к привлечению армейских подразделений к выполнению несвойственных задач по поддержанию общественного порядка. Делалось это в особых, исключительных случаях, когда возникала серьезная угроза жизни и здоровью граждан, опасность массовых, чреватых труднопредсказуемыми последствиями беспорядков, а сил МВД, специально предназначенных для предот-

вращения и пресечения такого рода явлений, не доставало. Перед привлекаемыми армейскими подразделениями, и это надо подчеркнуть со всей определенностью, ставились задачи по охране государственных и других общественно значимых объектов, по контролю за выполнением комендантского часа, соблюдению других требований, обусловленных введением особого положения.

Значителен вклад Вооруженных Сил в решение экономических проблем. Достаточно сказать, что объем выполняемого ими капитального строительства ежегодно почти 4 млрд. рублей. Военные строители выполняют значительные работы в интересах более десяти союзных министерств, нередко в самых тяжелых, а то и экстремальных условиях. А вот пример вклада в продовольственную программу. Четвертую часть года личный состав армии и флота питается мясом и овощами, которые производятся в наших подсобных хозяйствах и военных совхозах. А каким большим подспорьем для сельского хозяйства страны является ежегодная помощь воинов в уборке урожая! Наша военно-транспортная авиация привлекается для переброски народнохозяйственных грузов. Воины ведут строительство дорог в Нечерноземье, на предприятиях Министерства обороны наращивается выпуск товаров народного потребления, увеличивается объем услуг, оказываемых населению.

Иными словами, повсюду, где требуются самоотверженность, особая мобильность, организованность, сплоченность, дисциплина, взаимопомощь и взаимовыручка, первыми всегда оказываются люди в погонах — солдаты и офицеры. Однако этот факт очень часто затушевывается, искажается в печати.

В связи с тем, что в стране, обществе происходит известная деформация взглядов на армию и отношение к воинской службе, серьезно встают вопросы призыва в ряды Советской Армии, подготовки молодого поколения как в школе, семье, так и на предприятиях, в учебных заведениях. Большая здесь ответственность лежит на советских органах. Пожалуй, трудно переоценить роль комсомола в подготовке юношей к службе. К сожалению, сегодня комсомол этим занимается обидно мало, а его газета «Комсомольская правда» стоит в первых рядах очернителей солдат и офицеров, вышедших именно из комсомола.

Независимо от домогательств и клеветы газетных кликуш молодые люди, прошедшие службу в армии, гордятся тем, что прошли серьезную школу воспитания и обучения.

Уверен, что, несмотря ни на что, наши Вооруженные Силы и впредь будут современными, сильными, надежными, способными в любых условиях защитить созидательный труд своего народа.

КОГДА СПИТ РАЗУМ

...**К** УРОК был взведен. Получив благословение парламента и Народного фронта, на юг Молдовы устремились «механизированные» колонны волонтеров. В Комрате, объявленном столицей ногой суверенной республики, вой сирены слился с тревожным боем церковных колоколов. Все населенные пункты с компактным проживанием гагаузов выставили заслоны из ополченцев. Казалось, еще немного, и сбудется угроза премьер-министра Мирчи Друка: «Если наших объяснений они не примут, тогда будет Ольстер или Карабах».

Так развивались события в южном регионе Молдовы в конце октября прошлого года.

Суровая диалектика: действие равно противодействию. Принятие республиканским парламентом законов, ущемлявших интересы немолдавского населения, породило ответный «сепаратизм». Тут бы, отбросив амбиции, сесть за стол переговоров, но руководители Молдовы предпочли диалогу «военные действия».

Тридцатитысячная «армия» волонтеров заблокировала все дороги к Буджаку, где по решению Верховного Совета ССРМ 26 октября 1990 года было введено чрезвычайное положение. Отсюда, с юга, ждали нерадостных вестей. Но трагедия разыгралась в Дубоссарах, в тридцати километрах от Кишинева. «Освободители» в милицейской форме подтянулись к мосту через Днестр. Тут и произошло их столкновение с населением. От пуль скончались три молодых человека, девять ранено. А в южных районах беды не случилось: сюда были направлены внутренние войска МЗД СССР.

Тут невольно хочется воскликнуть: впервые вовремя! После Сумгаита, Ферганы, Оша войны шли не по кровавым следам разыгравшихся трагедий, а с упреждением — на день, на час — неминуемой сшибки враждебных сторон. В этом, конечно, нет их заслуги (как и нет солдатской вины в том, что другие горячие точки встречали войсковые колонны гарью пепелищ): вопрос о сроках — прерогатива политиков. Войскам же вот за какую заслугу спасибо: выиграв время, предотвратили подготовленный экстремистами взрыв. Без единого выстрела. Хотя обстановка... Впрочем, вот документ.

Из политдонесения заместителя начальника войсковой оперативной группы подполковника Б. Сиренко в Политическое управление внутренних войск от 30 октября 1990 г.: «Общественно-политическая обстановка в районах компактного проживания гагаузов крайне обострена. Из Леово, Кагула, Чимишлии в сторону Комрата направляются автоколонны с милицией и волонтерами. Местные жители уверены: если прорвутся молдавские добровольцы — начнется резня. Имеются данные о наличии у гагаузов оружия...»

В этих условиях находившемуся в Комрате командующему внутренними войсками, начальнику войсковой оперативной группы, многим офицерам не раз приходилось выступать в роли дипломатов: убеждать, информировать, согласовывать усилия временных комитетов с молдавской и гагаузской сторон. Словом, по всем направлениям шла напряженнейшая работа.

И что же? Премьер-министр Мирча Друк и министр внутренних дел республики Ион Косташ заявили на пресс-конференции: войска действуют вяло, непрофессиональ-

но, с задачами не справляются и вообще непонятно, на чьей они стороне. Еще определеннее выразил свою позицию исполком Народного фронта. В его декларации записано: внутренние войска МВД СССР поддерживают сепаратистов, проявляют себя как интервенционистские войска.

Так в сознании обывателя формируется образ очередного врага: к «чужакам-манкуртам», по вине которых, как уверяют «отцы нации», терпит все беды простой молдаванин, пришли на помощь «интервенты» из России; а дальше как по маслу — «тучи сгущаются», «к оружию» — и каша заварена. Сценарий не нов, зато хорошо отработан невидимыми дирижерами событий в других горячих точках страны. Ложь очевидна, но при дефиците правдивой информации, создаваемой «ура-патриотической» прессой и телевидением Молдовы, доверчивых людей легко сбить с толку. На это и рассчитывают «стратеги» из НФМ.

Но какие все же мотивы стоят за лживыми обвинениями? Направлены войска по просьбе обеих сторон, действовали предельно корректно, предотвратили, можно сказать, гражданскую войну. И вдруг упрёки вместо благодарности...

Древние в таких случаях спрашивали: «Кому выгодно?»

Вот мнение начальника войсковой оперативной группы генерал-майора А. Зайцева: «Используя внутренние войска, руководители Молдовы намеревались уничтожить органы власти, созданные в районах проживания гагаузов, учинить расправу над депутатами, активистами национального движения. Но мы пришли не для того, чтобы выполнять карательные функции. Не нравится парламенту местная власть — что ж, пусть политические лидеры вступают в диалог и решают свои проблемы мирным, демократическим путем. А войска здесь не

собираются никого подавлять или прикрывать. Наша задача — обеспечить общественный порядок, не допустить кровопролития. И мы ее выполняем, строго руководствуясь Законом о правовом режиме чрезвычайного положения. Выведены отряды добровольцев. В населенных пунктах, где несут службу войсковые наряды, не зарегистрировано ни одного преступления, поджога, столкновения на национальной почве. В нормальном ритме работают предприятия, учреждения, транспорт. И... свадёб много: люди возвращаются к спокойной жизни, чувствуют себя в безопасности. Разве это не свидетельствует о том, что войска достойно выполняют свою миссию?»

Видимо, эта миссия и не устраивает премьер-министра М. Друка и генерала И. Косташа. Стремясь к достижению своих политических целей, они планировали, скажем так, разыграть войсковую карту. Не случайно, вводя в Гагаузии особую форму правления, Верховный Совет ССРМ обратился к Совмину СССР с предложением о передаче в исключительное подчинение правительства Молдовы кишиневского милицейского полка внутренних войск (хотя незадолго до этого парламент республики распорядился в 24 часа убрать часть из столицы). Замысел был предельно прост. Воины умирят гагаузских, а затем, глядишь, и приднестровских «мятежников», после чего используются в качестве громоотвода. Для этого можно, к примеру, слегка подновить миф о саперных лопатках — с учетом новых географических широт: там — Тбилиси, здесь — Комрат и Тирасполь.

И вот когда карта оказалась битой, в ход пошли обвинения в пассивности. Не совсем, правда, ясно, какие «активные» действия хотел бы взять за образец догнул Друк, упрекая войска в нерешитель-

ности и вялости. Уж не «подвиги» ли волонтеров в Гагуле и Унгенах? А может быть, блокаду погранзастав Стояновка и Готешты с угрозами «вырезать всех жен и детей офицеров»? Или расстрел мирных людей в Дубоссарах? Есть и другие «образцы активности», после которых не скоро придут в себя в гагаузских и молдавских селах. И главное, кто пример показывал! По сообщению газеты «Трудовой Тирасполь», у въезда в село Кариет-Лунга генерал Косташ самолично обстрелял из автомата трактор, рывший траншею поперек дорожного полотна. Водитель, к счастью, не пострадал, чего не скажешь о репутации министра.

В населенных пунктах, где несут службу войсковые наряды, не зарегистрировано ни одного преступления.

НЕВОЛЬНО возникает вопрос. А что если бы в подчинении МВД республики наряду с волонтерами оказались и регулярные войска? От одной этой мысли становится страшно. К счастью, центр, неукоснительно следуя Закону об обязанностях и правах внутренних войск, не позволил превратить посланные на юг Молдовы подразделения в орудие политических игр. Благодаря этому войска как третья сила в противостоянии заняли четкую и недвусмысленную позицию. И когда в Буджаке узнали, что направляемые в зону чрезвычайного положения военные подчиняются не министру Косташу, а командующему генерал-полковнику Шаталину, люди вышли на улицы с цветами.

«Никто и нигде нас так не встречал,— рассказывали офицеры милицейского полка.— Из Кишинева чуть ли не с боем прорывались, а здесь—горячие приветствия, на лицах слезы. Ребятишек солдатам на руки дают... Непривычно это для нас».

О времена, о нравы! До чего ж ты, родная держава, докатилась, коли твоих солдат изумляет теплая встреча. К другому отношению привыкли за последние годы: к косым взглядам, выстрелам из-за угла, к прозвищам «оккупант», «интервент»...

«Мы благодарны внутренним войскам, присутствие которых было сдерживающим фактором для экстремистски настроенных сил»,—сказал народный депутат С. Топал на состоявшейся в Комрате пресс-конференции для работников печати. А вот строка из письма жителей поселка Вулканешты Президенту СССР: «Прибытие войск МВД предотвратило кровавую бойню».

Да, если бы не «краповые береты», наз-

вание «Вулканешты» могло бы стать нарицательным. Это подтверждает рассказ генерал-майора А. Зайцева:

«31 октября к Вулканешты в сопровождении молдавской милиции подошел пятидесятый отряд волонтеров. Их намерения не вызвали сомнений: прорваться в зону чрезвычайного положения, учинить там шабаш, посеять среди людей страх, панику. Впереди ехал трейлер с бульдозером для обеспечения движения на случай баррикад и завалов. Из головного автобуса при просмотре было изъято 50 металлических прутьев. У некоторых боевиков я заметил огнестрельное оружие. В соседнем селе был оставлен большой резерв—его мы потом обнаружили с вертолета. Словом, подготовились к «операции» основательно. Возглавлял это «воинство» кандидат медицинских наук Георгий Хынку (непонятно, как увязывается с клятвой Гиппократова вооруженный рейд против мирных людей).

С волонтерами следовал священнослужитель (благословлять на разбой?).

Навстречу колонне вышли тысячи жителей Вулканешты. В толпе были женщины, дети.

Лишь редкая цепочка воинов спецназа—с прибытием подкрепления их численность возросла до 125 человек (всего-то!)—удерживала две «стенки» от рокового столкновения.

Когда мы вступили в переговоры с Хынку, он заявил: подчиняюсь только Косташу и Друку и сделаю все, чтобы выполнить поставленную задачу. Приехали в райисполком, вышли на связь с генералом Косташем. В течение получаса вместе с членами Временного комитета Верховного Совета Молдовы убеждали, требовали: поверните назад, возвращайтесь с миром. Войска, призванные стоять на страже безопасности людей, в поселок волонтеров не пропустят. «Если произойдет кровопролитие, вся ответственность ляжет лично на вас»,—сказал я по телефону министру. Это был последний аргумент.

Хынку отдает своему «воинству» приказ: уходим. Но не тут-то было. Запас агрессивности у волонтеров не расстрочен, поворачивать отказываются наотрез. И снова убеждаем: возвращайтесь, не берите греха на душу. Наконец нехотя соглашаются. Игора с плеч: обошлось без крови, никто не пострадал. В душе был очень благодарен воинам из подразделений офицеров О. Борукаева, А. Рыжова, В. Сусарова—многое в этой ситуации от них зависело...»

Рота капитана Олега Борукаева разместила в общежитии профтехучилища, на окраине Вулканешты. Строгий казарменный быт немного подновил интерьер «обители» будущих механизаторов, ну, а в общем здесь все напоминает о том, что воины—на положении квартирантов (хорошо, если это положение продлится недолго). Вот и

Противостояние у Вулканешты. К чему призывает участник «освободительного рейда» священнослужитель о. Константин (снимок на с. 7)?

Будни штаба войсковой оперативной группы. Все усилия офицеров направлены на обеспечение общественного порядка, безопасности граждан. Этим вопросам, в частности, была посвящена беседа генерал-майора А. Зайцева с одним из лидеров гагаузского национального движения Л. Добровым (снимок сверху).

Комрат. Панихида по убиенным в Дубоссарах.

А жизнь продолжается. Жизнь, вмещающая и скорбь, и радость. В выходные дни по улицам населенных пунктов особого района проносятся свадебные кортежи, свидетельствующие о том, что обстановка здесь мирная и люди чувствуют себя в безопасности. Свадьбы вносят приятное разнообразие в службу военных, охраняющих штаб, который размещен рядом с... загсом. И в этом есть что-то символическое...

Фото О. Смирнова и В. Горобченко.

стены «офицерского кубрика» увешаны фотографиями, весьма далекими по содержанию от ратной тематики.

— Не обращайтесь внимания, — сказал замполит роты капитан Евгений Григорьев. — Все это висело до нашего прибытия. Пациенты просили не снимать. Ладно, пусть себе висят. Хозяев надо уважать...

Опять «в гостях», опять — чужое жилье. Без малого полгода рота провела на Кавказе. Не успели вернуться домой — вводная: вперед, на картошку. Потом, как назло, в двух колониях массовые беспорядки. Короче говоря, с семьями провели считанные дни. И снова — командировка в горячую точку.

Обычная судьба спецназа. Не нравится — скатертью дорога. Но никто из них — знаю, спрашивал — ни на какую комфортную жизнь свою неласковую судьбу не променяет. Тяготы, риск привычны как воздух — что за спецназ без них. Речь о другом.

— Держава на глазах рушится, скоро никаких войск не хватит, чтобы прикрыть все горячие точки, — услышал я горькие слова. — Пока тянем ляжку — там погасим, здесь цепочкой встанем... Сколько это еще будет продолжаться, кто ответит?

«Прибытие войск МВД предотвратило кровавую бойню».

(Из письма жителей поселка Вулканешты Президенту СССР).

Вы правы, «красовые береги»! За державу обидно. Пора бы уже научиться — и в центре, и в суверенных республиках — вести перестроечную политику так, чтобы противоречия не превращались в антагонизмы, когда органы власти попадают в обстоятельства, при которых вынуждены продолжать эту политику «иными средствами».

— А я уяснил для себя одну простую вещь: есть дело, которое неплохо умею делать, и оно нужно людям. Вот и все, — вставил слово зам. командира по спецподготовке старший лейтенант Виктор Зураев.

— Возражений нет, Витя, — сказал замполит, заваривая в трехлитровой банке похожий на деготь «конвойный» чай — для придания крепости разговору «за жизнь».

Прошу рассказать подробности памятного для них противостояния с «командой» Хынку.

Подробности любопытные. Оказывается, до подхода основных сил Георгий Хынку, как заправский командир, организовал раз-

ведку — попытался ночью с небольшой группой боевиков проехать на «уазике» в поселок. «Разведчиков» тормознул на КПП войсковой наряд во главе со старшим лейтенантом Сергеем Учатовым. Улики, обнаруженные в машине: бутылки с зажигательной смесью, финки, нунчаки, заточки для прокола автомобильных шин. Задержанных передали в РОВД. А на следующий день Хынку как ни в чем не бывало появляется у Вулканешты уже в роли «полководца». Так «работала» молдавская милиция.

Полчаса сдерживали волонтеров силами находившегося на КПП войскового наряда. Семеро против пяти тысяч. «Сойдите с дороги, не вмешивайтесь в наше дело!» — кричали им с молдавской стороны.

Выстояли, не дрогнули.

Вскоре цепочка уплотнилась новыми прочными звеньями...

Стойкость солдат и офицеров, дипломатические усилия генерала перевесили на чаше весов агрессивность «освободителей».

Волонтеры ушли. Надолго ли?

В этой драме последняя точка еще не поставлена. Что будет завтра, по каким руслу потекут события в Молдове? Не повторятся ли вновь Вулканешты и Дубосары?

Вопросы, вопросы...

Парламентом республики принято мудрое решение о нулевом варианте — вроде бы сделан первый шаг к компромиссу. Начала работать согласительная комиссия. Но можно ли прийти к согласию, гася костер в одном месте и тут же раздувая его в другом?

Когда я покидал Молдову, обстановка в республике не внушала оптимизма.

Бесчинства волонтеров в Кишиневе, избиения русскоязычных граждан. «Это дезертиры Советской Армии бузят», — умыл руки горсовет.

Началось формирование подразделений муниципальной полиции. На правом берегу Днестра в пионерских лагерях сосредоточиваются батальоны «национального» полка «Тигас-Тигина», они вооружены, занимаются военной подготовкой. Своими глазами видел с вертолета одну из таких баз.

А в Кишиневе все настойчивее звучали требования о выводе «советских войск» с территории республики.

Что дальше?

Говорят, сон разума рождает чудовищ. Пора проснуться. Найти выход из критической ситуации — выход, отвечающий интересам всех народов Молдовы.

Но пока разум пребывает во власти порожденных им монстров национальной вражды, внутренние войска будут нести службу в особом районе. Чтобы никто не посмел переступить роковую черту.

Подполковник Ю. КИСЛЫЙ,
наш спецкор.

КТО ВЕДЕТ ИГРУ В ОДНИ ВОРОТА

Пресса «демократов», кажется, снова перешла в массированное наступление. Свою очернительную работу по отношению к армии она никогда не прекращала, разве что временами притихала, как бы переводя дух, накапливала факты, фактики, выбирала момент, чтобы уколоть, подловить на какой-нибудь мелочи.

А тут вдруг отставка Шеварднадзе, чья непоследовательность и уступничество национал-экстремистам при расследовании тбилисских событий больно ударила по армии, внутренним войскам, его вызывающие призывы остановить диктатуру [только вот кому она угрожала, до сих пор ни политики, ни журналисты из конфликтующих станом не могут разобраться], всплеск экстремистских выступлений в Грузии, вызвавший известные события в Южной Осетии, взрывы, вооруженные столкновения в Прибалтике, где пролилась кровь.

И вновь «демократы» клеймят армию, внутренние войска. Во главе этого хора становится Борис Ельцин, успевший в начале трагических событий побывать в Прибалтике, заверить местных политиканов в своей горячей приверженности к противостоянию центру, Президенту СССР. Не удосужившись встретиться с россиянами, чьи права всячески ущемляются и кто ждал от Председателя Верховного Совета РСФСР защиты, он выразил свою поддержку «гуманистам» типа В. Ландсбергиса.

В ответ на шельмование армии в частях внутренних войск зреют протесты, растет негодование. Солдаты, офицеры, дислоцирующиеся в Цхинвали, например, в своем обращении к Ельцину написали, что они обеспокоены его позицией «в отношении некоренного населения республик нашего Союза». Они не могут понять, за что их называют оккупантами, почему политиканы, борющиеся за власть, по всем каналам прибегли к обману, клевете. Своё возмущение действиями Ельцина выразили воины-держинцы, солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры внутренних войск Дальнего Востока и Восточной Сибири. А участники офицерского собрания Главного управления командующего внутренними

войсками прямо заявили главе парламента России: выражаем безусловное недоверие вам как народному депутату.

А как же реагирует на это пресса «демократов»? Опять распространяют небывлицы по поводу всеобщего зажима демократии, гласности. Стоило Президенту страны высказать упрек в адрес искажений, фальши, измышлений в некоторых изданиях, как уже появились полосы с пустыми колонками, мол, вот что будет, если действие Закона о печати приостановится. Нагнетается истерия, обманывается читатель. Патриотические издания, газеты и журналы, правдиво раскрывающие события, объявляются реакционными.

Дело дошло до того, что в «леворадикальной» прессе началась травля Александра Невзорова, осмелившегося сказать правду о январских событиях в Литве. И в то же время новоявленные поборники «демократии» как в рот воды набрали по поводу того, что саюдисты, например, приговорили к смертной казни съёмочную группу «600 секунд» и ее руководителя Невзорова, а также секретаря ЦК КП Литвы [на платформе КПСС] А. Науджюнаса, народного депутата СССР В. Алксниса. Они будто не замечают, что и воины-десантники, взявшие под охрану Вильнюсский телецентр [а не делать этого было нельзя, ибо «демократия» по-саюдистски означала игру в одни ворота, разнузданную антисоветскую истерию, оголтелую антикоммунистическую пропаганду], приговорены к смерти, их фотографии размножаются: выколотые глаза, звезды на лбу.

Внутренние войска — войска правопорядка. Они не вправе, участвуя в операциях по пресечению межнациональных и других конфликтов, занимать и поддерживать ту сторону, которая вступает в противоречие с законом, стремится развалить Союз. Как бы ни бесновались защитники «псевдодемократов», «краповые береты» будут всегда обеспечивать и защищать законность, решительно выступать против тех, кто натравливает народы друг на друга, по существу толкает людей к гражданской войне — об этом пишут наши читатели.

17. БЛИЦКРИГ

С ПОРУ нет, вермахт был подготовлен отлично. Границу взломали отборной техникой отборные же войска под руководством отборных полководцев — Вильгельма фон Лееба, Теодора фон Бока и Герда фон Рундштедта, которые сами и возглавили три удара по трем главным направлениям...

Броня танков, еще в ночной росе, была гулкой.

— Все люки и щели — на герметизацию!

— Исполнено, камерад. Форсаж?

— Да. Полный... полный газ, Франц!

Танки-амфибии (которыми Гитлер так долго пугал Англию) с полного разбега погружались в вязкую тину реки и, перевертывая на дне коряги, выкатывались на советский берег, сразу громя все живое. Брест, подобный огнедышащему вулкану, остался далеко позади. В мембранах—голос генерала Гота:

— Теперь забудьте о флангах, которыми займется пехота. Захват пространства — главное! Не бойтесь отрываться от полевых частей, берите переправы... марш, панцер, марш!

— М о с т, — доложил водитель танка.

— Берем, — отвечал фельдфебель.

— Коровы... полно коров с телятами.

— Прямо, — указал фельдфебель, — на мост.

Солнце еще всходило, из деревень гнали первое стадо. Меланхоличные буренки, позванивая бубенцами, мелко рысили за пегими важными быками. Впереди шел босой старик пастух, его внучек играл на дудочке. Их глаза, застывшие в ужасе, только на краткое мгновение мелькнули в узком триплексе танка, людской вопль не проник через броню.

— Давлю, — ликующе сообщил водитель...

Танк системы Т-IV (образцовый танк вермахта) покати́л через мост, прыгая по раздавленным тушам, буксуя в мешанине сала и крови. Весь красный и жирный, с ошметками мяса на броне, танк переползал на другой берег. Доложили Готу:

— Мост взят. Переправа обеспечена.

— Удерживайте до подхода мотопехоты.

Откинули люк, вылезли. Переговаривались:

— Не думал я побывать в России.

— Кому курить? У меня пачка белградских.

— Дерьмо! У меня лучше.

— Кницлер, чего ты там возишься?

— Тут между траками застряли бычьи рога.

— Так выдерни их. Вместе с черепом.

— Этим и занимаюсь, камерад.

— Русские! — закричал водитель. — Вон они, вон...

Вдоль лесной опушки перебегали красноармейцы с винтовками, сумки противогазов прыгали за их спинами.

— Всем вниз. Люк! Пулемет. Быстро...

Пулемет, проглатывая обойму, отбрасывал в парусиновый мешок опустошенные гильзы. Русские скрылись в лесу, и лес принял их и растворил в себе. Стало тихо.

— А где же их танки?—вдруг спросил фельдфебель.

Танков, увы, не было. Народ был потрясен, и, чтобы успокоить людей, Москва напечатала в печати, что передовой рабочий класс Германии возмущен нашествием на первое в мире социалистическое государство и скоро, мол, пролетариат ответит Гитлеру революцией. Политруки перед боем по-прежнему твердили о классовой солидарности трудящихся всего мира, и на фронте не однажды бывали случаи, когда боец вставал из окопа, крича дружки:

— Эй, геноссе... я—арбайтер... не стреляй!

Ответом была длинная очередь из черного шмайсера.

Такова сила и мощь великой «пролетарской солидарности», о которой так много у нас болтали... Вот и доболтались!

ПРОЗА

Ровно в 11 часов дня 22 июня Гальдер записал в дневнике: «Паулюс сообщил мне о заявлении статс-секретаря Вейцзеккера. Англия, узнав о нашем нападении на Россию, сначала почувствует облегчение и будет радоваться распылению наших сил. Однако при быстром продвижении германской армии ее настроение быстро омрачится, так как в случае разгрома России наши позиции в Европе крайне усилятся». Он отложил перо:

— Итак, кости брошены на стол, начинаем игру.

— Большую игру,— подчеркнул Паулюс.

— Да, какой еще никогда не вела Германия. Но еще никогда Германия и не была сильна так, как сейчас...

Упругие танковые колонны (Манштейна, Гудериана, Клейста, Гота и Гернера) железными «метелками» гусениц расчищали дорогу армиям Лееба, Бока и Рундштедта.

**Валентин
пикуль**

«БАРБАРОССА»
роман-размышление

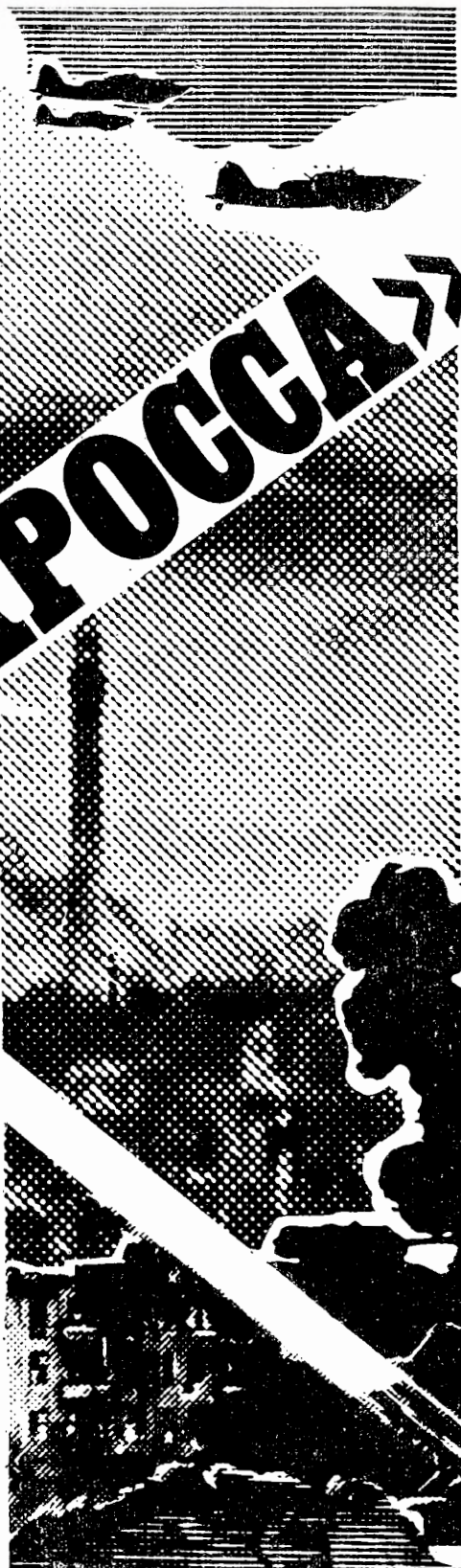
Против этой быстро несущейся лавины Москва определила три главных направления обороны, которые доверила прославленным маршалам — Ворошилову (против Лееба), Тимошенко (против Бока) и Буденному (против Рундштедта). В ставке Гитлера понимали, что Сталин желает использовать высокий авторитет героев гражданской войны...

В состоянии эйфории Гитлер объявил, что теперь Красная Армия — «это чья-то нелепая шутка»!

— Сталин, очевидно, решил, что ему предстоит новая «оборона Царицына», как в девятнадцатом году, поэтому он и пугает меня своими кавалеристами... Но где же их танки?

Кейтель с Йодлем — неразлучны. Но Кейтель побаивался авторитета Йодля и уже готовил ему всякие пакости, хотя внешне они казались большими друзьями. Оба с одинаковым неудовольствием видели, что их иногда опережает Хойзингер.

Вот и сейчас он торопливо выступил с готовым ответом:

— Мой фюрер, наши Т-IV протыкают русские танки снарядами насквозь, словно это коробки для обуви. Их броня всего пятнадцать миллиметров; они ходят на легком бензине и потому от первого попадания вспыхивают—как шведские спички.

(Хойзингер имел в виду наши старые БТ-7, Т-26 и Т-28, известные по парадам на Красной площади). Гитлер спросил:

— А где же их новейшие иа тяжелом топливе? Не меня ли вы пугали танками заводов Сталинграда и Челябинска?

— Кёстринг, сидя в Москве, что-то напутал.

— Гальдер, дайте ему как следует по мозгам.

— С удовольствием это сделаю, — обещал Гальдер, не простивший Кёстрингу «контору по скупке мебели...»

...Прощай, милый Цоссен, где по вечерам так сладко пахло резоды и левкоями! В канун войны ОКВ отсекало глухое урочище в дремучем прусском лесу. Сюда согнали пленных офицеров-поляков, началось строительство ставки Гитлера, которую он пожелал назвать «Вольфшанце» (что значит «Убежище волка»). Бетон и колючая проволока, минные заграждения и сигнализация обеспечивали Гитлеру непроницаемость тайны, в которой он собирался выиграть войну. Поляки закончили работу, их отвели в лес и уничтожили, чтобы сохранить тайну. Над личным бункером Гитлера была уложена такая броневая плита, которую не расколет никакая сатанинская сила. На поверхности земли в «Вольфшанце» остались блоки штабов и казино, казармы охраны и служебные постройки, крыши которых маскировали кусты и даже деревья. Все остальное упряталось в глубину. Подземные помещения напоминали железнодорожные вагоны класса «люкс», с коридорами и дверями, ведущими в отдельные кабинеты-купе. Всюду сверкали кафель и никель, каждому генеральштеблеру — ванна с душем и собственным унитазом. Паулюс теперь общался с Берлином по телефону, жена пораздовала его благополучной беременностью дочери.

— Поцелуй за меня нашу баронессу Кутченбах! — отвечал Паулюс: перед Гальдером он уже не скрывал своей тоски и тревоги. — Когда же выберемся из этого бурелома?

— После седьмого ноября, когда доставим удовольствие Сталину, устроив парад вермахта на его Красной площади...

Успех вермахта обозначился сразу и очень решительно. На шестой день войны немцы уже вошли в Минск, одиннадцать советских дивизий оказались в тылу противника, сражаясь с «перевернутым» фронтом. В наружном блоке № 18, где царствовали Кейтель с Йодлем (и где фюрер с Геббельсом спасались от духоты подземного бункера), Паулюс обратил внимание Гитлера на все возрастающее сопротивление Красной Армии, а ширококоротый Геббельс откровенно смеялся:

— Что вы, Паулюс? Они же бегут...

— Да. Но, отступая, они дерутся не за

свои жизни, а лишь за выигрыш времени. Наконец, есть такие участки фронта, где наши войска топчутся на месте, их продвижение начинается лишь тогда, когда русские сами оставляют позиции...

Гитлер выслушал молча. Подумал и отвел:

— Ах, Паулюс! Что в этом удивительного? Бродячий и ободранный кот, который питается на помойках, всегда более стоек в жизни, нежели благовоспитанная овчарка. Но разве же кот может быть ценнее породистой собаки?

Свои требования к генералам вермахта Гитлер уже оформил тезисом: «Для нас более важно уничтожить живую силу противника, нежели продвинуться на восток». Исходя из этого, он и рассуждал — как всегда напористо:

— Я все время пытаюсь поставить себя на место этих русских дикарей, попавших под жидовское ярмо марксизма. О чем они там думают? Практически они войну проиграли, а я выиграл ее — за четырнадцать дней. Вот Прибалтика — острый шип, который Сталин вогнал в мое сердце. Она уже почти вся моя, и острие шипа направлено против Сталина. Но одно лишь фронтальное отталкивание русских к востоку ничего нам не даст, кроме неприятностей в будущем. Внезапность нападения обеспечила нам оперативный результат, и сейчас русские готовы бежать хоть до Урала, а потом, оправясь от шока, они снова полезут в Европу, как тараканы на радиатор парового отопления... Таким образом, только полное уничтожение примитивных масс противника может принести нам окончательный и решительный успех. Не отталкивайте русских — уничтожайте!

4 июля Гальдер начал проявлять беспокойство:

— Не слишком ли увлеклись Гудериан с Готом? Их «рольки» взяли такой разбег, что мотопехота отстала. Это грозит и Манштейну, который вяпался у Пскова в кровавую лужу. Котлы же с попавшими в них русскими начинают опасное блуждание по нашим тылам. Выбивают гарнизоны. Жгут базы снабжения. Кстати, Гудериан уже просит подкреплений. Кажется, в биографии «быстроходного Гейнца» наступил самый комический момент, как в забавной оперетте Легара. Гудериан оборону советских войск принял за их наступление...

Такой факт был! Под Слономом русские, рванувшись из окружения, перебили офицеров его штаба. Гудериана спасло мужество шофера, давшего полный газ. Красноармейцы захватили автобус картографического отдела — с грудой карт и планов, разрисованных стрелами прорывов и охватов, столь любезных сердцам обитателей Цоссена и «Вольфшанце». Известие об этом приключении вызвало бурные дебаты в кабинетах и бункерах ОКХ. Гальдер сказал:

— Если бы русские решили распать Гудериана, они бы избрали для эшафота кафедру своей Военной академии. Но перед

68

казню заставили бы его прочесть лекцию о блицкригах!

Стратегическая «воронка», о которой Паулюс предупреждал раньше, расширялась. Между прорывами танковых клиньев образовались глубокие разрывы (и если не практически, то в теории русские уже могли начинать избивание вермахта по обнаженным флангам).

Все это еще не понимали другие, но отлично понимал Паулюс.

— Выигрывая лишь в оперативном отношении,—говорил он,—мы уже начинаем что-то проигрывать в планах большой стратегии. Мы, кажется, теряем реальное представление обстановки.

— И все-таки,—отвечал ему Гальдер,—я согласен с нашим фюрером: война выиграна нами за четырнадцать дней...

Бывали случаи, когда на один наш батальон выпадал рубеж обороны в десять и более километров — враспятку. Много ли тут навоюешь? Потому иногда гитлеровцы шли походной колонной, пустив впереди себя группы мотоциклистов, сами шагали налегке, засучив рукава мундиров и сунув пилотки за пояс, а впереди были развернуты знамена полков и дивизий, как на параде, и даже играли оркестры,—вот она, наглядная картина блицкрига! Окружая наши войска, немцы кольцом пожаров в лесах и деревнях обозначили своей авиации главные контуры котлов окружения, чтобы окруженных бомбили наверняка.

Вскоре пунктуальный Паулюс обратил внимание на то, что котлы с окруженными в них русскими не имеют округлой формы — они напоминают узкие параболы, вытянутые с запада на восток: в этой геометрии фигур сказывалось стремление советских войск прорвать кольца окружений.

— Симптом очень выразительный, — заключил Паулюс.

Гальдер долго возился с пенсне, протирая его.

— Вы стали настоящим генеральштенблехом. Наша случайная встреча в меховом магазине на Фридрихштрассе оказалась исторической. Если фюрер поперет меня на улицу из этого отхожего места, мой стульчик останется за вами, Паулюс...

Гальдер был баварцем, а потому его юмор всегда покоился на прочных основах грубого раблезианства. Вечером, гуляя по асфальтированной тропинке возле блока № 18, Паулюс встретил графа Шуленбурга. Недавно состоялся обмен посольствами враждующих государств, теперь, естественно, Гитлер пожелал видеть своего московского посла. Но, судя по настроению Шуленбурга, эта встреча имела драматический характер.

— У меня судьба маркиза Коленкура, который, будучи послом в Петербурге, не раз предупреждал Наполеона не забираться в Россию, однако цезарь имел на этот счет иное мнение. Я боюсь,—признался Шуленбург,—как бы и наш «цезарь» не стал

выглядеть дворянкой, получившей хорошего пинка, когда она вздумала заглянуть в мясной магазин.

Паулюс думал о своем—о потерях вермахта:

— Как вы думаете, граф, не рискнет ли Сталин на новый Брест-Литовский мир с нами, немцами, именно сейчас, когда его фронт окончательно взломан и русские отступают?

— Никогда!—убежденно ответил Шуленбург.—Вы плохо, Паулюс, понимаете советскую систему. Там, помимо Сталина, существует еще обширный партийный аппарат, с контролем которого Сталин не может не считаться. Этот чудовищный человек пережил в своей жизни немало острейших кризисов, и потому настоящий кризис для него—не самый опасный. Но даже и будь такого Сталина, русские все равно продолжали бы беспощадную борьбу с нами! Нет, нет, нет,—торопливо сказал граф Шуленбург,—сейчас не восемнадцатый год...

10 июля Паулюс вынужден сделать заявление:

— Сорок три процента наших танков на Востоке уже выбиты. Нас выручает лишь то обстоятельство, что, подбитые, они остаются в наших руках, и мы еще можем их ремонтировать. Танковые же потери русских я отношу к числу безвозвратных.

Наконец, с фронта стали поступать панические известия о появлении русского танка Т-34, от которого снаряды отскакивают, как бои от стенки. Гудернан предупредил ОКХ, что превосходство Т-34 над немецкими танками «проявляется в резкой форме», а генерал Гот, дабы избежать потерь, приказал своим танкистам избегать боевого соприкосновения с русскими Т-34... Фронтовики рассказывали Паулюсу:

— К нему никак не подобраться, и, чтобы он притих, нужно дать ему под хвост из приличного калибра. Только с кормовых «жалюзи» он еще уязвим! Лобовые же попадания Т-34 воспринимают так, будто в него залепили хлебным мякишем...

«Вольфшанце» напоминал нечто среднее между концлагерем и мужским монастырем со строгим уставом. При неприятных известиях с Востока фюрер наказывал обитателей ставки обедом из «общего котла», откуда черпали жратву эсэсовцы охраны, а остатки скармливали сторожевым собакам. Конечно, Кейтелю с Йодлем не совсем-то нравилось хлебать «фолькс»-суп со свиным смальцем, но чего не сделаешь ради капризного сюзерена. Сам же фюрер поедал пшеничную кашу без масла.

Из древних прусских чашоб под Растенбургом по ночам зловеще перекликались филины. Узнав о русских танках Т-34, фюрер тяжело и надолго задумался. Наверное, в этот исторический момент он вспомнил о зубных щетках...

Надо же было так случиться, что Паулюс опять повстречал генерала и графа Курта фон Гаммерштейна-Экворда, с которым однажды беседовал по дороге в Цоссен. Теперь граф сказал:

— У меня нет никаких иллюзий! Из числа тех войск, что двинуты вами на Россию, пожалуй, никто живым не вернется...

Судьба, кажется, наказала Сталина за то, что он отказался подписать Женевскую конвенцию о пленниках, — не прошло и месяца после начала войны, как в плену оказался его сын офицер Яков Джугашвили... Как же так, дорогой товарищ Сталин? Не вы ли утверждали, что большевики в плен не сдаются? Между тем партийная характеристика на вашего сына была ведь отменная. Могу напомнить: «Делу партии ЛЕНИНА—СТАЛИНА предан. Работает над повышением своего идейно-теоретического уровня. Особенно интересуется марксистско-ленинской философией...»

Не знал бедный Яша, сдавшийся в плен под Витебском, что его попытаются обменять на фельдмаршала Паулюса, как не знал и Паулюс, что его захотят обменять на сына Сталина!

18. ПЕРВЫЕ КРИЗИСЫ

Паулюс давно стремился в Берлин, желая повидать семью, но в Цоссене его удérживал Франц Гальдер:

— Прежде мы разделаем шарлатана Кéстринга...

С удовольствием (даже садистски) Гальдер учинил расправу над атташе, когда тот появился в отеле «Форверке».

— Итак, наша контора по скупке старой мебели у бедного населения желает выдать вам первый аванс... Вы, бывший военный агент в России, должны объяснить нам, почему вместо ста пятидесяти дивизий, как вы показывали, у русских вдруг обнаружилось триста с чем-то дивизий.

От Кéстринга еще пахло духами «Красная Москва».

— Я докладывал в ОКХ о том, что русские способны выставить двести дивизий... двести! Но вы с Кейтелем не поверили мне и самовольно исправили цифру двести на сто пятьдесят.

— Второе, — увильнул Гальдер. — Почему русские дивизии, показанные вами кавалерийскими, вдруг обращаются для нас в танковые? Не могу поверить в проворство казаков, для которых перепрыгнуть из седла в танк — раз плюнуть!

— А я предупреждал вас, что Россия — «неизвестная большая величина». — Паулюс при этом машинально кивнул, ибо это выражение Кéстринга он часто употреблял сам. — Следовало внимательнее прочитывать мои доклады. Я ведь никогда не писал, что СССР — колосс без головы и на глиняных ногах. А в ОКВ и в ОКХ иначе Россию и не называли, повторяя явную глупость Дени Дидро, отчего ему и попало от Екатерины Великой. Теперь, когда ваш автобус начал опаздывать, выбившись из расписа-

ния, вы хотите, чтобы я оплатил вам стоимость прогоревших билетов.

— Почему, — отозвался Паулюс, — вы не предупредили нас о ширине гусениц танка Т-34 и какова его боевая масса?

Кéстринг загасил в пепельнице окуроч «Казбека».

— Боевая масса тонн тридцать, средняя. А насчет гусениц, так вы не думайте, что я шлялся с линейкой по цехам русских заводов. Спросите моего помощника Кребса, и он подтвердит, что мы там в Москве босиком бегали по лезвию бритвы...

Немецкие Т-III и Т-IV назывались «магистральными» (ширина их гусениц была проверена на отличных дорогах Европы).

— А теперь, — сказал Паулюс, — зауженные гусеницы наших танков застревают даже на обочинах русских шоссе.

Кéстрингу подобный упрек показался смешным:

— Но я же не виноват, Паулюс, что русские колхозники еще не обзавелись автобусами с гудроновым покрытием. Вы сами знали, что в России придется съехать с асфальта и посидеть в болоте. С грязью вермахту предстоит считаться в равной степени, как и с морозами.

Гальдер шлепнул ладонью по столу:

— Не будьте сплетником, Кéстринг! Какие морозы? Неужели вы думаете, что мы оставим Россию живой до зимы?

— Пардон, — ответил Кéстринг. — Но вы и сами, сидя здесь, уже наверняка поняли, что зимней кампании не избежать. Ваш прекрасный летний загар будет потерян под Москвою...

Перебранка становилась опасной, и Гальдер сказал:

— Хватит! Все-таки, Кéстринг, вы умудрились всучить нам старую мебель, а новой не показали. Какой ценой будем расплачиваться за это, я не знаю. Идите... Не надо отчаиваться, — продолжил Гальдер, когда Кéстринг удалился. — В конце концов, русские еще не освоили серийное производство новых машин. Т-34 встречаются в пропорции один к пятнадцати по отношению к танкам устаревших модификаций. Не будем забывать о советских рекордах по выделке зубных щеток...

Словно подтверждая первые, еще робкие опасения Паулюса, официозная «Фелькишер беобахтер» уже пробила по Германии первую тревогу: «Русский солдат превосходит нашего противника на Западе своим презрением к смерти. Выдержка и фатализм заставляют его держаться до тех пор, пока он не убит в окопе или не падет мертвым в рукопашной схватке». Даже странно, как это признание проскочило через фильтры цензуры!

В эти дни Кейтель сделал доклад Гитлеру:

— Рядовой состав Красной Армии может считаться превосходным. Пополнение же из запаса очень отстало и не расстается с сумкой противогаса, боясь химической войны. Командиры до батальонных — очень хороши. Выше их — хуже.

Только семь процентов офицерского состава имеет высшее военное образование. Генералитет отличает оперативный схематизм, боязнь ответственности. Любой фельдфебель вермахта более свободен в принятии решений, нежели маршалы Сталина, ничего не делающие без его разрешения...

Гитлер с пафосом заговорил, что война на Востоке подходит к финалу, пора уже думать о сокращении сухопутных сил. Но, демобилизуя часть персонала армий, он надеется постоянно увеличивать танковые войска и авиацию:

— Сейчас для Германии имеет значение позиция Японии, чтобы самуран потеряли остатки девичьего стыда, поскорее десантируясь во Владивостоке и в Петропавловске-Камчатском. Впрочем, я сам буду говорить с токийским послом Осима...

Рейхсмаршал Геринг призывал к открытому грабежу:

— Вы там в России не миндальничайте, — наставлял он фронтовиков, — Если увидели овцу, стригите ее сразу. Не вам же плакать, а русским! Попалась на дверях медная ручка — отворачивайте ее безо всяких разговоров. Вырубайте леса. Реквизируйте лошадей. Германия должна видеть в вас ландскнехтов-обираал времен Валленштейна, живущих на подножном корму и пожирающих все подряд, что попалося на глаза... Генерал Вагнер, что ты хохочешь? Я давно тебе говорил: всю русскую икру честно поделим пополам. Из Азовского моря — пусть лопают вермахт, из моря Каспийского — вся икра достанется летчикам моего люфтваффе...

Гальдер уже приступил к планированию далеких целей вермахта. Его рука бестрепетно выводила пронзительные стрелы ударов между Нилом и Ефратом, через Турцию и Персию — на Афганистан, на Индию. При этом он рассуждал:

— Жестокость необходима в России, как и в Польше, и потому нам следует высчитать, сколько понадобится оставить гарнизонов в России, чтобы они выжали из нее остатки колхозного жира... В этом вопросе я, как и Геринг, далек от слюнтяйства! Эрэацы пусть едят русские, а мы украсим магазины натуральными продуктами Востока...

Паулюс навестил в «Форверке» генерала Генриха Кирхгейма, прилетевшего из армии Роммеля. Кирхгейм сказал, что Черчилль сменил Уэйвелла, поставив на его место генерала Оквинлека.

— Роммель еще не рвет с головы волос, но часто хандрит. Восточный фронт забирает все резервы, Муссолини много обещает, но ничего не делает. Еще недавно мы делили горючее бочками, а скоро станем отмерять стаканами.

— Передайте Эрвину мой бодрый солдатский привет, — ответил Паулюс, — и пусть Роммель не завидует нашему мнимому изобилию. При отсутствии железнодорожной тяги мы гоняем к фронту автомобили, расходующие бензин, которого ско-

ро не станет хватать ни нашим танкам, ни нашей авиации. Румынские нефтепромыслы мы откачаем досуха, но... Фюрер, кажется, прав: без кавказской нефти вермахт протянет иги!

Кирхгейм громко защелкнул замки на портфеле:

— Я вижу, у вас тоже не все в порядке. Если это так, Паулюс, то искать ошибки надо в раннем планировании. Это наверху. Или в исполнении планов позже. Это уже внизу.

Такой вывод задел самолюбие Паулюса:

— Перестаньте, Кирхгейм! Сам Шлиффен позавидовал бы нашему планированию. Мольтке не мог и мечтать о лучшем распределении сил. Смотрите сами: с юга Греция и Румыния, с севера Норвегия и Финляндия обеспечивают надежность флангов. Второго фронта нет, и не предвидится. Если кто и виноват, так это — русские, срывающие нам графики продвижения. Я, как и фюрер, тоже хотел бы постучать в двери московского Генштаба и спросить: «Эй, ребята, о чем вы тут загрузили? Не пора ли укладывать игрушечку, чтобы идти бай-бай?»...

...Георгий Константинович Жуков, заместитель наркома обороны, был тогда и начальником Генерального штаба. Много позже, уже во времена хрущевской «оттепели», он признавался:

— Как я уцелел — сам не знаю. Все уже было готово для моего ареста, и, если бы не Халхин-Гол, меня бы давно на свете не было. Меня буквально спас конфликт на реке Халхин-Гол...

Сейчас Жуков многое еще не понимал в том, что происходит, да и понять было невозможно. В эти дни его навестил генерал артиллерии Н. Д. Яковлев, заставший Жукова в кабинете, где он сидел в позе смертельно разбитого человека, глаза его были воспалены от хронической бессонницы. Яковлев стал говорить о подвозе боеприпасов, задавал вопросы о передислокации артиллерии, но Жуков безнадежно махнул рукой:

— Что с меня сейчас спрашивать? Я ничего не могу сказать. Видите, какой бардак? И во многом я просто не могу разобраться... Не верится, что такое могло с нами случиться!

Но уже начиналась грандиозная Смоленская битва.

В этой битве — впервые за всю войну — вермахт был прочно остановлен: отныне не наступал, только оборонялся. «Потери превосходят успех», — констатировал Герман Гот. В сражении под Ельней вновь просверкало имя генерала Г. К. Жукова, памятное по Халхин-Голу, и отныне немцы не ослабляли внимания, следя за Жуковым, который становился особенно опасен для их вермахта. Обстановку в Посене была нервной. Хойзингер доложил,

что на днях Манштейн слышал в эфире переговоры Ворошилова, а 15 июля Гудериан на фронте стал перехватывать по радио грозные приказы маршала Тимошенко. Это даже удивило Паулюса, и он повидался с генералом Эрихом Фельгиббелем, который в Цоссене ведал радиоразведкой вермахта.

— Нет ли в перехвате «дезы»? — встревожился он.

— Никакой, — отвечал Фельгиббел. — У меня в отделе тоже не понимают, почему русские игнорируют секретность. Впрочем, это маршалы! А на более низких инстанциях русские пытаются меня обманывать: штаб называют «сельсоветом», при нужде в снарядах они просят «огурцов», а если нет танков, то оповещают свои штабы, чтобы прислали побольше «сундуков»... Их наивность меня обескураживает — не меньше тебя, Паулюс!

Эрих Фельгиббел был закадычный приятель, и поэтому Паулюс не скрывал перед ним растущей опасности:

— Германию сейчас страшит то, что Черчилль увлекся периферийной стратегией, возня с арабами в Дамаске для него важнее нашего наступления на Шмоленгс. Иначе бы...

«Шмоленгс» — так все немцы произносили «Смоленск». Вскоре состоялась встреча фюрера с японским послом Хироси Осима, которому Гитлер сделал нескромное заявление:

— На этот раз судьба Наполеона ждет не меня, а — Сталина! Я уже вижу его тень, удаляющуюся в морозные дали Сибири, и он очень удивится, увидев японские штыки на Байкале.

На все приманки Гитлера — следовать от Владивостока до Байкала — посол Осима отвечал сладчайшей улыбкой, вежливым шипением и поклонами. Гитлер признался своим генералам:

— Когда имеешь дело с самураями, прежде надо как следует подлечиться у хорошего психиатра. Японцы кланяются в мою сторону, а смотрят они в другую. Я не буду удивлен, если завтра же Би-Би-Си оповестит мир, что армия микадо успешно высадилась в Буэнос-Айресе...

А японцы выжидали решительного. (1) успеха Германии, чтобы вонзить зубы в наши дальневосточные края. Частичные победы Гитлера в начале блицкрига японцев не одурманили. Пока Сталин еще сидит в Москве, а вермахт топчется под «Шмоленгсом», самураи сознательно выжидали: что будет дальше?

25 июля Паулюс позвонил в Берлин и сказал зятю, чтобы собирался в Россию — его знания русского языка могут пригодиться. Трубку переняла Ольга — дочь Паулюса:

— Папа, я не хочу иметь детей сиротами. Занимая такой пост, ты можешь сделать, чтобы Альфреда оставили в покое.

— Успокойся, дитя мое. Предстоит маленькое инспекционное турне в танковый корпус Манштейна. Уверю, твоему баро-

ну Кутченбаху не придется ходить в яростные штыковые атаки. Кстати, Ольга, поishi дома красивую банку с ароматной косметикой, что отпугивает всякую мошкату.

Но еще до отъезда на русский фронт Паулюсу пришлось задержаться. Гальдер предупредил его:

— Вас включили в особую комиссию. Дело в том, что удалось захватить в исправном состоянии русский Т-34, при нем обнаружены даже технический формуляр. Вам с конструкторами предстоит разобрать Т-34 по винтику, и пусть металлурги заодно выяснят, какой навоз загружают русские в свои домны? Чтобы не испачкаться, захватите и свой танковый комбинезон...

Появление среднего танка Т-34 было для немцев шоковым ударом, сенсацией № 1, открытием и загадкой: «Это дьявольское наваждение! — говорили они. — Нет, это даже не машина, а какой-то сказочный принц среди наших танков — плеев...»

На танкодроме, где стоял трофейный Т-34, Паулюс доказывал, что не стоит раньше времени отчаиваться:

— Русские еще не освоили массовое производство, и потому все Т-34 мы выьем поодиночке хотя бы из калибра «восемь-восемь». Спасибо нейтральной Швейцарии, поставляющей для вермахта такие замечательные зенитные пушки...

Вызванный из лабораторий Нибелунгверке, приехал и знаменитый немецкий танкостроитель — Фердинанд Порше.

— Это правда, — сказал он, — что Т-34 у противника еще недостаточно. Но вы, Паулюс, не забывайте предупреждений Бисмарка: русские долго запрягают, зато они быстро ездят. Из истории нам известно, что Россия всегда к войне не готова, но каким-то странным образом она оказывается победительницей...

Немецких специалистов больше всего поразил двигатель — дизель в 500 лошадиных сил, целиком сделанный из алюминия: «Русские плачутся, что у них не хватает материала для самолетов, а на моторы для танков алюминий нашли...» Паулюс (на основании данных абвера) сказал, что Т-34 подвергался в Москве очень суровой критике, его даже не хотели запускать в серийное производство. Если это так, комиссия предстоит выявить слабые места в конструкции танка.

— Увы... их не существует! — отвечал Порше.

— Но русские-то раскритиковали свою машину.

Это вызвало смех главного конструктора: — Милый Паулюс, вы что, первый день на свете живете? Должны бы знать, что у подлинных талантов всегда немало завистников, желающих опорочить их достижения. Только этим, и ничем другим, я объясняю критику этой машины.

Паулюс прыгнул с брони танка на землю: немецкую противотанковую пушку ка-

либром в 76 мм уже выкатывали на прямую наводку. Все попрятались в укрытие, издали наблюдая. Первый снаряд, рикошетируя, вырвал из советской брони ярчайший сноп искр. Второй, ударившись в башню, сделал «свечку», и высветленная траектория полета составила точную геометрическую вертикаль — в небо!

— Я не думал, — сказал Порше, выбираясь из блиндажа, — что русская металлургия способна повергнуть нашу. Как представитель фирмы Круппа, я свидетельствую ее поражение.

T-34 достался немцам неповрежденным, внутри его оставили все как было при русских. Водитель имел перед собой портрет Сталина, а башнер, посылая снаряды в пушку, мог глянуть на фотографию своей курносой с надписью: «Помни о Люське!» Паулюса поразила убогая простота внутри машины: не было кресел, обитых красной кожей, нигде не сверкал никель, но в глубоким лаконизме машины чувствовалось нечто сосредоточенное ради единой цели — боевого удара. Немецкие T-III и T-IV создавались из расчета, что их качества будут выше устаревших советских танков. Но перед T-34 машины вермахта предстали жалкими таксами перед породистым бульдогом. Комиссия обнаружила: T-34 имел удельное давление на один квадратный сантиметр в 650 граммов, что и объясняло его высокую подвижность. (Немецкий же T-IV давил на почву усиленной массой сразу в один килограмм, что в непролазной грязи русских дорог обещало большие неприятности).

— В мире много прекрасных женщин, — сказал Порше. — Однако на конкурсах красоты выигрывает единственная и неповторимая. Так же с танком! T-34 пока не имеет аналогов в мире: он уникален, и скопировать его невозможно. Если же мы попробуем это сделать, мы сразу упрямся в непрошибаемую стенку технических проблем, которые для Германии останутся неразрешимыми... А ваше мнение, Паулюс?

— Я нашел единственный недостаток, — сказал Паулюс. — Экипажу слишком тесно внутри танка, но русские очень любят обитать в тесноте коммунальных квартир, умудряясь всей семьей ночевать в одной комнатке...

Немецких конструкторов откровенно страшил дизель из алюминия, цельнолитые башни из стали особой закалки (они были неизвестны со сваркой под флюсом по методу нашего академика Е. О. Патона). Но строптивый Гудернан настаивал именно на получении точной копии советского танка. Однако и Фердинанд Порше, и инженеры берлинской фирмы «Даймлер-Бенц» возражали ему:

— Точным копированием русского танка мы распниемся в собственном бессилии. К сожалению, T-IV уже доведен нами до предельных параметров, а новейшие его модификации невозможны. Остался единственный путь — создать танки T-V и T-VI, которые повершат броню и силу T-34...

Так зародилась идея будущих «тигров» и «пантер».

Но чудовишный призрак «тридцатьчетверки» уже не покидал воображения немцев, и в создании новых танков Германия отныне лишь подражала идеальным формам русского танка. Сейчас, когда я пишу эти строки, даже страшно при мысли, что лучший танк мира T-34 у нас хотели отвергнуть: сомнения вызывали дизель, сварной корпус, литая башня и чисто гусеничный ход — иными словами, все самое достойное в конструкции, что и принесло танку международную славу. А в 1965 году военная общественность ФРГ отметила 25-летний юбилей со дня рождения первой «тридцатьчетверки», и на эту памятную дату немцы наложили мрачную паузину роковых воспоминаний. Журнал «Зольдат унд техник» признал, что своим появлением T-34 дал совершенную конструкцию танка, и потому все мировое танкостроение (вплоть до конца XX века) будет исходить лишь из тех технических результатов, что были достигнуты советской наукой. Мы, отступающие в сорок первом, могли быть уверены, что оружие будет, и это оружие будет лучше вражеского.

19. ЛЮДИ, ГДЕ ВАШИ НОГИЛЫ?

Паулюс с зятем вылетели как раз в те места, где осталась моя прародина (по линии бабушки Василисы Минаевны Карениной) и где моему сердцу очень много говорят старинные имена — Псков, Дно, Порхов, Замостье и тишайшая речка Шелонь, в которой я, помнится, ловил в детстве раков...

56-й танковый корпус Манштейна проскочил от границ Пруссии до города Двинска (ныне Даугавпилс) и занял мосты через Западную Двину (Даугаву). Но, выбравшись на Псковщину, он попал в окружение, его котел снабжался по воздуху. Это никак не украсило биографии Манштейна.

— Ну, Паулюс, не желаю вам попадать в котлы. Ощущение такое, будто заперли в сейфе, протянув мне соломинку, через которую я мало пил, худо дышал и плохо мочился.

Московское радио сообщало, что в боях захвачены секретные документы Манштейна об огнеметах (речь шла о самовозгорающемся фосфоре, протечке американского напалма). Паулюс «поздравил» Манштейна с выговором от имени ОКХ за потерю бдительности, хотя это никак не испортило их отношений. Манштейн доложил, что потери чудовищны, сейчас одну его панцер-дивизию послали к Ильменю на борьбу с партизанами.

— Откуда здесь франтиеры? — удивился Паулюс.

— Наверное, наш визит в СССР был настолько внезапен для русских, что местные власти не успели с мобилизацией. Теперь мужчины призывного возраста ушли в леса, к их кострам подсаживаются выходящие из окружения и просто недовольные нами... Не вам объяснять, как зверствуют люди из компании Гимmlера. Так что, Паулюс, мы, кажется, обретаем в России второй фронт, и с этим фронтом предстоит считаться.

На траках танков Манштейна еще хранилась пыль дорог всей Европы, а он вдруг заговорил, что они... застряли.

— Чем объясните свою оперативную паузу?

— Даже размерами наших гусениц, — объяснил Манштейн. — Если вы из Цоссена завтра дадите сигнал двинуть мои «ролики» на Ленинград, мы выйдем к курортам Луги и Вырцы уже с забитыми пылью фильтрами и лопнувшими траками... Не только у нас, но даже у техники сдадут нервы и лопаются перепонки!

Беседа, они шли от полевого аэродрома по заливному лугам, незаметно для себя собрали громадный букет ромашек. В безвестной деревеньке на берегу тихой речки Манштейн занимал избу с печкой и полатами; барон Альфред Кутченбах, с интересом оглядываясь, уселся на лавке под киотом, и строгие русские боги сурово взирала на загадочных пришельцев. В углу же горницы стоял ящик, из которого торчали горлышки водочных «четвертинок».

Манштейн хвалил русских за их сообразительность:

— Чертовски удобную придумали они расфасовку! Этот ящик достался нам в качестве трофея из одной сельской лавки. Больше там ничего не было. Только учебники, какие-то книжки, паршивые «фотокоры» на треногах и пачки соли, пропахшей керосином.

Манштейн сообщил: тяжелые русские танки КВ, истратив боезапас, идут прямо на таран, и тогда (если не взрываются при ударе) оставляют от немецких «роликов» груды искореженного металла. Паулюс в ответ рассказал Манштейну, что с Т-34 не справляется даже противотанковая артиллерия — лучшая в мире.

— Шкуру этих зверей пробивает только швейцарская зенитка калибром «восемь-восемь». Это даже немисливо, — говорил Паулюс, — если небесная артиллерия станет опускать стволы к самой земле, выступая в несвойственном ей амплуа.

Манштейн занимался устройством букета:

— На этих «восемь-восемь» пока и держимся...

Появились хлеб с зельцем, копченая колбаса. Манштейн сказал, что в недавнем бою пленен русский подполковник; он решил не передавать его в СД или СС:

— Потому что это старый, еще царский офицер. Я держу его при себе — под охраной в бане на огороде. Он предельно от-

кровенен, и мы иногда с ним дискутируем.

— Любопытно. Пригласите его, — сказал Паулюс...

Появился пленный. Седоватый ежик волос. Широкое лицо. Грубые руки. В петлицах гимнастерки — три шпалы. Пожалуй, никто, кроме Кутченбаха, не заметил, что он припадает на одну ногу. Увидев зондерфюрера войск СС, сидящего под иконой «Утоли моя печали», русский сказал:

— Ага! Вот этот тип и станет мордовать меня?

Кутченбах засмеялся, отвечая ему по-русски:

— Не бойтесь. Я не по этой части. Переводчик.

— Значит, в эмиграции нашего языка не забыли?

— Я не русский, а немец. Садитесь, пожалуйста.

Манштейн привычно запустил руку в магазинную тару и вытянул на стол четыре бутылочки — каждому по штуке.

— Никак не научусь открывать без штопора.

— Не велика мудрость, — сказал пленный, ударом ладони вышибая пробки, так что водка плеснулась за печку.

На его груди одиноко светилась медаль «XX лет РККА», и Паулюс с некоторым удивлением заметил:

— Не слишком-то щедро вас награждает Сталин.

Подполковник оглядел Паулюса с ног до головы:

— Да, Гитлер щедрее... Но вы и воюете больше нашего. А у нас — что? Конфликт на КВЖД, конфликт на озере Хасан, конфликт на Халхин-Голе, конфликт на Карельском перешейке... Войн нет — одни конфликты: а с них, сами понимаете, воювать не научишься и орденов не нахватаешь.

Кутченбах долго изучал водочную этикетку.

— Цена три марки и пятнадцать пфеннигов... Дорого!

— А вам-то, — ответил пленный, — не все ли равно, что дешево, что дорого? Вы же за нашу водку не платили.

— Думаю, — ответил зондерфюрер, — приди вы в Берлин, вы бы тоже не стали выбивать в кассе чеки за хальб литер.

На это подполковник сказал ему:

— До Берлина-то нам еще топать и топать...

Кутченбах перевел, и все дружно захотали.

— Ваш чин в царской армии? — спросил Паулюс.

— Штабс-капитан. Честь имею.

— Образование?

— Начал солдатом. В четырнадцатом. Три Георгия. Школа подпрапорщиков. Снова фронт. И стал штабс-капитаном. А Военную академию имени Фрунзе закончил лишь в тридцать четвертом году, уже при Сталине.

— Я понимаю, — кивнул Кутченбах, —

большевики после революции принудили вас к служению в своей армии.

— Я вступил добровольно. Потому что вы наседали на нас. А мне обидно. Как же? С четырнадцатого в окопах мурыжился, и вдруг... Вы в Крыму! Вы в Пскове!

— Кстати, как и сейчас, — заметил Манштейн, протягивая пленному кусок колбасы, наколотый на вилку.

— Скажите, пожалуйста, — допытывался Паулюс, — почему вы при царе хорошо воевали, а сейчас отступаете? Наверное, вы, русские, не любите этого азиатского Сталина?

— На это я могу вам ответить, что немцы при кайзере воевали тоже намного лучше, нежели сейчас при Гитлере. Дело не в Сталине! У меня нет никаких симпатий к этому человеку, но в свою последнюю атаку я поднимал людей с его грозным именем... Будь там Сталин или не Сталин, наши цели в этой войне четко определились: выгнать всех вас... обратно! И чтоб вы, немцы, даже забыли, по какой дороге ехали сюда ваши тапки.

Ни Манштейн, ни Паулюс не обиделись, спрашивая:

— А вы разве сами не видите, что уже разгромлены?

— Не вижу! У нас Мамай был... триста лет на шее сидел, и то — спихнули. А с Гитлером мы скорее разберемся. Еще год, от силы два, и ваши «ролики» повернут обратно.

Пленный поднялся, и тут Кутченбах крикнул ему:

— Стоп моторы! Ну-ка, снимайте правый сапог...

Подполковник прятал в сапоге орден Ленина и Боевого Красного Знамени. Паулюс шутя приложил их к своей груди:

— А это у вас за что? Тоже за конфликты?

Русский офицер разом опустошил всю четвертинку:

— А ну вас всех... Чем с вами водку тут пить, так лучше отправьте меня за колючую проволоку, как всех. Там мне, знаю, будет хуже, чем в баньке. Но зато... лучше.

— Барон, — обратился Манштейн к Кутченбаху, — доставьте офицера в СД, и пусть ему устроят шарффернемунг...

В тайной полиции так назывался «энергичный допрос».

Вскоре Манштейн покатиł свои «ролики» к Ленинграду. Сталин отстранил Ворошилова от командования, ибо «железный нарком» вносил в дела только путаницу, а оборону Ленинграда доверил Георгию Константиновичу Жукову. Мы отступали...

Страшно! Страшно, если в первый же день войны немцы уничтожили 1200 наших самолетов, так и не успевших взлететь в небо, их разбили в куски на аэродромах — бомбами, их перекорезнили гусеницами танков. Не хватало даже винтовок! Ополченцы шли на фронт без оружия, подбирая

винтовки убитых. На фронт слали пополнение с учебными винтовками, из которых можно стрелять сколько угодно — все равно никого не убьешь, только глаза себе выжжешь. Генерал-лейтенант Н. К. Поппель вспоминал: «Сейчас даже странно объяснить этот винтовочный голод. А все объяснялось просто: огромные ружейные склады находились близ самой границы» (там они и остались), — за это можно благодарить Мехлиса: удружил нам Лев Захарович!

Только углубившись в Россию, немцы своими глазами убедились, что никакой «линии Сталина» у Сталина не было и в помине — очередная басня! Правда, кое-где попадались остатки заброшенных сооружений, уже поросших травой и земляникой. Еще накануне войны оборудование «укрепрайонов», начатых при Тухачевском, было безжалостно демонтировано по распоряжению Л. З. Мехлиса, вооружение куда-то вывезли. Генерал-полковник Л. М. Садалов писал по этому поводу: «Много из того, что казалось нам тогда непреложною истиной, кануло в Лету потому только, что прямо или косвенно связывалось с именами лиц, отстраненных от командования по вражеским наветам».

Отступали... Новые танки Т-34 еще только входили в серийное производство, а кулики со щаденками еще до войны запретили выпускать запасные части к танкам устаревшей системы (об этом я говорил ранее), и танкисты, чтобы спасти технику, бывало, «раскулачивали» целый танк, лишь бы раздобыть запасные детали для других машин. Изношенные БТ-7 и Т-26 бросали на маршах с пустыми баками — как рухляк.

Мы отступали... Еще гремели бон под Смоленском, когда под угрозой падения оказался Киев — мать городов русских. Сталин выходил из себя, не позволяя отступать из Киева:

— Нельзя брать пример с Буденного, который, вместо того, чтобы остановить Клейста, отважно руководит нашим драпом. Потеряй мы Киев, и немцу откроется путь на Харьков и Донбасс, там наш уголь, наши заводы — за них держаться...

Недоволен был Сталин и действиями Еременко, который сам же и напросился командовать Брянским фронтом.

— Я же его за язык не тянул, — рассуждал Сталин. — Еременко вот здесь, за моим столом, при всех клялся, что оставит от Гудериана рожки да ножки. А теперь сам прыгает по кустам от танков Гудериана, словно заяц...

Но при этом Еременко не потерял его доверия:

— Он, конечно, не генерал-от-наступление. Чувствую, в этой войне нам пригодятся и генералы-от-обороны. А в обороне Еременко на своем месте, наказывать его не надо...

...Война являлась строгим проверщиком всех людей, калнбров, брони и составов горючего. Препятствие тормоза на пути к по-

беде убирались. Л. З. Мехлис еще буйствовал, стреляя в людей, виноватых и неповинных, но Щаденко уже скатился по служебной лестнице — за свое авторство «индивидуальных ячеек»; немцы скученно сидели в траншеях, а наш боец, не видя других из своей «ячейки», считал себя покинутым, ему казалось, что все ушли, бросив его одного; от этого, уже психологически надломленный, боец оставлял «ячейку» и уходил... догонять своих! А эти «свои» оставались в индивидуальных ямах, напоминая им об уюте могилы.

Кулик был тоже разжалован из маршалов, но оставался верен себе — даже в условиях фронта. С раннего утра он, напомаженный, словно уличная девка, выстраивал на позициях духовые оркестры, как это делалось еще в гражданскую войну, и под музыку трескучих маршей гнал свои войска под немецкие пулеметы. Выкосят немцы одних — шлет вторично. Под музыку! Как под Царицыном... Но тут вмешался сам Жуков, уже входивший в силу, и сказал, что ему плевать на прежние заслуги Кулика:

— Долой с фронта! Чтоб я его больше не видел...

Наверное, Сталин испытал горькое разочарование, когда его старые полководцы, о которых поэты слагали хвалебные песенки, на деле оказались болтунами — и не больше того! Суровое время требовало новых людей, прошедших высшую академическую школу. Знающих не только свою армию с ее портянками и лозунгами, но и тактику противника. Наконец, нужны люди ответственные, которых не устрашит никакая ответственность. Где взять таких людей?.. Если, читатель, спокойными глазами оглядеть когорту тех, что начинали постепенно образовывать Ставку, то мы увидим, что победа выковывалась людьми тридцатисорока лет, не старше. А иначе нельзя: люди другого поколения просто не выдержали бы адского напряжения и такого частотного ритма событий, в каких жила потрясенная страна. Понятно, почему Сталин ухаживал и за Шапошниковым:

— А вы уже не молоды, — говорил он. — Поставьте у себя в кабинете диван. Часа три-четыре позанимайтесь, потом ложитесь и размышляйте... это ведь тоже дело! Вам снова быть начальником Генштаба, а это не та фигура, чтобы по окопам мотаться.

Признаем за истину, что Сталина никогда не покидала вера в ум и благородство Шапошникова, хотя Борис Михайлович иной раз сильно его озадачивал. Так, например, когда одному генералу угрожал трибунал с неотвратимым расстрелом, Шапошников заявил, что он уже наказал виновного.

— Наказали? Вы? А как наказали?

— Я объявил ему выговор.

Трубка чуть было не выпала изо рта Сталина.

— Выговор? И это... все? — оторопел он.

— Да. Выговор очень тяжкая расправа, — пояснил Шапошников. — При царе-батюшке генералы, получившие выговор от Генштаба, или сразу подавали в отставку, или стрелялись.

Мы отступали. Но в Кремле случались и веселые минуты. Сталин редко смеялся, но однажды его застали очень веселым.

— Подумайте! — рассказывал он. — Сейчас мне звонил один перестраховщик. Кавалерийской дивизии выдали еще старые шашки, на клинках которых начертано: «За веру, царя и отечество». Я спрашиваю — так в чем дело, разве плохие шашки? А он отвечает: «Очень хорошие, но идейно не выдержанные...»

1941 год — это год героический, год незабываемый.

Честь и слава всем тем, кто тогда, изнывая от жажды, отступал с последним патроном в магазине старой винтовки.

Смоленские леса смыкались за ушедшими батальонами.

«Мы вас подождем!» — говорили нам пажити.

«Мы вас подождем!» — говорили леса.

Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется, что следом за мной их идут голоса...

Люди, где вы? Тихо. Мне ли забывать вас?

20. А НАШ ДУЧЕ ВСЕГДА ПРАВ

Последний анекдот был таков. Немецкий офицер, будучи в Италии, зашел в римскую кантину выпить вина. Все вокруг было заглывано, и он сказал хозяину: «Синьор, дуче у вас провел немало кампаний — и за высокие урожаи, и за истребление мух. Не мешало бы ему провести последнюю кампанию — чтобы вы, итальянцы, перестали плевать куда попало?» На это хозяин кантины отвечал с глубоким вздохом: «Была у нас и такая кампания. Но мы ее, как и все другие, тоже проиграли...»

Итальянцы народ хороший, но экспансивный, и когда им не хватало слов, они начинали плевать. Вот яркий пример тому: рабочие фирмы «Фиат», выпускавшей моторы для танков, начинали трудовой день с того, что в проходной завода весьма энергично оплевывали плакат с портретом Муссолини, лишь потом занимая места у станков. Цеха, как и улицы, были украшены девизами: «Дуче всегда прав!» а рабочие по ночам писали на заборах: «Пусть дуче сдохнет от рака».

— Врачи нашли у меня только гастрит, — бешновался Муссолини. — Никакие анализы не дают признаков метастазы...

21 июня он получил письмо от Гитлера: «О наступлении на Египет до осени вообще не может быть речи». А среди ночи ду-

че был разбужен своим зятем, графом Галеаццо Чиано, ведавшим внешней политикой Италии, который сказал, что у него есть очень важное сообщение — опять-таки от Гитлера.

Муссолини растолкал свою солидную жену:

— О, Рахель! Я по ночам не беспокою даже лакеев, а этот пижон с челкой срыгает меня с постели... Так в чем дело?

Чиано зачитал обращение фюрера, который в эту ночь принял «самое важное решение в своей жизни» — напал на СССР.

— Рахель, ты слышала? Наша ярмарка пророгрела... Это настоящий идиотизм, — продолжал он в сторону зятя. — Что-он там импровизирует, не согласовав прежде со мною? Ведь при свидании в Зальцбурге фюрер обещал всю свою авиацию для Африки, а оставил меня с пройдохой Роммелем...

Галеаццо Чиано задумчиво сказал: — Военные расчеты Берлина всегда оказывались более реальны, нежели прогнозы политического порядка.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что при гибели корабля матросов часто засасывает гибельная воронка, и опытные моряки, зная об этом, заранее отплывают как можно дальше... Даже если немецкие генералы спланировали войну идеально, Гитлер допустил роковую ошибку в политических расчетах. Италия не нуждается в преодолении снежных сугробов России, наше будущее простерто от Гибралтара до Аддис-Абебы...

Кажется, сказано достаточно ясно: зять предупреждал дуче быть скромнее и с Россией лучше не связываться.

Муссолини между тем развивал свои вожделения:

— Если мы сегодня же не вступим в войну с Россией и не станем главным партнером Гитлера, то он, разбив Сталина, сделает из Италии германский протекторат, в лучшем случае оставив меня на посту римского гауляйтера. А ты, Галеаццо, будешь торговать апельсинами в казино для немецких офицеров.

(Чиано доверил свои опасения дневнику: «А если Красная Армия окажет сопротивление более стойкое, чем армии буржуазных государств? Какова будет тогда реакция в широких пролетарских массах всего мира?») Чиано сказал:

— Сегодня воскресенье. Все русское посольство с вечера выбралось из Рима, чтобы загорать на пляжах. А на каком пляже купается их посол Горелкин?

— Ищи его в Риччони! Найди и сразу дай ему по лбу, чтобы он содрогнулся от ужаса перед моими берсальерами...

Он еще раз поглядел письмо Гитлера: «Решающую роль вы, дуче, сможете оказать (в войне с Россией), увеличивая ваши силы в Северной Африке». Это возмутило дуче:

— Меня он загоняет в пустыню ковыряться в песочке, а сам будет таскать из России эшелоны всякого добра. Нет уж, — решил Муссолини, — мои ребята не попле-

тутся в обозах за вермахтом. С тех пор, как англичане выперли нас из Аддис-Абебы, путь к восстановлению великой итальянской империи стает пролегать через степи России! Доверимся звериному инстинкту — он меня еще никогда не подводил, и я уже начинаю чувствовать, что в России мне суждено оставить след своей львиной лапы...

Бенито Муссолини тут же позвонил на квартиру маршала Уго Кавальеро, который был начальником генерального штаба и который еще почивал сном невнимательного младенца:

— Проснись, Уго! Какие дивизии годны для России? Если ты еще дремлешь, так запиши их названия: «Пассубио», «Торино» и «Принц Амадео герцог д'Аста». Их могучее объединение составит «Итальянский экспедиционный корпус в России».

— Понял, — зевнул Кавальеро. — Сокращенно — КСИР.

— КСИР, — согласился дуче и стал натягивать брюки.

До этого все монологи были произнесены в трусах.

— Рахель, — сказал дуче, застегивая ширинку. — Придется нам с тобою ввести карточки на продукты. Ты представляешь, какой дикий вой устроит мои бумажные итальянцы.

Почему-то он любил итальянцев называть «бумажными».

— Ах, Бенито! Ты погубишь себя и всех нас...

В ответ Муссолини бодро пощелкал подтяжками:

— Ничего! У меня на всех хватит касюрки.

Дуче велел срочно разбудить и доставить генерала Мессе.

— Джованни! — сказал он ему. — Кажется, тебе предстоит веселая прогулка в Россию. Но сразу предупреждаю, как друга, можешь просить у меня сколько угодно орденов и медалей, но ты не получишь от меня ни пушек, ни танков. Они все нужны в Ливии!

Муссолини пожелал видеть атташе Германии и принял Риктелена в своем гигантском кабинете «Палаццо Венеция», где был только один стул — для дуче, а остальные пусть постоят.

— «Стальной пакт» между мной и фюрером, который я желал бы назвать «Пакт о крови», — объявил дуче, — призывает меня пролить кровь своих берсальеров на полях России, ибо уголь Донбасса своим горением превышает качества угля вашего Рура...

— Не спорю, — согласился генерал Риктелен, имея в виду сравнение угля разных сортов.

Сразу началась грубая и бестолковая агитация по заманиванию в КСИР добровольцев. Нищизн и голодных итальянцев соблазняли богатством, которое они обретут в России.

— Русские хуже эфиопов, — внушали им. — За красивую зубочистку они готовы отдать целую корову. Они жертвуют семей-

ной перьяной за плевую фотографию нашего великого дуче. Можно получить овцу за почтовую открытку с видом Виллы Савоя, в которой проживает наш скромнейший король.

Солдат, не желавших воевать с Россией, накачивали касторкой, а потом, изможденных обильным поносом, ссылали на голые острова близ побережья. Охотно шли в поход только чернорубашечники, убежденные фашисты, до пупа обвешанные значками всяких спортивных, филателистических, лесоводческих и охотничьих обществ.

— Наш дуче всегда прав! — кричали они...

Вскоре был устроен парад войск, отправляемых в Восточный поход. Конечно, дуче не удержался от речеговорения:

— Мы переломаем большевикам все кости с беспощадностью кровожадных хирургов, — заявил он. — Я дал вам могучую фашистскую технику! — При этом ленивые мулы, которым и не снилась Россия, энергично задвигали ушами, отгоняя назойливых мух. — Наша партия ничего для вас не пожалела. Каждая подошва ваших ботинок держится на семидесяти двух гвоздях. Если не верите, сосчитайте сами... только не сейчас, не на параде! Фашизм, — упоенно продолжал дуче, — это вам не какая-нибудь чесоточная крапивница, от которой не знаешь куда деваться, а потом зуд проходит сам по себе. Фашизм останется вечен, как и эти древние камни Рима... Вива, эй-ялла!

— Вива, вива! — гремело на площади. — Слава нашей великой фашистской партии, а дуче — всегда прав... прав... прав...

Чернорубашечники хором исполнили фашистский гимн:

Молодость — это весенние воды,
Только в фашизме счастье свободы.

На трибуне, провожая войска КСИРа в Россию, между германским и японским атташе, стоял военный атташе США полковник Норман Фиске и делал рукой под козырек. Поехали! В вагонах воинского эшелона члены партии воодушевляли молодежь всякими идилиями, вычитанными из газет:

— Все русские носят длинные бороды, а подпоясываются красными кушаками. У каждого в руках — балалайка или гармошка. С утра они играют коммунистический «Интернационал», при звуках которого в меру обнаженные колхозницы начинают плясать от радости... Все это мы скоро увидим своими глазами!

Эшелоны мчались на север, и на Бреннерском перевале итальянцы заплакали: здесь кончалась их родина. Кто-то вдруг запел «Бандьера нэва», запрещенную при фашизме:

На мосту Бассано — черные знамена.
Траурные флаги — вестники смертей.
На войну собрались храбрые альпийцы.
Двигутся навстречу гибели своей...

Честно говоря, мне жаль этих итальянцев. Снежные сугробы в донских степях под Сталинградом станут для многих брат-

ской могилой, а те, кто останется в живых, будут расстреляны во Львове и Демблине, гитлеровцы затопчут их живыми в топях болот Белоруссии, и об этом долго-долго никто-никто в мире даже знать не будет... Да, их жалко!

В отличие от Муссолини, испанский каудильо Франсиско Франко никогда не кричал о том, что он прав, но все-таки он оказался прав, не доверяя Гитлеру, и потому — в ответ на призывы фюрера — отправил в Россию только одну «Голубую дивизию», составленную из отбросов общества: русские в таких случаях говорят: возьми, боже, что нам негоже...

Это был сброд! Уголовники, выпущенные из тюрем; нищие, желавшие обеспечить свои семьи; были и такие, что поскандалили с женами и «отомстили» им экскурсией в Россию; наконец, в «Голубой дивизии» было немало и республиканцев, сознательно ехавших на русский фронт, чтобы сразу же сдать в плен. Немцы обещали платить наемникам 60 марок в месяц, но выплачивали советскими рублями (из расчета 20 рублей за одну марку).

«Голубая дивизия» сразу показала своим союзникам, что с ними шутки плохи. Проездом через Германию, ради лучшего освещения своих вагонов, испанцы снимали фонари на станциях. Они штурмом взяли вагон-холодильник с сыром и весь сыр мигом слопали; с перрона вокзала в Берлине испанцы мигом «увели» все чемоданы немецких офицеров, приехавших в отпуск, чтобы порадовать родных подарками из России.

«Голубая дивизия» обосновалась на Псковщине, немцы держали испанцев на особом пайке — всего 200 граммов сухарей в день, и они очень легко, даже беззаботно сдавались в плен.

— Сытно пожрать бы, — говорили они на допросах, — а больше нам ничего и не надо. Капитано—сволочь! Сам жрет курятину, да пас же и оборовывает... Вы нас простите. Конечно, нам бы лучше сидеть дома, но там жрать нечего!

Испанцы не столько воевали с русскими, сколько дрались с немцами. Заодно уж — за компанию — они жестоко били своих офицеров. Среди моих земляков остались смутные предания:

— Испанцы-то? А шут их знает, что за люди? Если не так, почитай, все время дрыхли, как окуянные. Мы же сами их и будили. Вставайте, говорим, звон немцы идут. Тут они мигом вскакивали — и в драку...

В наших архивах сохранилось множество показаний испанских военнопленных. Меня удивил рдин протокол допроса: «Я, — сознался — один офицер, — постоянно испытывал все нарастающее чувство привязанности к русскому народу и земле русской. Многие мои товарищи испытывали те же чувства... поверьте, я будто стал ошощенным ото всей скверны».

Франко очень скоро убрал «Голубую дивизию» с русского фронта, а Гитлер не смел возражать, ибо он нуждался в поставках

ценного вольфрама из рудников Испании. Впрочем, этим испанцам потом даже повезло: многие до сих пор получают личную пенсию от правительства ФРГ и живут неплохо.

Итальянцы ничего не получают и никогда уже не получат...

21. ВОЙНА ЗАТЯГИВАЕТСЯ

Красная Армия по-прежнему отступала — когда дорогами, а чаще лесами, проселками, через болота. С картами было плохо! Перед войной, боясь шпионов, все что надо и не надо засекретили, даже географию, а так как военная доктрина учила, что воевать предстоит только на чужой территории, то выпускали карты Европы, а свои вот не было. У немцев же — наоборот! — имелись прекрасные карты России, и потому наши командиры всегда желали иметь трофейные карты своей же родной земли... Вот и «драпали» дальше на восток, при кратких вспышках спичек прочитывая по-немецки писанные русские названия: Дедово, колхоз «Путь Ильича», Бабий Лог, совхоз «Сталинским путем»...

— Эх, где наша не пропадала! Пошли, братцы, далее.

Ведь еще совсем недавно, во время предвоенных маневров, красноармейцы проходили через села, бабы выносили навстречу горшки с топленным молоком, старухи несли в подолах яблоки, малнну в деревенских решетках, старики-пасечники угощали сотовым медом. А теперь даже таились деревень — как бы не нарваться на немцев — и тянулись околицами, небритые, грязные, кое-как забинтованные, стараясь не смотреть в глаза встречным, безголовый позор уязвлял души, а командиры со шпалами и ромбами в петлицах выслушивали обвинения стариков:

— Мы-то в германскую не пустили немца на свою землю. На кого же нас бросаете? Сколь годочков в нитку тянулись, на вас же налоги платили, а вы... Вернетесь ли?

— Жди, дед. Вернемся. А сейчас и без тебя тошно...

Время было лютейшее: сегодня жив, а завтра тебя нету.

Люди топали по родимой земле, осиянной трескучими пожарами деревень, мимо старинных погостов, где под крестами навек опочили их достославные пращурь. Это уж потом, дошагав до Берлина, выслушые «отцы» спрашивали молодых:

— Ты, сынок, с какого года на фронте?

— Да, почитай, с сорок третьего. А что?

— У-у, сопляк какой! Кто в сорок первом не воевал, тот и войны-то не видал, тот и беды не знавал...

Орденосцев в армии тогда было очень мало. На человека с медалью «За отвагу»

смотрели во все глаза, как на жирафа глядят в зоопарках. Гимнастерки солдат, принявших на себя первый удар вермахта, были украшены значками «Готов к труду и обороне» или «Ворошиловский стрелок», но и эти скромнейшие отличия, наверное, тоже к чему-то обзывали... Отступали!

В редчайшие минуты отдыха Шапошников говорил:

— Эта война, какой еще не знало человечество, позже, когда нас на свете не будет, привлечет обостренное внимание историков. Потому нельзя оставлять после себя одни белые пятна, преступно говорить только об успехах, скрывая жесточайшую правду. И пусть потомки увидят не только мужество солдат наших, но и трагические просчеты генералов... Пройдут годы, и какой-нибудь листок из блокнота, написанный комбатом в траншее за минуту до его гибели, станет важным историческим документом... Сберечь бы все это!

Сберечь не удалось. Может, еще где-то на дне старческих сундуков и лежат солдатские письма. Может, какая-либо старуха, вспомнив молодость, и прочтет в тысячный раз: «Добрый день, Маня! Во первых строках своего письма сообщая, что я жив и здоров, чего и тебе желаю...» А куда он, ее муж, делся потом — об этом никто и никогда не узнает. Намучились до войны, страдали во время войны и наплакались они после.

Идут века, шумит война,

Встает мятеж, горят деревни,

А ты все та ж, моя страна,

В красе заплаканной и древней.

Доколе матери тужить?

Доколе коршуну кружить?

Паулюс с зятем возвращались из группы Манштейна в пустынный транспортный «юнкерсе», с ними летел и генерал Эрих Гепнер, на его голове черная пилотка танкиста сидела чересчур заливхвастки, а посреди фюзеляжа стоймя был поставлен рояль.

— Это ваш? — спросил Паулюс о рояле.

«Рыцарский крест» украшал мундир Гепнера.

— Именно о таком «Стейнвейне» жена и мечтала. Это из витебского клуба железнодорожников. Русские держали его на сцене, совсем не понимая того, что габариты стиля «миньон» допустимы лишь для дамского будуара. — Взревели моторы «юнкерса», Гепнер невольно повысил голос. — Вы не слышали последнюю новость, Паулюс?

— Нет. Я кормил комаров в лесах под Лугою.

— Сталин начинает менять людей. В начальники своего Генштаба он снова поставил старого Шапошникова, чтобы освободить Жукова для фронтовой работы. Думается, в Кремле сейчас мечутся, выискивая новых людей, чтобы заменить прежних начальников.

Гепнер по-хозяйски придерживал рояль (через три года, когда Гитлер станет его

вешать, он будет жалобно просить об одном—не конфисковать его имущество). Паулюс сказал, что для ОКХ останется, наверное, загадкой внезапное устранение Шапошникова из Генштаба, а теперь—непонятное его возвращение.

— Никаких загадок,—отвечал Гейнер,— просто у Сталина совсем не осталось здравого людей, вот и вернул Шапошникова.

— Но там уже был некий Жуков.

— А кто знает Жукова? Никто...

На аэродроме в Летцене Паулюс встретил генерала Курта Гаммерштейн-Экворда, снова он выслушал от него едкие слова:

— Все сроки прошли, а Россия не капитулировала, как вы полагали в Цоссене. Глупо думать, что отступление русских является преднамеренным, и вряд ли они следуют маршрутами Барклая и Кутузова. Вам, Паулюс, еще предстоит покрутиться под куполом этого цирка, но я... я уже покинул эту арену!

«Странные слова, и причем здесь 1812 год?»

Вот и Альтенштайнштрассе; поднимаясь по лестнице, Паулюс уже мечтал о пушистой пижаме и домашнем уюте. А завтра можно выехать с Коко за город—рисовать акварелью старые деревья над притихшей водой. Жена встретила его слезами:

— Боже, как я волновалась все эти дни, а теперь счастлива, что ты вернулся с войны... снова дома.

Паулюс, обнимая Коко, весело смеялся:

— Поверь, именно на фронте у Манштейна я отдохнул. А теперь с ужасом думаю, что снова надо ехать в Цоссен или мотаться в Пруссию. На фронте все-таки легче.

Радиоприемник заполнял квартиру пенем победных фанфар, знакомый голос Ганса Фриче возвещал о новых и, как всегда, «исторических» победах фюрера на Востоке. Молоденькая горничная поднесла Паулюсу рюмку яичного ликера на подносе. Он уже слышал шум горячей воды—ему готовили ванну.

За обеденным столом Елена-Констанца спросила:

— Не скрывай от меня—когда закончится война?

Паулюс в этот момент прислушался к речи Ганса Фриче, который сообщал о пресс-конференции для иностранных корреспондентов, устроенной Риббентропом; министр выразился так—СССР уже перестал быть фактором, имеющим в мире политическое значение. Даже те, кто сомневался в успехе этой войны, теперь свято уверовали в гений нашего фюрера.

— Не все, — сказал Паулюс, как бы отвечая и жене, и тому же Гансу Фриче. — Вермахт сильно забуксовал под Шмоленгом.

— Это серьезная остановка?

— Вермахт она не остановит, но сроки войны передвинутся дальше. Мы ведь надеялись захватить много вагонов и паровозов, чтобы не перешивать узкую колею, принятую в Европе, на более широкую — российскую. Но большевики утдня-

ют весь подвижной состав, и нам придется задействовать автомобили. Сейчас мы собрали со всей Европы четыреста тысяч машин... Представь, сколько горючего пожирает эта армада?

Зазвонил телефон.

— Паулюс, — послышался сдавленный голос Гальдера из бункера Цоссена, — у вас нет никаких соображений по поводу того, что Шапошников вернулся в свой Генеральный штаб?

Паулюс сказал, что ему как-то безразличны эти перестановки «мебели в кремлевских кабинетах», что в любом случае общий интерьер останется, по его мнению, прежним — маловыразительным. Затем они встретились, и разговор Гальдером был продолжен:

— Шапошников, пожалуй, единственный сейчас в окружении Сталина, кто не бонтается возражать ему, и его советы могут быть опасны для нас. Потому его следовало бы обезвредить.

— Каким образом? — спросил Паулюс.

— Через Бухарест или Хельсинки — так будет достовернее! Подозрительный Сталин сразу удалит Шапошникова...

Теперь в Цоссене всем уже было ясно, что молниеносная война (блицкриг) превращалась в войну затяжную. Пока помалкивали об этом, но каждый понимал, что предстоит зимняя кампания, к которой вермахт не был подготовлен. По этой причине немецких генералов заразила эпидемия наполеомании. Это подтверждали и вести с фронта. Фельдмаршал Клюге — по мемуарам французозов о походе 1812 года — пытался отгадать, что ждет его войска в зимней России. Ходили слухи, что Гудериан даже устраивает ночлеги в местах, где когда-то переспал и Наполеон. В совпадениях (и даже в географии) немецкие генералы хотели видеть что-то пророческое, укзванное им «свыше»: Гитлер, напротив, даже ликовал от совпадений:

— Мы форсировали Неман в тот же день, что и Наполеон! Наши танки ворвались на улицы Вильно и Ковно двадцать четвертого июня—в день, когда туда вошла кавалерия Мюрата... Но мы обгоним Наполеона на своих моторах!

Паулюс, вдумчивый аналитик, был далек от того, чтобы проводить мистические параллели между 1812 и 1941 годами:

— Сравнение этих войн не выдерживает критики, — рассуждал он академическим тоном, словно читая лекцию. — Избегая сражений с Наполеоном, русские ничего не теряли, кроме унылых и безлюдных пространств. В этой же войне они оставляют промышленные центры, без которых невозможно снабжение сталинских армий. Потому и отпор большевиков будет возрастать день ото дня — по причинам, далеким от исторических аналогий. Сейчас их должна бы беспокоить потеря месторождений молибдена и марганца, без наличия которых немислима вся сложная металлургия легированных сталей...

7 августа в Цоссене появился Хойзингер — со смехом:

— Поздравьте: у меня в Москве появился... антипод. Шапошников, вернувшись в Генштаб, выдвинул в начальники оперативного отдела Александра Василевского.

— Что вам, аберу, известно о нем?

— Василевский еще в стадии нашего изучения. Известно, что он из семьи священника. Офицером стал еще до революции. Воевал с нами в армии Брусилова. Принадлежит к числу очень редких в Москве поклонников учения Драгомирова, который, как вам известно, моральный фактор в сражении ставил выше технического воздействия. В обращении с подчиненными Василевский отзывчив и даже мягок. В личной жизни порядочен. С отцом-священником, как член партии, отношений не поддерживает. Имеет лишь единственный орден... незначительный!

В августе радиостанция Хельсинки нанесла провокационный удар. В передаче на русском языке некие «друзья» обращались лично к Шапошникову, убеждая: его не казнить более муками истерзанной совести, к чему эти запоздалые раскаяния? Ему, бывшему офицеру царского штаба, пора обратиться свой ум на служение не Сталину, а страдающей русской нации. Шапошников этой передаче не слышал. В эти дни (дни жестоких боев под Смоленском) его однажды видели даже небритым.

Он уснул над аппаратом Бодо, ожидая связи с Жуковым.

Связь работала, как всегда, отвратительно.

Незадолго до войны в морозный день Сталин звонил в Ленинград, и вдруг в его трубке послышалось:

— А корыто? Корыто купила ли?

— Ой, два часа выстояла... достала. Циниковое!

— Манька-то как живет? Разошлась со своим?

— Выгнала! У нее теперь хахаль... непьющий.

— А сколько он получает, ты не спрашивала у Маньки?

— Да инженер! Много ль с инженера накапает?..

Сталин вызвал наркома связи И. Т. Пересыпкина:

— Если я могу свободно подслушивать чужие разговоры, значит и мои разговоры кем-то прослушиваются... Разберитесь!

В недостатках связи пришлось разбираться в самый разгар войны, когда управление армиями было уже потеряно. Войска слишком надеялись на линии Наркомата связи — на проволоку между столбами. Совсем не учли, что война будет маневренной, а линии связи протянуты, как правило, вдоль железных дорог или важных магистралей. Чуть войска отойдут от дорог подальше — ни столбов, ни проволоки. К тому же связь была не подземно-кабельная, а воздушно-проводная, и противник смело к ней подключался, прослушивая наши переговоры, а иногда немцы давали по нашим войскам ложные прика-

зы — отступать! Слепое доверие к телефонному порою кончалось трагедиями, гибелью множества людей. При этом существовала «радиобоязнь»: к походным радиостанциям относились, как к лишней обузе, за которую надо отвечать, при первом же удобном случае их отсылали в обоз. Это происходило от недоверия к сложной аппаратуре, от боязни штабов быть запеленгованными противником. Шифровальные же коды были настолько сложными, что зачастую приказы передавали в эфир открытым текстом, после чего на штабы сыпались бомбы. Но вот что достойно внимания: танкисты с авиаторами активно пользовались радио, требуя от командования только одного — скорейшей радиофикации танков и самолетов. Скоро наши воины освоили все приемы связи, а радио стало привычным для командования. Но в 1941 году мы еще блуждали во всеобщей немоте, и даже сам Пересыпкин, ставший маршалом связи, порою никак не мог соединить Сталина со штабом Буденного:

— Извините, осталась связь только по азбуке Морзе.

— Вы по азбуке Морзе с женой договариваетесь, — злился Сталин, — а я должен слышать Семена, чтобы по голосу определить, как он там... жив или уже помер?

Фельгибель в эти дни снова повидался с Паулюсом.

— Мы, — сообщил он, — сейчас перехватили интересную информацию от русских. Сталин нервничает из-за Киева, очень недовольный Буденным, и, кажется, вместо этого конюха будет назначен Тимошенко... Тебя это интересует?

— Нет, — отозвался Паулюс. — Не все ли равно, кто будет под Киевом, которого русским все равно не удерживать. Меня беспокоит иное. Вот карта, видишь?

Запрограммированная в планах линия «Архангельск—Астрахань», эта стратегическая линия, на которую войска вермахта должны бы уже давно выйти, оставалась пока недосыгаема. Паулюс просил Фельгибеля всмотреться в эту роковую черту фронта, что вытянулась почти прямой вертикалью:

— Ленинград—Днепропетровск, вот и все, чего мы достигли ценою бешеных усилий, ценою колоссальных потерь, износив моторы и нервы, растратив колоссальные массы дефицитного горючего. Утешаюсь только тем, что инициатива и стратегический успех пока еще принадлежит нам... Все изменится, если не мы, а они станут навязывать нам свою славянскую волю, а эта воля, как известно из истории, всегда была способна соперничать с нашей, велико-германской.

— Значит, Тимошенко не боишься? — спросил Фельгибель.

— Я должен остерегаться тех, которые еще неизвестны. Но они, несомненно, должны скоро обнаружиться... В двенадцатом году Наполеон знал тоже двух полководцев — Барклая и Кутузова, но разбили-то его совсем другие, Наполеону ранее неизвестные.

22. КУДА ПОКУПАТЬ БИЛЕТ?

Теперь Паулюс редко бывал дома. Самолетом или дизельным экспрессом он часто мотался между Цоссеном, где владычил угрюмый Гальдер, и убежищем «Вольфшанце», где диктовал свою волю Гитлер, а Йодль с Кейтелем внимали ему с напряженным видом. Наконец, Паулюс решил не играть с фюрером в кошки-мышки, а честно предупредить его: зимняя кампания неизбежна, вместе с нею мучительно назревают новые проблемы.

— Мы ведь еще не знаем, — докладывал он, — как наша техника перенесет русский климат? Не загустеет ли в баках горючее? Как отреагируют технические масла? Что делать, если смазка замерзнет на оружии, а тавоты кристаллизуются? Русские лучше нас приспособлены к своим природным условиям, и наверняка именно зимой они постараются навязать нам свои решения.

Гитлер слушал спокойно (во всяком случае Паулюсу не приходилось видеть его катающимися по полу и грызущим коври от ярости). Лишь постепенно он стал возбуждаться:

— Паулюс, я не желаю слышать подобную болтовню, — именно так записала его ответ стенографистка. — Спокойно доверьтесь моему дипломатическому опыту. Армия должна нанести русским лишь несколько мощных ударов... Впредь я самым категорическим образом запрещаю вам говорить о зимней кампании!

Паулюс чуть было не сказал, что при морозе в сорок градусов никакой Талейран не способен повлиять на химический состав тавотов и бензолов. Близилась осень. Авиаразведка докладывала, что из смоленского котла советские войска выходят чуть ли не стройными колоннами. Разрывы в линии фронта угрожали теперь вермахту. Фельдмаршал фон Бок радировал Кейтелю, что его наступление выдохлось: через «кровавую печь» боев под Ельней прошли тысячи солдат, а от боевых дивизий, недавно еще полнокровных, остались лишь жалкие ошметки.

Гитлер заговорил иначе — даже ласково: — Москва для меня — географическое понятие, не более того. Заводы Харькова и рудники Донбасса важнее! Москва, да, узел скрещения всех железных дорог. Согласен. Допустим, я покупаю билет на московском вокзале. Но куда мне ехать дальше?

Тут и Паулюс, уж на что был выдержанный человек, но даже он разволновался, ибо отлично понимал, что со взятием Москвы война не закончится, а лишь еще более затянется, встреча же с японцами на берегах Байкала — такая перспектива в его сознании не укладывалась. Так куда же, черт побери, ехать дальше?

— Куда нам покупать билет на московском вокзале?

Это спросил Йодль, а Хойзингер решил пошутить:

— Лучше всего в... Берлин, — сказал он.

— Глупые у вас шутки, Хойзингер! — обозлился Гитлер...

Паулюс, наслушавшись таких разговоров, говорил жене:

— Не хватит ли? Меня в вермахте считают самым выдающимся бюрократом. Надоело! Я чувствую, что пришло время сменить номера телефонов, чтобы обо мне, как о «бюрократе», забыли. Надо подумать о месте на фронте...

Гальдер знал об этом желании Паулюса, обещая помочь:

— Понимаю, вы уже засиделись до того, что пора приобрести геморрой. Хотя мне и жаль спускать вас со своего короткого поводка. А на длинном поводке много ли набегаются? Ведь вы никогда не командовали ни дивизией, ни даже полком...

4 августа Паулюс оказался на берегах Березины, в городке Борисове, где еще догорала спичечная фабрика. Здесь Гитлер пожелал встречи с генералами, дабы обсудить — куда следовать далее. Утром за чашкой кофе фельдмаршал фон Бок заметил Паулюсу, что у него еще хватит сил для решающего удара:

— По Москве, главному нерву большевизма...

Но, делая доклад в присутствии фюрера, фон Бок сам же признался в ослаблении своего фронта, предлагая своей группе «Центр» занять оборонительные позиции. Гейнц Гудериан веселья никому не прибавил, заговорив о... зиме:

— Как и подковам лошадей требуются шипы в гололедицу, так и танкам нужны шипы на гусеницы. Семьдесят процентов моторов отработали ресурсы, фильтры забило, они уже не спасают моторы от пыли, а поршневые кольца стерлись.

— Это и есть ваши претензии? — спросил Гитлер.

Кейтель с Йодлем тактично помалкивали.

— Я сказал только о моторах, но у меня почти не осталось опытных офицеров. Срочно нуждаюсь в пополнении.

— У меня такая же картина, — нехотя добавил Генрих Готт. — Сейчас мы способны на ограниченные операции с частным успехом. Опять мало пленных! Странная ситуация: чем сильнее напряжение вермахта, тем меньше количество пленников...

Было высказано соображение: варварским отношением с пленными мы сами дали отличный материал для советской пропаганды, и теперь русские не торопятся поднимать руки. Паулюс не вмешивался: военнопленные — это забота ОКВ, а он принадлежит к ОКХ, и пусть выкручивается сам Кейтель.

Кейтель громыхнул фельдмаршалским жезлом:

— С большевиками рыцарской войны не ведем. Речь идет о полном уничтожении их мировоззрения. Я не вижу причин для изменений в режиме военнопленных. Мы не

намерены варить для них супы из концентратов солдатского рациона.

Гитлер вызвал недовольную паузу, внес предложение:

— Я не возражаю! Если пленные умирают от голода, то пусть пожирают один другого. Нам же спокойнее...

Паулюс заполнил паузу сообщением из Ливии:

— Нехватка резервов сдерживает Роммеля в его порыве к Нилу, он наскреб двести танков, а генерал Окиялек, сменивший Уэйвелла, собрал под Каиром больше тысячи машин.

— Нам сейчас не до экзотики с пирамидами, — ответил Фюрер. — Роммелю занять прочную оборону и ждать, пока не сломлено сопротивление русских. К сожалению, у Сталина обнаружилось танков и авиации гораздо больше, нежели мы предвидели. Будь я осведомлен об этом заранее, мне было бы труднее принять решение в войне на Востоке...

Что это? Продуманные слова? Или случайная обмолвка?

Генералы даже притихли — в оцепенении.

— Теперь я понимаю, — продолжал Гитлер, — что нам уже не объять всей необозримой русской массы. От гигантского русского торта мы должны (и как можно скорее!) отрезать самый лакомый кусок для насыщения нашей экономической базы. Я имею в виду промышленные районы Харькова и Донбасса. Согласен, маршевое наступление вермахта достигло предела. Вы знаете, я был против вмешательства Италии в наши русские дела. Римские крохоборы получили от Абиссинии горстку арахиса, от Греции имеют банку маслин, а теперь дуче пожелал иметь фунт русской говядины. Но пусть в Риме не думают, что от делаются тремя дивизиями с тощими мулами. Теперь я потребую от дуче целую армию...

Франц Гальдер осмелился заметить, что вермахту необходима передышка, хотя отсутствие прежнего напряжения — он признавал это! — неизбежно вызовет стратегический кризис:

— Потери? Да. Но в прошлой войне кайзера потери на Востоке тоже были гораздо более, нежели на Западном фронте.

Вот тут Гитлер и взорвался, указывая на Гальдера:

— Он, проторчавший в тылу и не имеющий даже нашивки за ранение! Ему ли судить о потерях? Ему ли, который протирает штаны в кабинетах Цоссена на казенных стульях...

Август 1941 года вошел в историю как кризис в высшем руководстве вермахта, а вопрос о том, куда следовать, разрешался в тройном варианте: Готу и армии фон Лееба по-прежнему давить на Ленинград, чтобы соединиться с Маннергеймом, танкам Гудериана крутиться по Украине, а потом... и Москва!

Вечером Франц Гальдер, оскорбленный бранью Гитлера, устроил выпивку с Браухичем и Паулюсом. Говорили, что главные резервы Сталина собраны под Москвою, и

потому, разбив эти резервы, покорением Москвы можно сразу покончить с затяжной войной. Стекла пенсне Гальдера отражали отблески пожаров на спичечной фабрике. Березина протекала рядышком — вся какая-то черная, страшная, невольно напоминающая о Наполеоне.

— Фюреру, — сказал Гальдер, — уже не терпится насытить свои домы марганцем и железом Криворожья. Геринг предвкушает пышки из украинской пшеницы, которые он станет сдабривать астраханской икрой. Наша большая стратегия стала зависима от обильного выделения слонных желез рейхсмаршала и от аппетита Круппа, сидящего на молибденовой диете.

Браухич, загрузив, предложил всем напиться:

— Прозит! Что поделаешь, если на руках нашего фюрера полно неоплаченных чеков из банков финансовых воротил...

Смысл в этих словах был, и даже немалый. Экономика воздействовала на политику, но она же вмешивалась и в вопросы батальной стратегии. В счет погашения этих «чеков» Гитлер перенацеливал главные силы к югу, где и без того мощная армия Рундштедта перепалала всю Украину гусеницами танков. Гитлер всегда испытывал брезгливую антипатию к самому Рундштедту, неуклюжему и рычащему, словно медведь, но Рундштедт был ему сейчас нужен — как таран для сокрушения ворот, открывающих подземные кладовые Донбасса. Гитлер в частной беседе с Паулюсом (еще в Борисове, на берегах Березины) сказал:

— Я более доверяю вашему приятелю Рейхенау, — и Паулюс невольно кивнул, понимая, что Рейхенау устраивает Гитлера, как старый убежденный нацист. — Вы, — спросил Фюрер, — еще не потеряли нежных чувств к своей шестой армии?

— Нет, Фюрер, с нею у меня много связано.

— Навестите ее! Заодно передайте Рейхенау мой партийный привет и скажите, чтобы меньше пил и меньше бегал...

Встреча с 6-й армией, которую Рейхенау толкал к Днепру, была для Паулюса очень приятна, он был прекрасно принят офицерами, сослуживцами по кампании во Франции, многие солдаты помнили его, приветствуя с прищелкиванием каблучков. Но... лучше бы Паулюс не навещал южных плацдармов фронта. Он вернулся в Берлин, изнуренный вспышкой дизентерии, которую подхватил еще смолodu в рядах Альпийского корпуса.

— Вот видишь, — упрекнула его Коко, — лучше сидеть у телефонов и карт в Цоссене, где все гигиенично. А тебя потянуло к этому забуддыге Рейхенау, которого сам черт не берет. Конечно, он так проспиритован, что ему даже чума неопасна...

Из двух туалетов в квартире оберквартирмейстера один был закреплен лично за ним, ибо Паулюс часто нуждался в его отдельном уюте. Узнав о болезни Паулюса, его однажды навестили Кейтель с Йодлем, которых Елена-Констанца обладала вы-

сокомерным презрением аристократки, а потом говорила:

— Для общества таких людей, как этот Йодль с Лакейтеlem, ты, Фрида, слишком порядочен и благороден...

Паулюс ответил жене, что с Кейтелем у него ровные отношения, но Йодль ему неприятен после одного случая:

— Когда я делал доклад о плане «Барбаросса», этот мерзавец зевал так беззастенчиво, будто я несу чепуху, и на морде у него было такое брезгливое выражение, словно его с утра накормили дохлыми мухами... Простить не могу!

— Ты, надеюсь, сделал ему тогда замечание?

— Нет. Зачем наживать лишних врагов?

— Ах, Фрида! До чего же ты деликатен...

«Киев оказался крепким орешком», — извещил в эти дни Рейхенау Паулюса. На помощь немецким дивизиям уже валила давно немая, голодная и голосистая ватага итальянцев... КСИР!

24 августа Муссолини встретился с фюрером в Бресте, где была расположена личная ставка Германа Геринга. Бронепоезд Гитлера на всех парах еще подкатывал к Бугу, когда в его салоне Уго Кавальеро продолжал тягостную беседу с Кейтелем:

— Роммель полагает, что проблема Африки неотделима от дел Восточного фронта, желая, чтобы войска, ведущие осаду Тобрука, были подчинены лично вашему командованию в России.

Это все равно что быку показывать красную тряпку.

— Пусть не выдумывает! — вадменно отвечал Кейтель. — Я понимаю интригу Роммеля: в подчинении Восточного фронта он станет претендовать на одинаковое с нами снабжение. Но мы не будем транжирить резервы вермахта, столь необходимые для России, ради его африканских иллюзий...

Два диктатора, дуче и фюрер, запечатали свой нерушимый союз на фоне развалин Бреста множеством фотоснимков, что весьма льстило тщеславному Муссолини. Гитлер повел рукою вокруг:

— Смотрите! В этом городе Ленин подписал Брест-Литовский мир с Германией, который сделал Россию посмешищем всего мира, и теперь, когда Сталин запросит мира у меня, я заставляю этого азиата расписаться в собственном бесилии на первом же кирпиче, взятом из руин этой крепости... Ключел!

— Я весь внимание, мой фюрер.

— Подберите хороший кирпич. Я этим кирпичом сначала тресну Сталина по голове, а потом он на нем и расписется... Это нужно для музея славы, который после войны откроется в Берлине для обозрения иностранных туристов!

— Слушаю, мой фюрер.

23. ЧЕРЕЗ ХАЦАПЕТОВКУ

Фельдмаршал фон Ключе и стал их полезным гидом.

— Мы никак не ожидали, — рассказывал он, увлекая гостей в руины Брестской крепости, — что именно здесь, возле границы, русские задержат вермахт на целый месяц. Форсировав Буг, танки рванулись вперед, но вскоре пришлось отозвать их обратно — в помощь нашей пехоты. Из Германии на особых платформах вывезли шестисот миллиметровые пушки, чтобы они похоронили русский гарнизон в развалинах этой крепости...

Муссолини ликовал от подобных признаний Ключе: «Значит, не всегда влетает моим бумажным итальянцам, достается теперь и железным фрицам...» Изобразив на лице приличное внимание, он выслушивал утомительные длинноты Гитлера, который снова завед любимую пластинку — о полном разгроме Красной Армии, которая, уже шатаясь от ран и голода, вот-вот взмолилась о новом варианте «брест-литовского» мирного договора. При этом носком сапога фюрер поддел из-за камней что-то рыжее, и Муссолини отшатнулся, увидев истлевшее лицо женщины, облепленное спекшимися в крови волосами. Подле нее лежала винтовка, из груди кирпичей торчала ручонка младенца.

— Видите, — сказал Гитлер. — Эти азиаты, попавшие под ярмо жидовского марксизма, не жалеют даже своих матерей...

Фельдмаршал фон Ключе, стоя сбоку, подкасал Муссолини, что это не был «женский батальон», как писали в газетах, — жены русских офицеров сражались рядом с мужьями. Муссолини заметил на стене какую-то надпись и просил перевести ее с русского: «Умираю, но не сдаюсь! Прощай, любимая Родина...» Это настолько потрясло дуче, что он даже притих, позволяя Гитлеру вести заунывные монологи о непобедимости его вермахта. Но теперь, после Бреста, дуче не очень-то в это верил. Совсем недавно (19 августа) он решил более не посылать итальянских рабочих на заводы Германии. Именно об этом и заговорил с ним рейхсмаршал Геринг, который своим объемным животом тесно соприкасался с выпуклым чревом Муссолини:

— Напрасно вы отказываете нам в своих итальянцах. Взамен мы дали бы вам пленных большевиков, чтобы они работали на ваших заводах. Если их подкормить, они еще показали бы вам, что такое стахановское движение и как с ним бороться.

— Нет уж! — испугался Муссолини. — С пленными русскими распутывайтесь сами. Если их поставить к нашим станкам, они быстро споятся с моими бездельниками. Лучше уж я велю полиции переловить ту-

неядцев, загорающих на пляжах Риччони или живущих в отелях Остии непонятно на какие доходы... Пусть они и ставят трудовые рекорды на ваших эссенских шахтах.

Потом дуче тихонько шепнул генералу Уго Кавальеро:

— Гитлер—сволочь... совсем обнаглел.

— Вы, дуче, так считаете?

— Да. Он всегда согласен в знак дружбы поменяться рубашками. Но при этом я должен не вынимать из своих манжет бриллиантовых запонок... Тебе, Уго, не кажется, что у немцев дела неважные? Как бы эти подонки не стали просить у меня солдат.

— Мы дали им три дивизии, разве недостаточно?

— Пойми, Уго: я сейчас в поганом положении. Если мы не проявим активности в России, победы вермахта выявят слишком большую диспропорцию между нашим и германским вкладом в общее дело «Стального пакта». Чем больше крови выпустить из моих итальянцев в России, тем больше выгод получим после мира...

Бенито Муссолини не кривил душой, уподобясь мародеру, который тихо крадет-ся вслед за солдатом, чтобы тут же подобрать все, чем солдат не пожелал пачкаться. Так что в этом вопросе (о насыщении) цели дуче и фюрера полностью совпадали. А потому, когда Гитлер завел речь об увеличении итальянского контингента в России, дуче согласился усилить КСИР:

— Мой корпус со временем превратится в «Итальянскую армию в России». Сокращенно называем ее так—АРМИР.

— АРМИР... я не против,—согласился Гитлер.—Но ваш генерал Мессе будет подчинен моему генералу Эвальду Клейсту.

— Прошу, фюрер, напомнить об его заслугах.

— С удовольствием. Клейст недурно считается на «роликах»...

Из Бреста диктаторы, окруженные свитами, отбыли в Умань, где располагалась командная ставка Рундштедта. Здесь, в райском уголке Украины, на Гитлера обрушилась лавина почестей, криков и восторженных приветствий. Несчастливого дуче оттерли подальше, с сиротским видом он жаловался Кавальеро:

— Ничего, Уго! Скоро я их всех перепугаю...

Гитлер пригласил дуче к столу с оперативными картами. Рундштедту велели изображать великого стратега с указкой в руках. Гитлер сказал Муссолини:

— Для фоторепортажей нужно, чтобы мы склонились над картой. Заранее сделаем сосредоточенный вид. А вы, Рундштедт, не дергайтесь со своей палкой, будто ковыряетесь на помойке. Вы нам точно указываете на Киев, чтобы берлинские и римские читатели газет ясно видели: битва за Днепр продолжается!

Наконец, фотографии перестали вспыхивать.

— Будут отличные кадры,—сказал Гитлер, отходя от стола.

А дуче пошевелил челюстью, словно голодный бульдог, которому разрешили облизать пустую миску. «Вот я их напугаю»,—предвкусал он.

После возвращения из России Муссолини долго изучал карту Украины и, наконец, уперся пальцем в одно место:

— Вот где я оставляю след своей львиной лапы...

Из-под когтей «львиной лапы» граф Чиано прочел трудно произносимое для итальянцев название: Хацапетовка.

Граф Галеаццо Чиано, зять Муссолини, был человеком умным, а иногда даже прозорливым, к России и русскому народу относился хорошо. Поговорив с генералом Джованни Мессе, которого назначили командовать армией в России, граф в своем дневнике записал: «Как и все, кто имел дело с немцами, он считает, что лучший способ разговаривать с ними—это пинок в живот. Мессе говорит, что русская армия сильна, а надежды на крах Советов—абсолютная утопия... Мессе еще не делает выводов, но зато он наставил передо мною множество вопросительных знаков».

6-я армия Рейхенау двигалась в авангарде группы Рундштедта, а фланги итальянцев иногда смыкались с немцами. Разногласия у Мессе возникли с танковым генералом Клейстом. Мессе доказывал, что сроки продвижения частей КСИР нереальны:

— Наши моторы—это желудки мулов, а те грузовики, что мы имеем, развзвили раньше по Риму булки и мороженое. Теперь мы возим на них свои испорченные мотоциклы.

— Я зять ничего не знаю,—твердил Клейст.—Если у меня на штабных картах возле номеров ваших дивизий нарисованы «колесики с крылышками», значит вы—моторизованные.

— Так не я же их рисовал!—возмущался Мессе.—Это еще в Риме нарисовал Кавальеро, а транспорта у нас нету.

— Тогда топайте пешком. Только побыстрее...

Пешие итальянцы на ходу импровизировали песни:

По прекрасной Украине

Едем, как в трамвае римском:

Едешь-едешь, конца нет.

Продаю вам свой билет!

Итальянцы примолкли, когда увидели обширнейшую панораму промышленного Донбасса: далеко за горизонт уходили копы шахт, всюду виднелись цеха и заводы—это было как раз то, чего не хватало на родине, и уважение к русским у них возросло еще больше. Даже бывалые фашисты признавались:

— Давно я не разевал свой рот так широко от удивления...

Фланги Мессе стали близко соприкасаться с флангами 6-й армии Рейхенау, и здесь итальянцы увидели виселицы с повешенными, ибо Рейхенау обладал почти звериной жестокостью по отношению к русским. В селе Марьянке (подле города Сталино) он велел живьем закопать в землю супружескую пару — за то, что они сожгли портрет Гитлера. Итальянцев заставили присутствовать при этом злодействе. Они плакали и плевались в гитлеровцев. Даже чернорубашечники, уже закаленные в верности фашизму, поддержали беспартийных солдат, а офицеры Мессе рвали с себя ордена.

Это был как раз тот момент, когда в Риме дуче с линзой в руках указывал на Хацапетовку возле шахтерской Горловки:

— Для нас,—говорил он своему Кавальеро,—очень важно придать взятию этой Хацапетовки международный резонанс. Мир должен вздрогнуть от римского могущества. Заодно штурм Хацапетовки нейтрализует успехи германского оружия. При заключении мира Италия обретет должное равновесие с Германией, которое сейчас нарушено интригами Гитлера... Хацапетовка—это первый и решительный шаг к нашему будущему величию!

Клейст уже не раз лалялся с Джованни Мессе, а теперь он приказал по радио, чтобы итальянцы выходили к станции Дебальцево. Но тут Мессе, даже не оповестив Клейста, вдруг отважно ринулся на Хацапетовку. Клейст говорил:

— Я в эфире, наверное, проделал большую дырищу, через которую и указывал на Дебальцево, а этот макаронник...

Джованни Мессе (как он писал в своих мемуарах) заставил немецкое командование признать его «точку зрения». В чем эта «точка» заключалась — я не знаю, но, очевидно, точка была внушительной, ибо генерал Клейст сказал:

— Не пойму, ради чего итальянцы привязались к этой Хацапетовке? Но я вмешиваться не стану... пусть побеждают.

Муссолини, гордый за Хацапетовку, вывел Кавальеро:

— Наши дела выправляются. Мы устроим парад по случаю падения твердыни Хацапетовки, неприступной даже для вермахта.

Парад в Риме открывали проверенные фашиози, успешно сдавшие экзамен по прыжкам в высоту и в забеге на стометровку, за ними ехали старые члены партии на велосипедах, а оркестры гремели. Все шло замечательно, и военные атташе разных стран, союзных и нейтральных, уже вполне прониклись глобальным значением Хацапетовки, но тут все испортил сам Уго Кавальеро, который появился на трибуне дуче с телеграммой от Мессе:

— Должен огорчить, эччеленца. Дело в том, что Мессе почему-то не взял Хацапетовку. Мало того, под нерушимыми стенами этой Хацапетовки русские колотят Мессе с таким усердием, словно это паршивый тюфяк, который в пору бы выбросить.

— А куда же смотрит Клейст, смыкающий с ним свои фланги?

— Клейст злорадствует, издали наблюдает...

Впереди их ждал Сталинград, а вот самой Волги итальянцы никогда не увидят, и скоро застынет навеки

Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах.

24. В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ

Сталинград... Чуянов сорвал трубку телефона:

— Алло, слушаю вас.

— Алексей Семеныч?—женский приятный голос.

— Да, я. Что вам угодно?

— Ну, подожди, гад! Вот завтра придут немцы в Москву, тогда мы тебе кузькину мать покажем...

Гудки. Чуянов медленно опустил трубку на рычаг. Сейчас у него в кабинете сидел главный инженер Сталгрэсса — Константин Васильевич Зубанов, специалист и человек дельный.

— Чего там? — спросил инженер.

— Да так. Балуются... из будки автомата, наверное.

Летом 1941 года в газетах и по радио Сталина поминали не так уж часто, прекратились бесстыдные восхваления его «мудрости и гениальности». Во время всеобщего отступления, порою даже панического, Сталину было выгодно ступаться, чтобы в народе слыхать безгрешным, и пусть люди сами доискиваются, кто виноват. Журнал «Огонек» пестрел именами безвестных солдат и лейтенантов, вернувшихся из атак: на страницах журнала — женщины, одни делали снаряды для фронта, другие копали для мужей окопы, третьи заменяли мужей возле станка, а портретов Сталина не встречалось. Сталин притих и как бы затаился в глубокой тени, словно классический театральный злодей, который хоронится за кулисами, чтобы выступить на авансцену уже в гордой позе торжествующего победителя...

Это время нашего всеобщего горя еще хранит много тайн!

При эвакуации часто не успевали вывезти оборудование заводов, врагам оставляли сокровища музеев иклады древних архивов, в банках забывали ценности, не хватало вагонов, чтобы спасти детей, но зато никогда не забывали расстрелять в тюрьмах узников, осужденных или подследственных по злосчастной 58-й статье — за «измену родине», и, когда приходили немцы, ворота в тюрьмах были настежь, двери камер нараспашку, а в них, где ничком, где в углах, где вповалку, валялись трупы

мужчин, женщин, стариков, иногда и подростков,—их убивали поголовно, уже не задумываясь, кто там прав, кто виноват.

Это правда, что на передовой не хватало винтовок. Но еще страшнее, что фронт постоянно нуждался в людях — опытных и знающих офицерах высшего ранга, которые понимали сложный, сложнейший характер войны, переставленной с ног на гусеницы танков. Вот таких-то людей и не хватало на фронте, ибо они, давно репрессированные, вымирали от голода и побоев за колючей проволокой концлагерей: они ожидали конца в бериевских застенках, уже ни во что не верящие...

Да, внешне Сталин вроде бы изменился, стал скромнее и вежливее, в своей знаменитой речи он возвел нас в своих «братьев и сестер»; беседа с военными, порою даже высказывал сожаление, что нет того-то, а здесь пригодился бы тот-то. А где они? Даже костей не осталось—всех растерли в лагерную пыль!

— Сколько хороших людей погубил этот подлец Ежов!—сорвался однажды с его языка (думаю, преднамеренно, чтобы самому выглядеть невинным).—Звоню как-то в наркомат, говорят—нету, уехал, дел много. Звоню домой, а он лыка не вяжет... опять пьяный.

Нет, за собою он вины не признавал. И мало кому известно, что даже в сорок первом Сталин продолжал уничтожать военные кадры. Именно тех самых людей, которых — по его же словам—сейчас не хватало, чтобы наступил в войне крутой перелом. Армия сдавала города, никто еще не ведал, где последний рубеж, могущий стать вторым Бородино, а в подвалах Берия по-прежнему истязали людей («была настоящая мясорубка»,—позже признавал сам Берия). Когда же враг стал угрожать столице, Берия спросил Сталина, что делать с теми, кто в этой «мясорубке» еще уцелел. Сталин указал выпустить К. А. Мерецкова, будущего маршала, и Б. Л. Ванникова, чтобы тот занял пост наркома вооружения. После падения Смоленска аппарат НКВД был эвакуирован из Москвы, как общесоюзная ценность; вместе с палачами тайком вывезли в Куйбышев и подследственных; когда же началась осада столицы, Берия послал телеграмму — следствие прекратить, судить не надо, уничтожить всех сразу. И на окраине села Барыш была заранее отрыта могила. Над могилой поставили истерзанных и уже безразличных ко всему людей—лучших офицеров армии и командиров, лучших танкистов и асов авиации, а среди них и жену Рычагова—Марию Нестеренко, которая уже ни о чем не спрашивала палачей, а только тянула руки к любимому мужу:

— Паша, за что? Скажи мне, Паша, за что?..

Какой уж день гремела война, погибали тысячи детей и женщин, на дорогах ревели брошенный скот, завывали сирены, тонули корабли, самолеты врзались в землю, а

Сталин природным и звериным инстинктом ненависти, тишком, почти воровски, где-то из окраинах провинции, чтобы никто не знал, чтобы никто не слышал, истреблял лучших людей, воинов и патриотов, в которых так нуждалась страна.

Все лето киевляне копали гигантские рвы, надеясь, что они остановят панцер-дивизии Клейста, уже громыхавшие по ночам на подступах к городу. Но падение Киева было неизбежно. Сталин зорко присматривался—кого бы сделать виноватым, чтобы самому остаться невинным? Если обвинить во всем Семена Буденного, тогда всем станет ясно: где Буденный—там и он, Сталин. Нет, этого делать нельзя. И Сталин приказом № 270 обвинил в предательстве генералов, якобы сдавшихся в плен...

Нашлись честные люди, доложили Мехлису:

— Это неверно! Названные в приказе генералы в плен не сдавались, а пали в сражении как герои, даже не испугавшись рукопашной схватки. Делать из них предателей позорно!

— Вы все политические младенцы,—отвечал Лев Захарович.—Предатели у нас были, есть и будут. Как же нам без предателей? Иначе почему же мы драпаем от фрицев, а? То-то...

Семен Михайлович Буденный тоже оказался человеком смелым. Он прямо заявил Сталину: «Ваше решение вместо меня назначить главноком Юго-Западного фронта маршала Тимошенко *ничего не изменит*... Судьба Киева уже решена! А виноватым в трагедии Киева был не кто иной, как тот же Лев Захарович Мехлис,—это он, в самый канун войны, велел демонтировать укрепленные районы на том основании, что их создавали «враги народа...»

С 8 августа 1941 года Сталин именовался Верховным Главнокомандующим. Невольно вспомнился мне случай из практики тех лет. В одной из наших газет—по недосмотру корректорши—была пропущена одна и лишь буква, и вместо «Верховный Главнокомандующий» было напечатано «Верховный Гавнокомандующий». Опечатка историческая! Говорят, что в редакции после этого не только уборщицы тети Мани не осталось, но пострадала даже кошка, любившая греться под лампой на столе этой корректорши...

— Так на чем же мы остановились?—спросил Чуянов.

Зубанов продолжил разговор о распределении в Сталинграде электроэнергии, выразил и сочувствие Чуянову:

— Спать-то вы спите ли? Наверное, дел по горло.

Алексей Семенович ответил, что от дел все равно никуда не денешься, дела есть дела, тем более в такое время.

— Но с началом войны стали мешать всякие самоучки, изобретатели велосипедов. Я понимаю,—сказал Чуянов,—люди, желая помочь отчизне, искренне заблуждаются. Гнать их неудобно. Вот и сидишь,

как дурак, слушая всякую ерунду с тангенсами и котангенсами. Изобретают, конечно, оружие. И, понятно, секретное. Откажись выслушать их—обещают Сталину жаловаться. Будто я враг народа, душитель народных талантов и прочее...

Они покончили с делами, но Чуянова не покидало мерзостное сознание, что враг уже здесь, где-то в городе. Отпуская инженера, Алексей Семенович все же задержал его в дверях. Душевные эмоции требовали разрядки.

— Вот!—сказал Чуянов, показывая на телефон.—В тридцать седьмом хватали, да хватали-то не тех, кого надо. Настоящие враги хайло свое не разевали. На трамвайных остановках они анекдотов про Сталина не рассказывали. Враги сидели тихо и—уцелили! А сейчас, именно сейчас, пришло их время...

Кажется, инженер Зубанов так и не понял секретаря обкома. «Впрочем,—думал Алексей Семенович,—все и не обязательно понимать...» Он подошел к окну, долго глядя на раскинувшуюся перед ним площадь Павших Борцов. Посреди площади лежал трофейный «мессершмитт», доставленный с фронта для всеобщего обозрения, как символ вражеской слабости, а сталинградские ребята уже растаскивали его по винтикам. Не работал фонтан, окруженный танцующими девчонками, на которых развешали пионерские галстуки. Притихло здание Дома офицеров, куда еще забегали выпить пива. Возле подъезда драматического театра, положив на лапы лохматые головы, дремали мраморные львы, которые, наверно, еще помнили царькиных купчих, разряженных по-кустодиевски, что спешили послушать Ленежку Собицова: «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни...» Универмаг был еще открыт, в него входили, но тут же выбегали обратно без покупок: торговать было нечем—все продавалось по карточкам...

Конечно, будь у Чуянова самая буйная фантазия, он все равно не мог бы представить, что через год из подвалов этого универмага, что на площади Павших Борцов, вдруг выберется человек в грязной шинели и резким жестом отшвырнет от себя заряженный «Вальтер»—к ногам солдат в полушубках.

Это будет фельдмаршал Фридрих-Вильгельм Паулюс.

...Ты ли! Глубокий тыл. И по утрам, когда жители Сталинграда еще спали, служители зоопарка выводили к Волге слониху Нелли—речь она любила купаться.

Первый день войны всегда отзывался сердечной болью, и Чуянов не забыл, как из секретного сейфа он извлек красный пакет с надписью: «Вскрыть при объявлении войны». На кой же черт пять сургучных печатей, если внутри—партийная инструкция о том, как агитировать народ на призывных пунктах.

Слава богу, нам агитировать не пришлось...

Призывники 1905—1918 годов рождения, даже не получив повесток, уже заполняли

улицы перед военкоматами. На заводах разумно восприняли и сверхурочные допоздна, и отмену отпусков до конца войны. Студенты и старшеклассники записывались на курсы трактористов и комбайнеров. На площади Павших Борцов сталинградцы собрались на митинг, сразу 50000 жителей вступило в ряды народного ополчения. Поднимались на борьбу и казачество тихого Дона, ветераны «германской» доставали из погребов припрятанные от милиции клинки, примерялись рубить—по кустам. Впервые на улицах Сталинграда появились висюльские старцы, с георгиевскими крестами на скромных пиджачках. Память прошлого логично сомкнулась с современностью. 27 июня Сталинград уже раскинул первые госпитали для раненых, женщины по доброй воле несли простыни и подушки, становились санитарками. Тысячи женщин и девушек давали свою кровь раненым: одни—чисто из патриотизма, некоторые ради получения дополнительного питания (не надо говорить об этом стыдливо: жизнь есть жизнь, а есть все хотят).

— Удивляюсь!—говорил Чуянов.—До войны мы тут погибали от всяких кляз и доносков. Целая контора сидела иковырялась в грязи. То соседка в суп плюнула, то директор пивной серги купил любовнице, то участок под огород не так отмерили... Теперь же—тишина, хоть контору закрывай! Никаких жалоб и все довольны, будто в рай попали. Вывод один: перед лицом великих народных испытаний сразу сделались ничтожны все мелочи жизни. Осталась лишь одна великая цель, самая праведная—выстоять и победить!

Начальник областного НКВД Воронин возглавил добровольческие отряды истребительных батальонов.

— Не хочу пугать,—сказал он Чуянову,—но в излучине Дона и в калмыцких степях уже появились диверсанты. Их по ночам сбрасывают с парашютами. Наконец, подозрительны масть пролеты немецких самолетов-разведчиков в сторону степей, где кочают калмыки.

— Слушай!—сказал Чуянов Воронину.—Это уже по твоей части... Вести патрулирование на улицах и ночные пропуска. Обеспечить охрану мостов, пристаней, телеграфных линий. Прописка в Сталинграде отныне запрещается. Видовичных в нарушении светомаскировки—под суд. Знаю, что найдутся негодяи, желающие воспользоваться затемнением города... Таких шкурников и грабителей—всех старь к стенке!

Перед обкомом возникло множество проблем. Найти замену опытным сталеварам, ушедшим на фронт; обеспечить навигацию на Волге; помочь колхозам с уборкой урожая; ускорить ремонт пароходов на судовой верфи; вывезти соль с озер Баскунчак и Эльтон; настаять, чтобы Астрахань пошевелилась с заготовкою воблы и селедки. Наконец, попросту надо изматерить торговлю, которая «сплавляет» по карточкам дорогие конфеты в коробках, тогда как народ желает «пососать конфетку», без которой немислимо русское чаепитие.

А главное—танки! Все дворы СТЗ заставлены рядами бронированных машин, прямо с завода танкетки уводили их на фронт. Встретаться же с людьми становилось день ото дня труднее. Не потому, что в каждой семье уже появились нужда и горе, а потому, что никуда не уйти от вопросов:

— Скоро ли наступать станем? Ну, сначала-то ладно. Вероломство и прочее. А теперь? Куда ж дальше-то драпать, ежели шестьсот километров сдали—кошкам под хвост...

Почему-то все уверены, что он, первый секретарь обкома и горкома, больше всех знает. Вернется Чуянов домой, чтобы язык обсушить, а в родной семье—те же окажанные вопросы! Жена, дед с бабушкой, даже мезюга-сыновья тиранят:

— Папа, а когда разобьем этих фашистов?

Ну, со своими-то намного легче:

— Пошли все спать! Время позднее...

Ночью его разбудил звонок от Воронина:

— Слушай, Семеныч, на путях в Сарепте, — там, кстати, бардак, каких свет не выдывал, — среди эвакуированных нашли эшелон противотанковых пушек. Триста штук, и нет хозяина. Аргуправление эвако, — Воронин имел в виду Наркомат Обороны (НКО), — очевидно, уже поставило крест на эшелоне.

— А пушки исправны?—спросил Чуянов.

— Некомплектны. Частью демонтированы.

— Задержи эшелон. Поставь охрану.

— Взгряют, — сказал Воронин.

— Черт с ним! И не так еще нам влетало...

После эвакуации Харьковского тракторного завода, после демонтажа других предприятий на западе СТЗ остался ближайшим к фронту заводом, поставлявшим лавины мотушек «тридцатьчетверок». «Красный Октябрь» — тоже единственный — продолжал давать стране высококачественную сталь, как бы облачая в броню отступающие армии. Сталевары и прокатчики Сталинграда уже перевыполнили все планы, мыслимые и немыслимые, однако в августе наметился неизбежный спад в производстве.

Чуянов оправдывался перед Москвой.

— Да не угрожайте вы мне! Не боюсь, уже битый. У меня остались старики и бабы. Мальчишки из ФЗО и ремесленники засыпают у станков. Жрать нечего. С ваших карточек сыт не будешь... Я все понимаю, но поймите же и вы нас. В выпуске танков Сталинград зависел от ста восьмидесяти двух поставщиков. Теперь поставщики—кто остался под немцем, кто на колесах за Урал катит, а кто вообще пропал, и даже вдоха не слышно. Кооперация развалилась. Размещаем чертежи по городским предприятиям. Заняли все, что можно, вплоть до кроватных мастерских...

Москва слезам не верила, требуя наладить и выпуск минометов. Кавалеристы просили, чтобы для них шли седла и

сбруи, чтобы обеспечили конницу подковами. А. И. Микоян звонил каждый день по телефону, умоляя Чуянова отправить эшелон с махоркой—для армии:

— Кстати, сразу же начинайте забой скота. У вас хорошие мясобойни, налаженное консервное производство.

— У нас консервный завод гранаты делает.

— Нам нужны гранаты и мясная тушенка...

Отговорив с Микояном, Чуянов поехал на фабрику имени Сакко и Ванцетти, где выпускали медицинский инвентарий:

— Привет передовой советской интеллигенции! Срочно понадобились взрывательные капсулы для противотанковых мин. Только вы, помощники смерти, и способны сделать их...

Он ожидал возражений, но получил дозу юмора:

— Это как раз по части здравоохранения. Берегите свое здоровье, а мы испортим его всяким гудерьянам...

Начался усиленный перегон скота на мясобойни города. А минометы удались так хорошо, что в Сталинград поехали делегации из других городов, чтобы поучиться... Но что-то страшное творилось на вокзалах и пристанях. Все пути забиты «пробками» эшелонов с эвакуированной техникой, в заколоченных теплушках ревели коровы, недоенные и непоенные; всюду узлы, чемоданы, жалкий людской скерб, на который и глаза бы не глядели. У кипяильников крики, звон чайников и бидонов. Дети плачут. Женщины мечутся. Какая-то дура от самой границы прет на своем горбу швейную машинку «Зингер» (кому что дорого)...

Никто не знал, на сколько увеличилось население города. Люди, бежавшие от оккупантов, ютились в скверах, на огородах, заселяли улицы и площади, рыли для себя ямы, ночевали на берегу—под лодками. Под осень в Сталинград прибыл эшелон с ленинградскими детьми. Новая задача:

— Куда их девать? Чем кормить?

Чуянов созвал совещание в обкоме, велел продумать вопрос о том, как расселить массу несчастных людей, потерявших свой дом, свое имущество. Решили, что здоровых надо устраивать в доменные станции, в окрестных колхозах:

— Успокойся. Отъедятся. Будут работать...

Запомнилась Чуянову одна старушечья на вокзале:

— Мы уж пострадали. А у вас-то в Сталинграде — слава Господи. Сушая благодать. Как села, так и не встану. С утра арбуза покушамши. Нам с внуком-то карточки выдали. Конфетки получили, «Бим-бом» называются. Кругленькие... Свет не без добрых людей. Что ж не жить? Об одном Христа буду молить: тока бы этот Гитлер проклятый содыть не забрался...

Алексей Семенович вернулся домой, сказал жене:

— Знаешь, я просто с ног падаю.—Но тут же раздался звонок телефона.—А, чтобы треснул...

В трубке—тот же нежный, воркующий голос:

— Ты еще не подох там, сволочь паршивая! Готовься быть повешенным на площади Павших Борцов... Детям твоим глаза выколем, а жену на рельсах под трамваем разложим...

Гудки. Чуянов медленно повесил трубку телефона.

— Кто там?—спросила жена.

— Да, наверное, по ошибке. Как всегда перепутали номер телефона. Вот и звонят... из будки автомата. Дай поесть что-нибудь... Целый день на ногах. Даже не присел...

ОТ АВТОРА

Много лет назад, когда я занимался написанием документальной трагедии «Реквием каравану PQ-17», я обратил внимание на одно странное обстоятельство. С весны 1942 года Уинстон Черчилль, всегда любивший выпить, пил много больше нормы, при этом он, будучи в сильном подпитии, часто вызывал нашего посла Майского и спрашивал его всегда об одном и том же:

— Ну, так когда же ваш мудрый Сталин собирается заключать с Гитлером новый вариант «брестского мира»?

Конечно, наш посол доказывал Черчиллю обратное, мол, советский народ настроен сражаться до окончательной победы над фашизмом, но Черчилль не очень-то ему верил. Тогда же он задерживал отправку в СССР союзного каравана PQ-17, делая это умышленно, так как, смею полагать, британская разведка уже оповестила его о «тайнах Кремля». Черчилль попросту боялся, как бы военные грузы поставок по ленд-лизу, доставленные в Мурманск, не оказались у... немцев.

В чем дело? Наверное, Черчилль имел основания подозревать Сталина в желании примириться с Гитлером. Но эта история имеет таинственный пролог, сугубо засекреченный на долгие годы. Суть его в следующем. Еще в июле 1941 года, когда наша армия, оставляя в котлах уже миллионы окруженцев, откатывалась от границ, а немцы через неделю вошли в Минск, в это время Сталин совсем растерялся, его воля была полностью парализована, он не думал теперь о государстве, а помышлял лишь о том, как бы ему удержаться на кремлевском престоле. Укрываясь от ответственности за поражение на своей даче, в Кунцево, он принимал у себя только Молотова и Берия.

Эта вот «троица», далеко не святая, пришла к выводу, что их может спасти только капитуляция перед Гитлером, они заранее соглашались на любые условия мира—какие бы из Берлина не предложили, только бы задержать танковый разбег вермахта. Интересы Германии в Москве тогда представляло посольство Болгарии, и эта «троица» навестила посла Ивана Стаменова. Сталин

отмалчивался, говорил Молотов, убеждая Стаменова связаться с Берлином:

— Если великий Ленин,—таков был примерно смысл слов Молотова,—если даже он пошел на сговор с кайзером, то мы сейчас тоже согласны на мир с Германией...

При этом, чтобы ублажить Гитлера, эта «троица» соглашалась уступить Германии всю Прибалтику, Молдавию и западные области Украины и Белоруссии, прилегающие к Польше, уже покоренной немцами. Чудовищно! Но болгарский посол верил в Россию и в русский народ гораздо больше, нежели эти партийные боссы, приехавшие к нему из московского Кремля.

— Успокойтесь!—отвечал он и, наверное, я так думаю, отвечал даже с презрением. —Какова бы ни была мощь Германии, все равно ей никогда не удастся сломить Россию, покорить великий русский народ. Быть посредником в этом вашем позоре,—сказал Стаменов,—я отказываюсь, уверенный, что даже если ваша армия отступит до Урала, все равно победа будет за вами...

Капитуляция Сталина перед Гитлером—это еще неразгаданная тайна, и потому я опускаю здесь намеки на то, что летом 1942 года Молотов летал в Винницу, где находилась ставка Гитлера, чтобы договориться с ним об условиях постыдного мира (нарек пока и останется намеком). Но кажется, что весной того же года Берия действительно в том же духе, только самостоятельно. Известно, что весной с одного прифронтового аэродрома летал куда-то на запад наш самолет. Летал дважды не ночью, а днем(!), возвращаясь обратно, не боясь обстрелов вражеских зениток, его почему-то шадлили и германские истребители. Свидетелям этих полетов начальство велело помалкивать:

— Он летал к партизанам... как тут не понять?

Но самолет-то летал без груза, а возвращался без раненых партизан, чего быть не могло при обычных полетах в партизанские лагеря. И почему он летал днем, заранее уверенный, что зенитки врага будут молчать, а истребители не тронут его? Из этого самолета, возвращавшегося вечером, выходили какие-то люди в плащ-палатках, а лица свои они укрывали капюшонами.

Я склонен думать, что Лаврентий Берия устанавливал свои личные контакты с правительством Гитлера—ради своих же личных целей. Так что летом 1942 года, когда 6-я армия Паулюса надвигалась на Сталинград, Черчилль, наверное, уже кое-что знал—потому и пил больше нормы, потому и вызывал посла Майского, чтобы задать ему один и тот же вопрос:

— Скоро ли Сталин пошлет Молотова в Брест?..

Жаль, что я, автор, не доживу до тех дней, когда будут распечатаны глубоко сокрытые тайны предательства...

Это меня! Это вас! Это всех они предавали!

(Продолжение следует)

О НАБОЛЕВШЕМ

Автор публикуемого ниже письма, адресуя его в редакцию войскового журнала, надеется, что его прочтут, как принято говорить, заинтересованные лица: заместитель министра внутренних дел СССР генерал-майор внутренней службы В. БЕЛЯНИНОВ, начальник Главного управления материально-технического и военного снабжения МВД СССР генерал-майор внутренней службы В. НЕГОДОВ, начальник медицинского управления МВД СССР полковник внутренней службы В. КРАВЧЕНКО, другие ответственные товарищи, в чьих силах повлиять на безрадостную жизнь подразделений специального назначения внутренних войск.

СПЕЦНАЗ БЕЗ КАМУФЛЯЖА

проблемы,
события,
люди

ВОЙСКА

З А ПОСЛЕДНЕЕ время было немало публикаций и в центральной печати, и в войсковой о действиях спецназа внутренних войск в горячих точках. Не удивительно — подразделения «краповых беретов» много раз предотвращали, прекращали разгул страстей и кровопролитие в межнациональных конфликтах. Писали и о нашей роте. В основном говорилось о мужестве и самоотверженности ребят, их преданности спецназу. Если и шла речь о наших проблемах, то как-то вскользь, между прочим. Во всяком случае перемены к лучшему пока не наблюдаются.

Эти заметки пишу на госпитальной койке. Не стану заниматься рекламой «краповых беретов», не буду расписывать лихие операции в горах Карабаха. Главное, на что надеюсь, — эти строки прочитают люди, от которых зависит коренное решение наших проблем. Части особого назначения как теперь только не называют — и «политические войска», и «правительственные», и «президентские», и «национальная гвардия». Куда только их не бросали за последние пару лет, какие только задачи не приходилось выполнять. А знают ли в правительстве, знают ли народные депутаты СССР, руководители министерств, как живут солдаты, прапорщички и офицеры в краповых беретах? Сомневаюсь.

Видела бы Галина Старовойтова, так рьяно выступающая за права человека, якобы попираемые в НКАО, какие вагоны предоставили нашей части в Степанакерте. Солдаты должны были ехать в грузовых пульманах, освободив их прежде от соды, цемента, комбикорма. Офицерам подали вагон классом повыше — из состава электропоезда, без единого целого окна. Что ж, не господ — переморщились! Это один-единственный пример. Говорить же надо о системе. О системе отбора в наши подразделения, о боевой подготовке, о материально-техническом обеспечении, о социальной, правовой защищенности, наконец.

Вот с последнего и начну. Почему? Да потому что сам очутился на госпитальной койке на грани увольнения по болезни. Для меня это если и не катастрофа (эх, где наша не пропадала!), то во всяком случае — конец любимой службе и нищенское существование семьи из пяти человек (у меня трое малолетних детей, сын еще грудничок, жена, естественно, не работает). Контузию, разрушившую мое здоровье, я

получил в марте прошлого года в Казахском районе Азербайджана, где мы взяли вооруженную банду армянских боевиков. Там-то и цваркнуло меня взрывной волной о скалу.

Полагаю, есть у меня право поделиться наболевшим, кое-какими соображениями, которые могут пригодиться моему спецназу.

Вот пошли потоком письма от ребят, мечтающих о краповом берете. Одно из главных качеств у претендентов уже можно записать в актив — страстное желание служить именно у нас. Но одного желания, конечно, мало. Отбор должен быть отлажен до мелочей. А что на практике видим? Начальник медслужбы нашей части капитан медицинской службы Н. Деляченко то и дело сталкивается с фактами прямо-таки преступной фальсификации в некоторых военкоматах, Минском, к примеру. Военкомы говорят врачам — вы пишете, что хотите, но только карандашиком, мы потом сами проставим, что нужно. Призывников в течение трех лет должны тщательнейшим образом обследовать. А в нашу часть особого назначения приходят молодые люди с остеохондрозом, заболеваниями сердца, гриппей... Ставят такому третьей группу здоровья, и начинают им наши эскулапы заниматься. А ведь даже в госпиталь больного подержать — проблема. Внутренние войска с недавних пор из Вооруженных Сил выведены, вот и отказываются от наших в госпиталях Советской Армии. Ладно, если заместителя командира части по тылу договорится.

Медицинское обеспечение в ходе выполнения боевых задач в горячих точках — еще одна проблема. Представьте — рота выполняет одновременно нередко три-четыре задачи. Боевые группы действуют автономно, на значительном удалении и от базы, и друг от друга. По штату в роте положен один фельдшер, прапорщик. На сегодняшний день нет и его. Семнадцатилетняя девочка просится к нам после окончания медучилища. Забрехала командование письмами, мечтает быть «ангелом-хранителем» для сильных и смелых парней. Но на одной романтике ведь далеко не уедешь. Даже неспециалисту ясно, что каждой боевой группе нужны санинструкторы толковые, с компактной, надежной и, главное, практичной медицинской укладкой. В ней надо предусмотреть все — и шприцы одноразовые, и капельницы, и противоземную сыворотку, и средства для обеззараживания воды...

Медики наши рассказывали, что подобные предложения, проверенные на практике, подавали «наверх» — и проверяющим, и довольствующему органу. Два года наша часть воюет, а медобеспечение все прежнее — десять таблеток аспирина на сотню солдат. А ведь пересмотреть старинные приказы требует боевая обстановка. Как горевали мы, когда в Ереване погиб всеми нами любимый подполковник

Вячеслав Михайлович Чекмарев. У него была большая кровопотеря. Старший лейтенант медицинской службы О. Лаврентьев, отличный врач, до сих пор вздыхает тяжело: «Эх, если бы сразу капельницу да влить пару флаконов реополиглокина!» Если бы... А человека нет!

И на себе пришлось испытать нищету нашего медобеспечения — когда свалился после контузии, на зимних квартирах уже, в части, не было для лечения ни кокорбоксилазы, ни ноотропила. Вот уж воистину — всю жизнь на одни таблетки придется работать, если брать их у спекулянтов.

Я, кстати, и положенного по контузии пособия не получил — нет, говорят, заключения судмедэксперта по месту контузии. Я что, у боевиков должен был справку взять о том, что именно я взрывал их миномет? Миномет-то был, и взрыв был, и боевики были — двадцать девять человек нами было захвачено, все вооруженные, — не оказалось только поблизости судмедэксперта.

Похоже, те, кто издает приказы, касающиеся нас, не всегда представляет их действие в реальной жизни.

Гордость внутренних войск, их элита — спецназ — влечит нищенское существование. Известна истина — скупой платит дважды. Если поначалу в части особого назначения молодые офицеры просились, то теперь только в нашей части «в очереди на увольнение» томятся больше десятка лейтенантов. Безденежье при росте цен, жилищная неустроенность гнетут. Сильные телом и слабые духом не выдерживают прозябания — уходят. Вот и в нашей роте есть такого рода потеря — лейтенант А. Андрюченко.

Сейчас пришел к нам командиром взвода старший лейтенант Евгений Петрушин. Мне иногда кажется, что он и спит в краповом берете. Парень добивался перевода к нам настойчиво, был на приеме у командующего внутренними войсками. Генерал-полковник Ю. В. Шаталин тогда сказал Евгению, что идет он служить в одно из лучших спецназовских подразделений. В общем так оно и есть, скажу без лишней скромности, что проверку на прочность большинство наших ребят прошли. Пришел человек с горящими глазами, полон сил, желания работать. И с чем столкнулся? Все та же гнетущая, обезоруживающая нищета. Нет ни тренажеров, ни экипировки для занятий. Медики наши и сокрушаются, и негодуют по поводу многочисленных травм наших солдат в ходе занятий. Но у нас же нет совершенно никаких средств защиты — ни бандажей, ни шлемов, ни перчаток...

Так уж судьба распорядилась, что боевая подготовка у нас проходила, преимущественно, в ходе боевых операций и в коротких промежутках между ними. Там в нас стреляли отнюдь не холостыми патронами, и вертолет с нашим десантом упал не понарошку... А вот приезжаем а

родную часть, и нет условий, «приблизженных к броне», — ни имитации, ни материального обеспечения. Солдаты в воображении рисуют себе и взрывы гранат, и пламя «горючки».

А заниматься такие подразделения должны беспрерывно, дабы поддерживать нужную боевую форму. И уж, конечно, нельзя отрывать личный состав на какие бы то ни было, пусть архиважные и самые неотложные строительные, хозяйственные работы. Много разговора ведется о профессионализации войск, но разговоры разговорами и остаются.

В прошлом году в Москве прошли учебно-методические сборы по рукопашному бою, я в них участвовал. Много полезного получил хотя бы потому, что занятия вели высококлассные специалисты восточных единоборств из Кореи. Уже наклеивалась стажировка в знаменитом австрийском спецподразделении «Кобра», но, увы, была я из строя.

Кто преподаст молодым офицерам азы горной подготовки? Умный, говорят, в гору не пойдет. А мы идем выполнять приказ. Так что же — мы не умные? Поначалу в горы лезли по бельевой веревке. Потом у авиаторов стали выторговывать парашютные стропы. Крючки, кошки делаем сами. Скорр, может быть, и рюкзаки-раскладушки станем делать «самопальные» — видел у нашего начальника штаба подполковника С. Фомченко, прошедшего, кстати, Афганистан, образцы, протезированные у воздушных десантников. Вот и будем сначала искать брезент, потом дюралевую трубку, тесьму для ламок, карабины.

А пока солдаты просят маму выслать червонец-другой, чтобы купить себе туристский рюкзак (с классическим «сидором» в долгой командировке нелегко), кеды, примус «Шмель» и все такое прочее, без чего в полевых условиях не обойтись.

Солдатам выдают ботинки, которые выдерживают в лучшем случае полгода хождений по горам. В ботинки не наматаетеш портянки — а где солдату взять носки? Хорошо, если у солдата бабушка вяжет, пришлет внуку пару, чтобы ноженьки сбегать.

Постройте нашу роту в любой момент — зрелище откроется не для слабонервных проверяющих. Кто в чем — тут вам и хэбэ, и пэша, и «афганка», и камуфляж всяких расцветок. У замполита заплатки на штанах поставлены. Солдаты Советской Армии в Закавказье, глядя на «взвзшный спецназ», смеялись и недоумевали: «Вас что, одеть не могут, ребята? Вы же так классно работаете!» А нам было просто стыдно за войска.

Обещаниями мы сыты по горло. Рота два года почти безвылазно находилась в горячих точках. По нынешним временам это солидный срок — целая солдатская жизнь, от звонка до звонка. Далеко от мысли, что «наверху» сидят сплошь профаны или равнодушные люди. Но тогда

почему проблемы спецназа не решаются по многим позициям? Свои предложения мы высказывали не раз самым высоким комиссиям, проверяющим, даже газетникам. А в итоге нас нередко называют в части жалобщиками, выбивающими для себя какие-то привилегии, льготы. Но мы-то за дело балеем, лишнего или чужого нам не надо. Даже сами прикидываем, как тот или иной вопрос можно быстрее решить, без ущерба государственной казне.

К примеру, обмундирование. У нас парадно-выходной комплект солдат в лучшем случае надевает за время службы несколько раз — присяга, увольнение в запас, несколько увольнений городских (это когда «дома», а не в командировке). И полустратаное обмундирование спецназу не нужно. Вместо них и шинели куда практичнее и дешевле камуфлированное обмундирование, которое на все случаи жизни годится. Почему нельзя в нем выйти в город или поехать домой по увольнении в запас? Солдаты ищут любые пути, чтобы оставить себе на память о службе камуфляж и краповый берет. Разве не заслужили они такое право всей своей службой!

Из-за этого камуфляжа у нас в роте даже ЧП случилось. Младший сержант А. Каменев с дружкой из соседнего подразделения пытался заставить солдата похитить со склада комплекты «трехцветки» и краповые береты. Дело дошло до рукоприкладства, и «доморощенные грабители» предстали перед судом. Вот теперь анализируем причины случившегося и среди прочих выделяем две: «брожение» личного состава, используемого не по назначению (Каменова в числе других не взяли в командировку, оставив для ремонта казармы), и наш беспросветный дефицит.

Может, и не случилось бы этой неприглядной истории, если бы у каждого солдата было по паре комплектов камуфлированного обмундирования для повседневной носки, да третий держался бы как парадно-выходной.

Нам в ответ на эти предложения говорили, что, дескать, мало промышленность выпускает камуфлированной ткани, не хватает ее пока. А откуда же добывают ее кооператоры, которые строчат из нее и брюки, и куртки по цене с двумя нулями?

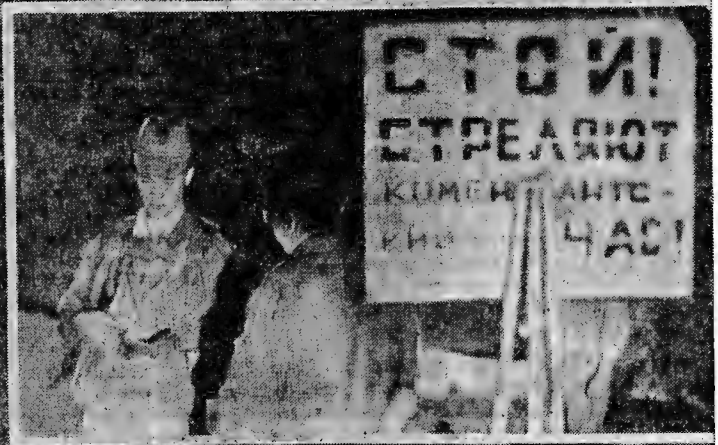
Есть вопросы и по вооружению спецназа. Если кратко сказать, то некоторые отряды боевиков, с которыми нам приходится «встречаться», оснащены новейшей радиоаппаратурой, оптикой, о которых мы только мечтаем. Почему?

Вопросы, вопросы, вопросы...

Почему решил поставить их на страницах войскового журнала? Узнал, что он наконец-то вышел к широкому читателю. Надеюсь, что увидит этот намер и люди, от которых зависит решение наших проблем. Пусть все увидят мой родной спецназ, какой он есть на самом деле, без камуфляжа.

Майор О. КОРЖИКОВ.

ГАРАНТЫ ЗАТИШЬЯ

К их присутствию здесь давно привыкли. Больше того: считают гарантией спокойного течения жизни. Озабоченно шагает мимо прохожий, о чем-то шепчет стайка школьников — и никакого внимания на «бэтэ-эры», вооруженных солдат со щитами. Не по своей воле они стали неотъемлемой частью будней карабахских городов и селений. Проверки на дорогах, операции по обезвреживанию боевых групп экстремистов... И — учеба, учеба.

Неизмеримы усилия внутренних войск по стабилизации обстановки в особом районе. Не трудно быть гарантом в одиночку.

Фото О. Смирнова.

ЧТОБ МНЕНИЕ БЫЛО СПРАВЕДЛИВО

«ЭТИ ВОЙСКА были подручными Ежова и Берия, а сегодня они охраняют зеков и отличаются не меньшей жестокостью». Такое мнение о нас и нашей службе сложилось у местного населения. И ладно бы только в поселках, где обосновалось много бывших осужденных; но ведь так поговаривали и в городе.

Причины понятны: какой журнал ни открой — везде Сталин, Берия и их страпы. Тут и у конвойника голова кругом пойдет. А гражданские... Ну откуда им знать, что наша часть существует уже около 70 лет, к репрессиям не причастна, участвовала в Великой Отечественной войне, что в историческом формуляре много примеров действительной помощи местному населению? С другой стороны, повода для упреков мы не давали.

Обидное мнение, а главное — несправедливое. Но оно отравляет отношения с местными жителями. А солдатам каково, если нет престижа службы?.. От такого не отмахнешься. И политотдел начал «танцевать» именно от этой «печки».

Наши офицеры побывали во многих партийных и комсомольских комитетах, встретились не только с первыми секретарями райкомов, но и с большинством их работников. Рассказали об истории конвойной стражи, о боевом пути части, нынешних задачах и проблемах, наладили обмен информацией.

Затем установили контакт с журналистами. Корреспондент местной газеты Т. Чернова «пролила слезы» над судьбой преступника, изувечившего человека. На ее статью «Стена» мы подготовили ответ под названием «Эмоции». Потом в газете появился фоторепортаж А. Низовцева «Неизвестные войска». Читательский интерес к этой теме подтвердили многочисленные письма в редакцию. Теперь под рубрикой «Мужество положено по штату» мы регулярно публикуем информацию из горячих точек и... наших караулов.

Для другой газеты мы подготовили статью «Погоны крапового цвета». Читатели впервые узнали о героизме воинов части при обороне города, об их вкладе в Победу, в возрождение разрушенного врагом городского хозяйства.

К политотдельцам подключился совет

секретарей комсомольских организаций, возглавляемый старшим лейтенантом В. Криштофом. В клуб части, в подразделения приходили воины-интернационалисты, ветераны, приглашенные активистами. Нескольким школам комсомольцы помогли провести военно-спортивные игры, организовали утренники для ребят из детского дома.

Однажды пригласили на вечер отдыха девчат из техникума советской торговли. В сценарий предусмотрели рассказ об истории части. Подготовили помещение, аппаратуру, накрыли столы, цветы раздобыли, чтобы вручить каждой гостье. А пришли... 11 девушек. Остальные решили отдохнуть на дискотеке. Несмотря на разочарование, вечер провели по полной программе. А когда через два месяца его повторили, зал уже не вмещал всех желающих попасть в солдатский клуб. Теперь такие вечера не редкость, трудно перечислить всех, кто на них побывал.

Приглашают и нас. В драматический театр, театр-студию «Диалог», на концерты рок-«звезд»; в части выступали молодые поэты, обладатель «Гран-при» Международного конкурса магов Н. Модин, ансамбли «Таусень» и «Феникс», заслуженная артистка РСФСР И. Нецина, народные театры. В нашем клубе давали концерты музыкальные школы, коллективы художественной самодеятельности города. Помимо того, что такие встречи помогают солдатам хорошо отдохнуть, снять психологическое напряжение, они позволяют гостям лучше узнать людей, несущих боевую службу, убедиться, что упреки в жестокости наших ребят — злонамеренный вымысел.

Традицией стало прохождение по улицам города в дни всенародных праздников. С Боевым Знаменем, с песней, под оркестр... Возлагаем венки к мемориалу на месте концлагеря, где фашисты уничтожили десятки тысяч советских граждан. А недавно участвовали в траурных церемониях при перезахоронении жертв войны, помогаем ухаживать за их могилами. Военную присягу воины принимают в залах музея Великой Отечественной войны. Как гравило, на таких мероприятиях всегда много гражданских людей, и за последнее время ни разу не слышал некорректных или провокационных высказываний в наш адрес.

На прошлых выборах у каждого нашего кандидата было от трех до одиннадцати соперников, причем отдельные не брезговали никакими методами. На стенах домов, заборах и в почтовых ящиках изо дня в день появлялись листовки: «Голосуйте против коммунистов, военных и аппаратчиков!» Но все кандидаты из нашей части стали народными депутатами Советов различных уровней. И это подтверждает — мы на правильном пути.

Майор С. ГИЕНКО,
начальник политотдела части,
народный депутат.

ВРЕМЯ РАССУДИТ, КТО ЕСТЬ КТО

Взяться за перо меня заставила кампания непрекращающихся нападок на партию, на Вооруженные Силы, внутренние войска.

Я в партии с мая 1974 года, вступал в нее не из каких-то корыстных соображений. Всегда считал и продолжю считать: если человек действительно хороший работник, болеет душой за дело, стремится сделать его по-настоящему — достигнет вершин и по службе, и в жизни безотнositельно, является он коммунистом или нет. Слушая же странннне рассуждения тех, кто выходит нынче из партии, гуманно мотивируя это понятиями типа «застой», «несбывшиеся надежды» и тому подобное, ничуть не сомневаюсь в том, что все их идеологические выкладки — обыкновенная ложь, как и обманчивыми были те слова, которые они писали в заявлениях, вступая в КПСС и рассчитывая при этом на высокие чины и должности. Не получились — это не они не справились, не они работали кое-как, в этом кто-то виноват, например, партия. Ату партию! И взносы платить не надо. Да, глядишь, в какую-нибудь организацию удастся пристроиться, где «вышел из КПСС» — главный пропуск для членства.

Меня просто коробит, когда некоторые «демократы» и в устных выступлениях, и через средства массовой информации любую страницу нашей истории пытаются преподнести как черную: революцию называют не иначе как переворотом, будто совершена она одними большевиками, а не народными массами; построение нового государства — системой обдурманивания людей...

Согласен, стремиться к полному прилавкам и хорошей жизни надо. Но не под флагом оголтелого экстремизма, не путем собственного унижения, презрения истории великой страны и великого народа.

Да, ошибки надо исправлять. Но трудом, работой, а не пустой болтовней и прямой клеветой, от которых ждать изобилия не приходится.

...У нас в части за последние два месяца в КПСС вступило четыре человека. Есть среди них и солдаты срочной службы. На партийном собрании смотрел на них и думал: «Эти не подведут!» Они не боялись ни криков, ни угроз, ни антикоммунисти-

ческой истерии. Эти парни наверняка будут истинными бойцами партии, потому что вступили в нее в трудное время и уж, безусловно, не для благ и привилегий. Не сомневаюсь, что таких будет больше и больше. Люди просто не могут не понять, что партия, решившаяся на перестройку, возглавившая борьбу за эту перестройку, нашедшая в себе силы признать ошибки и выработать программу их устранения, — это настоящая партия и за ней будущее.

Подполковник
С. ХАСЛАВСКИЙ,
заместитель командира
части по политической
части.

НА ОСОБОМ КОНТРОЛЕ

...А СТРАДАЮТ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ

Наше подразделение наряду с другими задачами выполняет службу по обеспечению выездных сессий Верховного суда Эстонии. Как известно, с осени 1990 года в республике подорожали в несколько раз продукты питания, а также повысились расценки за проживание в гостиницах. Так, очень скромный обед в столовой сейчас стоит примерно 2,5—3 рубля, а место в недорогой гостинице — не менее пяти рублей. Нам же, военнослужащим, оплата расхо-

дов по командировкам осуществляется исходя из действующих положений. Накладными оказываются для нас такие поездки. Где выход? Командование части конкретного ответа не дает. Нам говорят, мол, эта проблема должна решаться на правительственном уровне. Не спорим. Но ведь власть илущих кто-то должен подвести к та-ким выводам.

А. БЕЛОВ, Н. ГУК
и другие (всего
десять подписей).
г. Таллинн

РОЗЫСК ЗА СВОЙ СЧЕТ?

...По приказу капитана Бычeka я отправился на розыск бежавших осужденных на собственной машине. Со мной еще три прапорщика. «Намотал» полторы тысячи километров. Сжег 150 литров бензина. Из-за плохой дороги у машины вышли из строя

два колеса, раскололось лобовое стекло. Вернувшись из розыска, мы сдали командиру роты старшему лейтенанту Николаеву командировочное удостоверение, счета оплаты за проживание в гостинице, написали рапорта. Товарищи мои получили ко-

мандировочные, а я — нет. И, судя по всему, мне не собираются возмещать материальные потери.

Я человек семейный. Помимо жены, на иждивении еще двое детей. Поверьте, командировочные расходы здорово ударили по семейному карману.

Прапорщик
В. БАБУШКИН.

ОТ РЕДАКЦИИ. Не считая расходов на питание, жилье, встала командировка прапорщику Бабушкину не в одну сотню рублей (думается, товарищи финансисты знают, сколько стоят сегодня покрышка, лобовое стекло на черном рынке — в магазине их днем с огнем не сыщешь). Вместо того, чтобы спасибо ему сказать и постараться по возможности компенсировать понесенные убытки, человеком своевременно не выплачивают даже командировочные!

Получается, что добрая воля военнослужащих, во что бы то ни стало стремящихся быстрее и качественнее решить служебные задачи, наказуема материально? С этим вопросом мы обратились к офицеру финансового отдела ГУКВВ МВД СССР подполковнику Ф. Лихоманову и к начальнику службы розыска ГУКВВ МВД СССР полковнику А. Удинцеву.

Ну почему иные командиры так небрежно, бездушно относятся к своим подчиненным и их близким?! Вроде времена нынче другие, а у нас что-то перемен негусто в этом плане.

Взять недавний случай. Позвонила командиру батальона, в котором служит муж, чтобы, как говорится, поплакаться по поводу сложной ситуации, возникшей в нашей семье. В

НЕТ ОПРАВДАНИЯ БЕССЕРДЕЧИЮ

ответ — ни капли сочувствия, никакого желания выслушать и понять. А ведь обратиться к подполковнику В. Алешникову меня вынудили непростые обстоятельства. Представьте, двое ребятишек на ру-

ках, самой надо срочно ложиться в больницу, а мужа отправили в дальнюю и длительную командировку. И нет никого, кто бы помог...

Понимаю: служба есть служба, но нельзя же на нее все сваливать, ею прикрывать свое бессердечие. Надо бы и о людях не забывать, которые находятся в строю. И об их семьях.

М. МИХАЛЕВА.
г. Киров.

ОТ РЕДАКЦИИ. Как сообщил нам из Приволжского управления внутренних войск полковник В. Стецюк, факты, изложенные в письме жены офицера М. Михалевой, имели место. Подполковнику В. Алешникову указано на его бестактность и слабую индивидуально-воспитательную работу с военнослужащими и членами их семей.

ПОЛУЧЕН ОТВЕТ

«А ВОЗ И НЫНЕ ТАМ...» (1990, № 4)

В ответе из части отмечается, что критическая корреспонденция обсуждена на командовании и совещании политотдела, с личным составом подразделения, о котором шла речь в материале.

В настоящее время комплектованность роты составляет 100 процентов, что позволило упорядочить служебную нагрузку на военнослужащих, обеспечить полную отработку или программы боевой и политической подготовки.

В подразделении произведен ремонт инженерных средств охраны. Списана с

учета выслужившая установленные сроки постова одежда, взамен выдана новая. Решены и другие затрагиваемые в корреспонденции проблемы.

Отраден и результат проделанной работы: по итогам служебно-боевой деятельности подразделения капитана С. Каранетова занимает сейчас передовое место в части.

Подполковник Ф. ЛИХОМАНОВ:

При отсутствии счетов и норм оплаты, как и в случае использования личного транспорта в служебных целях, расходы по оплате средств передвижения возмещаются в размере 1,5 копейки за каждый километр пути. Оплата расходов производится при условии, что использование личного транспорта в служебных целях оговорено в приказе по части, а в командировочном удостоверении имеются отметки о пребывании в пунктах командировки (для определения километража). Если эти условия были соблюдены, то воинская часть обязана возместить понесенные прапорщиком Бабушкиным расходы согласно приведенным выше нормам.

Полковник А. УДИНЦЕВ:

Случай с прапорщиком Бабушкиным не единичный. Побег — это большая беда, большие неприятности. Вот почему для его пресечения командиры и начальники используют все средства, в том числе личный транспорт своих подчиненных. Если «частник» сопротивляется, то его начинают совестить, дескать, тут такое дело, а тебе своей машины жалко. Сулят золотые горы: «Мы тебе резину доставим!.. Двигатель переберем!..» А когда вернувшийся из розыска на потрепанном автомобиле военнотранспортный предъявляет счет, от него все отворачиваются: это твои трудности!

Большинству подразделений розыска войск автотранспорт не положен по штатам. Быстро и оперативно пресечь побег собственными силами они просто не имеют возможности. А чем дальше уходят беглецы, тем дороже обходятся государству их поиск и задержание.

Возникает вопрос: не проще ли государству в данной ситуации «арендовать» автомобиль военнотранспортный, гарантируя им разумную оплату, и тем самым избежать в дальнейшем гораздо больших затрат на проведение широкомасштабных мероприятий по розыску бежавших преступников? Кстати, сотрудникам милиции компенсация за использование личных транспортных средств в служебных целях предусмотрена приказом министра внутренних дел СССР № 167 от 1 августа 1988 года. А почему бы не распространить его действие на военнотранспортных внутренних войск?

Пока этот вопрос остается открытым, хотелось бы посоветовать командирам и начальникам, которые пользуются услугами подчиненных, относиться к ним хотя бы с чувством благодарности, помогать по возможности в решении их автопроблем.

СО ВЗВОДОМ ЗАНИМАТЬСЯ НЕКОГДА

Я — молодой офицер, всего второй год как закончил училище. Конечно, хочется побыстрее заработать добрую репутацию. И как будто поначалу что-то даже получалось. Но вот уж несколько месяцев у нас в подразделении сложилась такая обстановка — просто руки опускаются. Из-за того, что от нас переведены два прапорщика, а также из-за некомплекта

офицеров мы превратились в штатных начальников караулов, дежурных, ответственных по батальону. Несем службу, как говорится, через день на режим, а заниматься обучением и воспитанием личного состава взвода у меня, например, практически нет возможности. Да и не только у меня. Тот же командир роты капитан Чарков, случалось, по двое су-

ток подряд не мог сменить со службы... О выходных днях мы уже и не вспоминаем. В семьях из-за чрезмерных служебных нагрузок мы стали редкими гостями.

Очень хочется, чтобы это письмо появилось в журнале и его прочли наши старшие начальники. Может быть, хоть тогда что-то изменится. Пока же нас только упрекают в упущениях, недоработках, не вникая в то, а как и когда их устранять.

Лейтенант С. ЩЕРБИНА.

ОТ РЕДАКЦИИ. Письмо лейтенанта С. Щербины мы попросили проверить на месте. Из полученного из управления внутренних войск по Северо-Западу и Прибалтике ответа выяснилось, что молодой офицер ничуть не сгустил краски. В настоящее время укомплектована вакантная должность командира взвода в роте, отмечено распоряжение командира части о назначении начальниками караула только офицеров. В график несения боевой службы включены офицеры управления батальона. Усилен контроль со стороны штаба соединения и части за служебной нагрузкой офицеров и прапорщиков подразделений.

**Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»**

ТАК НЕУЖЕЛИ рэкет в училищных стенах? Мыслимо ли это? И вообще: четыре года хлебать из одного котла, спать бок о бок, зубрить одни и те же учебники и уставы, а в один прекрасный день...

Но старший помощник военного прокурора Пермского гарнизона капитан юстиции Николай Николаевич Сеножатский, видимо, по роду службы разучился многому удивляться. Он не стал повторять даже ту расхожую ныне истину, что армия—сколок общества и никакой высокой забор не спасает от заразы, мучающей его. Сеножатский просто протянул объемистый том уголовного дела. А оно гласило, что старшекурсники А. Тряслин, С. Колосов, Г. Каширский, И. Гавренков и К. Каминов (фамилии изменены редакцией.— Е. А.) в сентябре—ноябре 1989 года встали на путь вымогательства денег у своих сослуживцев». Вышел на этот факт замполит батальона подполковник В. Потопальский перед самым новым, 1990 годом. Вышел случайно, когда в одном из подразделений шли поиски невесты куда запропастившихся джинсов курсанта Должикова.

Три дня вместе с комбатом — подполковником А. Семеновым Потопальский «не вылезал из батальона, раскручивая ниточку», приведшую сначала к Тряслину, Гавренкову и Каминову. Как и положено, обо всем доложили по команде. Заместитель начальника училища полковник Г. Фоменко провел служебное расследование, в ходе которого стали фигурировать 140 неправедных рублей, перекочевавших к «троечке» из карманов сокурсников. 25 января начальник училища полковник В. Захарченко постановил возбудить уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 148, ч. 2 УК РСФСР. Три месяца — день в день велось оно Сеножатским.

Я думаю, нет надобности в подробном изложении фактов, открывшихся ему, и останавлиюсь лишь на некоторых, кстати, фигурирующих в итоговом документе — постановлении. Они проливают свет на ход

событий и «методику действий» вымогателей.

■ Как показал потерпевший курсант С. Калиниченко, и это подтвердили свидетели, 19 сентября 1989 г. Тряслин в компании с Гавренковым и Каминовым ударил его кулаком в солнечное сплетение и, угрожая последующей физической расправой, потребовал платить ежемесячно по 30 рублей. Основанием для того Тряслин посчитал «излишнюю требовательность», которую проявил к нему Калиниченко еще на первом курсе, будучи замкомвзвода. «Выплаты» продолжались три месяца. И лишь в январе, когда командование училища узнало о вымогательстве, Гавренковым были возвращены 90 рублей.

■ 18 ноября 1989 г. Тряслин потребовал от курсанта Сантаева 50 рублей во искупление обиды, нанесенной его другу Кульбякову, с которым Сантаев накануне подрался. Боясь расправы, и не только от Тряслина, но и его городских дружков (поскольку тот родом из Перми), Сантаев «выплатил указанный должок». А в январе, когда все всплыло наружу, Тряслин сам вернул ему деньги.

■ Свидетель майор А. Надымов, офицер особого отдела КГБ, свидетельствовал, что в конце ноября 1989 г. к нему обратился курсант О. Анисов с заявлением, что его «рэкетируют», и попросил «охранную грамоту» от вымогателей во главе с сержантом Колосовым. Сам же Анисов в ходе следствия заявил, что Колосов, Тряслин и Каширский 27 ноября, предъявив ему обвинение в «несуществующих обидах», нанесли несколько ударов по телу и потребовали «сотню» во избежание дальнейшей расправы.

В ходе следствия было установлено, что в действиях Тряслина, Колосова и Каширского содержатся признаки преступления, предусмотренного ст. 148, ч. 2 УК РСФСР. Однако...

Однако дело до военного трибунала не дошло. А причин тому мне немало перечислили в прокуратуре. Тут и откровенное нежелание с самого начала руководства ПВВКУ придавать случившемуся широкую

81

огласку. И активность родителей, прежде всего матери Тряслина, работавшей в училище. И давление на потерпевших: уже к 11 февраля на столе у следователя лежали все три, похобие, как близнецы, заявления о том, что я — такой-то, претензий к такому-то и такому-то не имею...

«А ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ!» — спросите вы.
 «У меня не было оснований отчислять их из училища»; — говорит полковник В. Захарченко.

Бесполезное это занятие — искать в словах Владимира Алексеевича отзвуки «новой эпохи», наступившей в жизни внутренних войск. Да, цена на офицера, и особенно молодого, стала стремительно повышаться (чего по-прежнему не скажешь о росте его материального благополучия и улучшении жилищно-бытовых условий). Сокращение конвойных частей сменилось увеличением оперативных. Да и общество, выпустив на свободу добрую половину осужденных во времена застоя, постепенно трезвеет, чувствуя уже не только беспокойство, но и усталость, одышку на чересчур круто поднимающейся лестнице преступности. Вот только дает ли это основание начальнику училища провозгласить «доморощенных рэкетиров» в лейтенанты?

— У меня нет права отчислять старшекурсников, — поясняет Захарченко. — Хотя, если бы мы ходатайствовали перед командующим, наверняка так бы и случилось...

Но пока следствие тянулось, училище инспектировалось, мать Тряслина сражалась в Перми и Москве за судьбу сына, более месяца томившегося в СИЗО; Владимир Алексеевич все больше утверждался в мысли, а не оставить ли право окончательного решения судьбы проштрафившейся компании за председателем Государственной экзаменационной комиссии — полковником Михаилом Семеновичем Миной, тем более что тот участвовал в инспектировании и знал детально обо всем случившемся? Надо сказать, что полковник Захарченко преуспел в своем намерении. По крайней мере к госэкзаменам были представлены все старшекурсники, включая заворовавшегося В. Соромотина и упорно, с февраля, добивавшегося отчисления С. Дрозда. Ученый совет училища, собравшись 6 июня; апеллировал уже не к нему, а к председателю ГЭК о недопуске Тряслина, Колосова и Гавренкова к сдаче экзаменов. Да и сам Владимир Алексеевич, видимо, почувствовал полное моральное право на заседании ГЭК со всей принципиальностью потребовать «не допускать Колосова к госэкзаменам как организатора преступления».

КОГДА мы вышли на факты вымогательства, — рассказывает подполковник Александр Николаевич Семенов, — и мысли не было, что кто-то из «рэкетиров» продолжит учебу,

а не то что дойдет до «госов», и уж тем более наденет лейтенантские погоны.

— С себя вины мы не снимаем и зараннее знали с комбатом, что окажемся «стрелочниками», — дополняет подполковник Василий Николаевич Потопальский. — И все же мы стояли до конца на своем: Гавренкову, Колосову; Тряслину не место в войсках. И на ученом совете, и на заседании ГЭК. Ими отстаивали это мнение. И ведь что интересно — нас везде поддерживали!

Батальонный политработник не оговорился. Как и на ученом совете училища, на заседании ГЭК было принято решение заслушать каждого курсанта, отрицательно характеризующегося Семеновым. И не просто проявляющего недисциплинированность, а и не желающего делать выводов из собственных проступков. Вот давайте послушаем.

Из вопросов И. Гавренкову.

— Как вы могли устроить драку после пьянки, находясь под следствием?

— Начали драку не мы.

— Кто еще участвовал в ней?

— Курсанты Погорелый и Кондратьев.

Вопрос Семенову: «Почему не возбуждено уголовное дело по факту хулиганства в пьяном виде?»

— Не было заявления от потерпевших.

Результат голосования о недопуске курсанта Гавренкова к госэкзаменам: за — 16, против — 4, воздержавшихся нет.

Затем перед высокой комиссией предстали Колосов, совершивший накануне самовольную отлучку, и Тряслин.

Из вопросов к Тряслину.

— Расскажите, за что вы ударили сержанта?

Надо заметить, что «ударили» звучит несколько неточно, ибо 13 апреля 1988 года около 22 часов второкурник А. Тряслин в столовой училища, вступив в конфликт с дежурным по столовой старшекурсником сержантом М. Городиловым, нанес ему удар кулаком, в результате которого «произошел перелом нижней челюсти без смещения отломков». В действиях Тряслина усматривались признаки состава преступления, предусмотренные ст. 112, ч. 1 УК РСФСР. Однако и на этот раз уголовное дело было прекращено «за отсутствием жалобы потерпевшего».

Но откуда было знать эти подробности съехавшимся в Пермь членам ГЭК, если в самом училище постарались поскорее забыть суть происшествия: пункт приказа, отчислявшего Тряслина по недисциплинированности, отменили как нереализованный, а его, «полностью осознавшего свой поступок» (1), «за физическое оскорбление сослуживца» (2) было решено наказать правдами командира батальона. Дальнейшее мы теперь знаем. И, как считает Сеножатский, уже тогда, в 88-м, командование училища предопределило нынешние события. Ведь почему спасовал перед вымогателем Калиниченко? Да потому, что прекрасно помнил случай в столовой и понимал,

что у Тряслина — перворазрядника по боксу и гиревому двоеборью — не в пример другим слово не расходится с делом.

Члены ГЭК 12 голосами против 7 при 2 воздержавшихся проголосовали за недопущение курсанта Тряслина к госэкзаменам.

Казалось бы, ну теперь-то все наконец станет на свои места. Ан нет! Председатель экзаменационной комиссии принимает иное решение. Но что открылось ему за эти два дня, отделиющих заседание ГЭК от начала экзаменов? Какие мощные контраргументы способны были перечеркнуть и доводы следствия, и коллективное мнение коллег, их служебный и житейский опыт?

Вопросы, вопросы. От полковника М. Мины я ничего вразумительного на этот счет не услышал.

— А мне кажется, что эти-то как раз

служить будут! — заметил полковник Захарченко.

Владимира Алексеевича я хорошо понимаю. Убыли к месту назначения вновь испеченные лейтенанты. Не успела улечься дорожная пыль, посыпались рапорты с требованиями увольнения. Четырнадцать «отказников» преподнесло ПВВКУ к середине сентября. На этом фоне «рэкетиры» несколько померкли, отошли на второй план. Ну а известно, что Колосов попросился в самую глухую точку на самый отстоящий взвод и вообще тронуло душу начальника училища.

Что же, как говорится, поживем — увидим. Но вы там, в части, мозгите, чем помочь лейтенанту Тряслину, который, по словам замполита батальона, «не умеет по-хорошему выходить из конфликтных ситуаций».

Подполковник Е. АРТЮХОВ.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

Вот уже год я регулярно читаю войсковой журнал и особенно статьи о «дедовщине», как борются с ней в разных частях. Я на себе испытал «прелести» неуставных взаимоотношений и считаю, что могу вынести и свое суждение на сей предмет. И все же оттолкнувшись от статьи «Зовите солдата на вы», опубликованной у вас в прошлом году. В этом, на мой взгляд, очень трезвом материале я наткнулся на фразу, смысл которой достаточно странен в устах офицера. Как так, дескать, «хилый дед» избил нескольких своих здоровенных сослуживцев, а они и отпора не дали?

Но послушайте, а как они могли дать сдачи, если за спиной у старослужащего целая братия ему подобных и богатый «опыт» борьбы с непокорными? Ведь он, как правило, активист, отличник, его хорошо знают командиры, они куда скорее поверят этому «герою», чем молодому, особенно если не осталось следов побоев. А даже если и остались. Почему новобранец говорит, что это, мол, бытовые травмы: случайно поскользнулся, упал, ударился и т. п.? Догадаться нетрудно: из опасения за свою дальнейшую судьбу. Ведь чего в лучшем случае добьется

НО КАК ДАШЬ СДАЧИ?

«правдолюбец»? Что обидчика отправят в соседнюю роту. Он найдет, как свети счеты. А самому пострадавшему к тому же будет уготована незавидная участь: до демобилизации будет слыть «стукачом», «кукушкой» и т. п.

Помнится, как-то и я сам честно доложил об увиденной драке. Вскоре пришлось пожалеть об этом: командир взвода не только не наказал виновных, но и в беседе с ними сообщил, кто «донес». Что было потом — представить несложно. Бесконечные унижения и оскорбления меня доводили до отчаяния, а помощи ждать было неоткуда.

По бесправью солдата невозможно ни с кем сравнить. А вы пишете, что, мол, будем искоренять «дедовщину» активной комсомольской работой. Да не комсомольской работой ее надо изводить, а введением Закона о правах и достоинстве военнослужащего. В нем должны быть, по моему мнению, статьи

об охране здоровья солдат, об особой ответственности за это командиров и начальников. О льготах тем, кто охраняет вредные производства. А то ведь что получается: вред для здоровья одинаков, но рабочий получает спецаек, массу льгот, а солдату — шиш! Надо узаконить такой порядок: солдат, доживший о правонарушении, должен обязательно переводиться в другую часть, чтобы месть и оговор не достали его. Нужно смелее оставлять людей служить на родине, где бы они были на виду у земляков. А то ведь служит ни шапка ни валко, а дождь едет героем. Ну и главное: в числе самых первых и неотложных мер, думаю, надо повлиять в законодательном порядке на повышение культурного уровня командиров. Не знаю, как где, но у наших мат стал почти неотъемлемой частью лексикона и столь же почитаем, как уставные положения. Его не стесняются употреблять даже перед строем.

Знаю, что анонимки сейчас не рассматриваются, даю редакции полный адрес и настоящее имя. Для всех других

Рядовой В.
Управление внутренних войск по Западной Сибири.

ДЕЛЬЦЕ было совсем не из легких: нащупать уязвимые места внутренних войск Советов. Потому-то обстригать его поручили не кому-либо, а самому Джеймсу Бонду, знаменитому агенту экстра-класса 007. Шеф, не скрывая озабоченности, уголком рта, не занятым толстой гаванской сигарой, проговорил: — Джо, мальчик мой, десять против одного, что тебе предстоит изрядно попотеть. Это не пустяковый военный переворот со сменой режима, все куда серьезнее и запутаннее. Центр располагает надежными сведениями, что на парнях из ВВ у Советов теперь держится почти все — даже русский парламент свалил на их плечи заботы по поддержанию нерушимости дружбы народов. Не исключено, что позднее на них свалит и все остальное. Но сдается мне, что там никто, кроме самих ВВ, толком не знает, чем они занимаются. Так что пораскинь мозгами, старина.

Усердный до глупости Джеймс немедленно пораскинул тем, чем было велено. Без остатка. Впрочем, на это много времени не понадобилось. Голова стала пустой, как мячик для пинг-понга. С трудом собрав воедино разбросанное, агент недосчитался верной трети. Зато перед ним замаячили реальные источники информации. Можно втереться в доверие к водителю командира воинской части — он знает то же, что и его патрон. И еще чуток сверху. А можно обаять машинисток управления — через них проходят ценнейшие данные, трансформируясь порой в бесценные слухи.

Увы, видимо, сказалось отсутствие раскиданной трети, но главный консультант Центра по проблемам России не одобрил планы агента: на водителя командира надо еще угадать — он скорее всего в отпуске, а дело не терпит отлагательств. Странные они, эти русские военные, посетовав консультант, у них чаще в отпуске ездит тот, кто ездит, вернее, возит.

А кто стоит — стоит дальше. А может, и правильно, чего зря людей от дела отрывать?

И машинисток вряд ли подкупишь. Не потому, что они сплошь агенты КГБ и не продаются. Просто любой презент, доставленный из Соединенных Штатов, выдает Бонда с головой — шпион. На месте же ничего подходящего не достать — перестройка.

Но Джеймс не пал духом и навел справки: в войсках время от времени формируются так называемые комплексные группы, которые дено и ношно ищут слабые места в боевых порядках. Массы военачальников, словно татаро-монгольская орда, наваливается на воинскую часть в лихорадочном, всеокрушающем поиске изъянов, ломая привычный уклад жизни. Русские почему-то называют это «оказанием практической помощи». Выявленное тщательно учитывается, суммируется, подшивается и хранится. Выходит, дело за малым — раздобыть итоговые документы комплексных групп, что для такого профессионала, как Бонд, раз плюнуть.

И Джеймс плюнул, выбрав сердце России — Урал. Причем весьма удачно. Вскоре превосходные фотокопии со свежайших справок лежали перед ним в уютном офисе на пятой авеню. Заранее предвкусная солидный гонорар и пленительный уик-энд с очаровательной красоткой Лу на Гавайях, агент 007 приступил к изучению бумаг.

Глубокой ночью, дожевывая с кетчупом четвертую сигару и прикуривая сосиску, купленную для конспирации у кооператоров в Шереметьево, он понял, что пролетает над Гавайями, как это будет по-русски, будто фанера над Воронежем. Документы ни в какую дешифровке не поддавались. Хоть ты лопни. Универсальный код? Эзопов язык? Или какая-то страшная военная тайна?!

«Командование не извлекло должных уроков и выводов из провалов...» Тарабарщина и только. Откуда в провалах уроки? И что значит — «должных»? «Штаб не оказывает в должной мере практическую помощь в организации и проведении ремонтно-восстановительных работ», — морщил лоб Бонд над очередной справкой, утвержденной высшим руководством УВВ на Урале и оставленной для исполнения в части офицера Коитаренко. Что за мера такая — «должная»? Должная кому? И какую помощь, если не практическую, оказывает штаб?

«Организация службы войск и руководство ею уделяется недостаточно внимания... Недостаточно внимание уделяется обучению сержантов, офицеров... Боевая подготовка недостаточно эффективно влияет на качество несения боевой службы... Некоторые офицеры недостаточно эффективно привлекаются к работе по укреплению воинской дисциплины... Командование недостаточно активно ор-

ганизует работу подчиненных офицеров по выполнению требований руководящих приказов и распоряжений», — прочитал он в следующей справке, в сердцах затушил недокуренную сосиску в хрустальной пепельнице и, следуя приобретенной в России привычке, не выбросил «бычок», а спрятал в карман. «Недостаточно» — это сколько? Бокал с виски хрустнул в железной руке агента. Он прекрасно видел разницу эффективности и активности от их антиподов, понимал, в чем суть внимания. Но что означает на практике это загадочное, непереносное, атрибутивное приложение — «недостаточно»? Если эти парни «недостаточно эффективно привлекаются» (опять же — кем?) к работе по укреплению дисциплины, укрепляют они ее или нет? Непостижимо и то, что справка постоянно напоминает о необходимости выполнения приказов министра, командующего, других боссов! Джеймс знал, если приказ получен — его надо исполнять, это закон любой армии. К чему особые справки, обязывающие делать это?

«Стиль работы офицеров тыла требует коренного изменения в подходе к учету материальных ценностей» (!). Бонд перечитал эту фразу трижды, но это ни на йоту не приблизило его к пониманию того, что и каким манером следует менять в корне: стиль, работу, подход или учет? От кого и что вообще требует этот не в меру активный стиль? Ага, вот тут вроде бы немного яснее. Оказывается: «Коренного перелома в стиле, формах и методах работы офицеров... в сторону их улучшения пока не наступило». Главное, не потерять эту слабую ниточку, чтобы, держась за нее, выбраться, наконец, из лабиринта пространных указаний, — напомнил себе Джеймс. Выходит, русские в ожидании какого-то «коренного перелома»? В этом, видимо, и таится ключ к разгадке. Причем характерно, что ломать собираются не лишь бы как, по извечной российской привычке, а исключительно «в сторону улучшения». Осталось разобраться; что ломать? Что? «Отсутствует надлежащий контроль со стороны управления части за состоянием ИТСО...» Вот оно что, значит, управление — «в стороне!» Не в эту ли сторону и собираются ломать русские? «Не принято надлежащих мер к хранению вооружения и боеприпасов». Так хранят они боеприпасы; черт возьми, или нет?! И чем «должные» меры отличаются от «надлежащих»?

Дрожаящая рука агента потянулась к телефону.

— Шеф! — гаркнул он в трубку. — Срочно бригаду дешифровщиков потолкovej!

— Ты пьян, Джо? Во всем Центре нет тебе равных в этой казуистике!

— Особый случай, шеф, особый случай...

Спустя полчаса дюжина умников-очкариков разместились в офисе Бонда в ожи-

83

дании инструкций. Сам агент 007 к этому времени представлял довольно жидкое зрелище: волосы дыбом, галстук съехал набок; растегнутая рубашка обнажила мощный торс. Потряса листками в воздухе, он кричал, срываясь на фальдет:

— Вы только послушайте, джентльмены: «Обеспечить разработку и выполнение планов подготовки учебных сборов; приема молодого пополнения и увольнения в запас военнослужащих; качество обучения молодого пополнения и работу по вводу его в боевую службу, исключение ошибок и недостатков...» Насколько я смыслю в делах армейских, а я, смею вас заверить, кое-что смыслю, это то же самое, что издать приказ по Центру, обязывающий всех сотрудников ежедневно есть; пить и.е. Словом, кто раскрутит эту беляберду — ящик виски.

Дешифровщики дружно сглотнули и изумленно переглянулись.

— Простите, сэр, — робко начал лысый тип с рыбьими глазами и в ковбойском пиджаке, — хватает ли русский планов?

— Более чем, — махнул рукой Бонд. — И что они делают с ними — выполняют?

— Случается...

— Или обеспечивают?

Джеймс взорвался:

— Так выполняют или обеспечивают? И если не записать русским парням, чтобы работали качественно — будут дурака валять? И еще — что значит «обеспечить... исключение ошибок и недостатков»?

— Надо полагать, сэр, боссы из ВВ не рассчитывают на исключение самих ошибок. Они надеются лишь обеспечить исключение, — неуверенно предположил лысый.

— Пока вы не заработали и глотка кока-колы. Ладно, читаю третью справку: «Обеспечить ежемесячный контроль за ходом проведения занятий и полнотой охвата ими военнослужащих...»

— Полнотой чего, сэр? — переспросил толстяк, сидевший с краю.

— Охвата, джентльмены, охвата. Ими. Спрашиваю: что намерены обеспечить русские — ход занятий, их проведение (кстати, чем одно от другого отличается?) или сами занятия? Контроль им важен, черт возьми, или его пресловутое обеспечение?

— Уж во всяком случае не занятия, — подал голос рябой малый. — Насколько я знаю русских, главное — контроль. Они только этим и занимаются.

— Они больше ничем и не могут себя обеспечить, сэр, — подтвердил лысый. — Только контролем.

— А может быть, до сего времени их контроль был необеспеченным? — подал новую гдею рябой.

— Ну, хорошо, джентльмены. А как вы объясните вот это: «При планирова-

нии комплексных и целевых выездов предусматривать в служебных заданиях офицерам управлений конкретную работу по вопросам обучения личного состава. Срок исполнения — постоянно?»

— Что ж, срок вполне конкретный, — хмыкнул лысый. Но под взглядом агента осекся и доложил свою версию. — Скорее всего раньше задания предусматривали неконкретную, общую работу по незначительным, пустяковым вопросам. А теперь, после вмешательства, как это будет по-русски, комплексной группы, решили работать конкретно.

Бонд молча потянулся к револьверу, лежавшему на столе, — дешифровщиков как ветром сдуло. Агент 007 понимал: ответственное задание Центра под угрозой срыва, если уже не сорвано. Такого еще не бывало. Эти русские явно предвидели вмешательство иностранных разведок и изрядно поднапустили туману в свои многочисленные досье. Не исключено, что комплексные группы имеют устойчивое секретное указание составлять именно такие справки, чтобы вводить в заблуждение непрощенных гостей из-за кордона на Урал. И не только на Урал. Тогда им просто цены нет.

Ему вдруг стало мучительно жаль тех парней, которым приходится крутиться, выполняя эти сумбурные инструкции и распоряжения. Но тут же жалость сменилась не менее мучительной завистью. Он отчетливо представил, как вольготно жилось бы ему на таких хлебах. Вот недавно, к примеру, шеф озадачил: летя в республику Юмба-Мумба и заложив динамит под водонапорную башню на дворцовой площади. Поехал и стер башню с лица земли. А скажи ему шеф: прими надлежащие меры по активному обеспечению недостаточно эффективной организации поступления на должный уровень напора воды в одной из республик африканского континента — башня бы и поныне стояла, цела-целехонька. Что совершенно невозможно было бы проверить — еще один очевидный плюс...

Телефонный звонок вернул его из мира грёз к суровой капиталистической яви:

— Как дела, Джо? — услышал он голос шефа.

Гавайи неумолимо и безнадежно таяли в горькой дымке разочарования. Вместе с красоткой Лу. И тут Бонда осенило:

— Порядок. Предложите Центру срочно взять на вооружение опыт русских боссов из ВВ. Нам позарез нужны комплексные группы, и чтоб сочиняли такие же справки. Это непростое постичь, но игра стоит свеч — общитим с экономим на контрразведке. Пусть тогда агентура Советов подомает себе голову.

— Неплохо, старина, совсем неплохо... Сквозь расплывшуюся дымку явно проступали Гавайи.

Майор А. УШАР

ОДИССЕЯ ГЕОРГИЯ ИВАЩЕНКО

ПОЛВЕКА НАЗАД ОФИЦЕР ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ ИВАЩЕНКО СПАС БОЕВОЕ ЗНАМЯ ПОЛКА. ЕГО ИМЯ ВОШЛО В ИСТОРИЮ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК.

ПОДРОБНОСТЕЙ ПОДВИГА МНОГИЕ ГОДЫ ТАК И НЕ УДАВАЛОСЬ УСТАНОВИТЬ.

ПЕРВАЯ ДОБРАЯ ВЕСТЬ ПРИШЛА ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СОВЕТСКОЙ АРМИИ. В СПРАВКЕ ВОСПРОИЗВОДИЛАСЬ ЗАПИСЬ ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМУЛЯРА ПОЛКА:

«11 НОЯБРЯ 1941 ГОДА КАПЕЛЬМЕЙСТЕР ПОЛКА ИНТЕНДАНТ III РАНГА ИВАЩЕНКО ДОСТАВИЛ В ШТАБ ПОЛКА ЗНАМЯ ЧАСТИ С НАДПИСЬЮ: «3 МОТОСТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК ВНУТРЕННИХ ВОЙСК НКВД».

ПОЗДНЕЕ Я УЗНАЛ, ЧТО ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖИВЕТ В УФЕ, ПРЕПОДАЕТ В МУЗЫКАЛЬНОМ УЧИЛИЩЕ.

«ДА, Я ТОТ САМЫЙ ДИРИЖЕР ИВАЩЕНКО», — ОТВЕТИЛ НА МОЕ ПИСЬМО ВЕТЕРАН.

...Рано встал в строй защитников молодой Советской республики сын потомственного музыканта, участника трех войн, отдавшего военным оркестрам полвека своей жизни. В огневом 1918-м Георгий был зачислен воспитанником второго флотского Балтийского экипажа в Петрограде. Спустя год его назначили сигнальником 1-го Киргизского кавалерийского полка.

В 1924 году Георгий поступил в Саратовскую консерваторию, успешно ее окончил. И вновь потянуло в армейский строй. Был басмачей. Стал военным дирижером.

Несколько подразделений 3-го моторострелкового полка войск НКВД заняли оборону на юго-западной окраине Вильнюса. Они отбивали яростные атаки гитлеровцев, истребляли мелкие группы парашютистов. В июле—августе воины стойко обороняли Порхов, Дно, вели бои в районе Демянска.

Тяжелые испытания выпали на долю первого батальона и оркестра, сменившего музыкальные инструменты на оружие. Под бомбежками и обстрелами музыканты несли патрульную службу, охраняли важные объекты, вылавливали вражеских лазутчиков и диверсантов. Когда осколком снаряда смертельно ранило комбата, во главе батальона стал дирижер оркестра Г. Иващенко. Он руководил нарядами, заботился о раненых, подбадривал уставших, показывал им пример мужества.

После оборонительных боев наши войска оставляли Таллинн. В числе последних подразделений к порту отошел батальон полка. Вечером 31 августа транспортное судно № 864 под минометным обстрелом принимало личный состав. Иващенко внес в трюм зачехленное Знамя части и выставил возле него часового.

На рассвете 1 сентября судно вместе с другими транспортными кораблями взяло курс на Кронштадт. Не прошел караван и несколько миль, как враг открыл с берега артиллерийский огонь. Снаряды разрывались неподалеку от кораблей. В небе появились фашистские самолеты.

— По стервятникам огонь! — подал команду Иващенко.

Он появлялся с рупором то на корме, то на палубе, управляя залповым огнем. Вот задымился один вражеский самолет, потом второй. Это ободрило красноармейцев, и они усилили огонь из станковых пулеметов и винтовок.

И все-таки силы были явно неравны.

На судно № 864 было совершено двадцать пять налетов. От разрывов бомб вода вокруг кипела. Последний налет был роковым. Судно стало медленно погружаться в воду.

Из писем Иващенко, из архивных документов я узнал, какая трагедия произошла в заливе. Но об этом хотелось услышать рассказ самого героя.

Как-то Георгий Николаевич приехал в Ленинград на встречу с ветеранами-однополчанами. Это был человек невысокого роста, коренастый, с волевым лицом, с ежиком поседевших волос. Заметно волнуясь, он рассказывал о восьми страшных часах, проведенных со Знаменем среди морских волн.

— Когда судно накренилось, моя первая мысль была о Знамени. Спустившись в трюм, я снял его с древка, обмотал вокруг себя, крепко затянулся поясным ремнем и выбрался на палубу. А там уже вода. Прыгаю в море, быстро отплываю метров на двадцать. В этот момент раздался взрыв, и наше судно стало тонуть. Волна швырнула ко мне двухметровую доску. Я ухватился за нее и поплыл.

Заштормило. Меня стало мутить, в ушах звенело. Чувствую, что ноги и руки отекают. Не скрою, отчаяние охватило душу. Но ведь со мной было Знамя! Погибнет оно — прервется жизнь полка. Разве можно это допустить! И я приказал себе: держаться, держаться!

Стужались сумерки. Становилось все холоднее. У меня, как говорится, не попадал зуб на зуб. Неожиданно увидел вдали рыболовную шхуну. Быть может, мне показало? Нет, она приближалась. Пытаюсь кричать, но голос тонет в шуме волн. С трудом достаю из заднего кармана пистолет, даю несколько выстрелов.

На шхуне услышали, подошли ко мне и сбросили канат. Но я настолько обессилел, что не в состоянии был за него ухватиться. К тому же левую руку свела судорога: не мог освободиться от пробитой пулями доски. Со шхуны по канату спустился человек и обмотал мое туловище веревкой. Меня подняли. Так после восьмичасового плавания в море я очутился на твердой палубе. Просто не верилось.

На сердце стало легче: появилась надежда на спасение Знамени. Но чувствовал себя очень плохо, лежал пластом. Несмотря на страшную усталость, уснуть не мог. Рядом со мной сидели подобранные ранее краснофлотцы. Они молча снимали с бескозырок ленточки с надписью «Эсминец «Минск». Один из матросов сообщил, что рыбаки ведут себя подозрительно. Судно явно плывет к берегам Финляндии. Опять стал тревожиться за полковое Знамя. Что делать? Шепнул морякам: «Надо взять шхуну в свои руки и идти на Кронштадт».

Богатырского роста моряк бросился к штурвалу. Краснофлотцы взяли рыбаков под охрану.

Теперь судно держало курс на восток. Плыли медленно: боялись подорваться на mine. Но все-таки наскочили на подводные камни.

Остановились. В сером рассвете увидели остров с маяком. На шлюпке матросы отравились в разведку. Тревожные минуты ожидания: свои или фашисты? До нашего слуха донесся оклик на русском языке. Это был остров Сескар, гарнизон которого

стойко отражал атаки противника с моря и с воздуха.

Вскоре нашу шхуну сняли с камней и отбуксировали к берегу. В ее трюме обнаружили хлеб, сало, галеты, шоколад, спирт. Подозрения оправдались: «рыбаки» хотели передать нас фашистам.

Я чувствовал себя совсем плохо. Поднялась температура, ноги опухли. Мне оказали первую медицинскую помощь. Краснофлотцы целый день отражали вражеские атаки. Под покровом ночи вместе с другими меня доставили на катере в Кронштадт, а затем — в Ленинград, в штаб охраны войскового тыла фронта. Там я сдал Знамя и печать полка. Положили в госпиталь с тяжелой контузией и двусторонним воспалением легких. И все же чувствовал облегчение от сознания того, что полковая святиня спасена...

Без малого два месяца шла борьба за жизнь Г. Н. Иващенко. Все это время офицера беспокоила судьба родной части. В конце октября Георгия Николаевича выписали из госпиталя, и он поспешил в штаб охраны тыла фронта.

— Вы спасли Знамя полка, — обратился к нему начальник штаба. — Возьмете на себя ответственность доставить его в часть?

— Беру, — последовал твердый ответ.

Утром 25 октября с Финляндского вокзала Иващенко с офицером-пограничником К. Жуковым выехали на Ладожское озеро, где вечером погрузились на военный транспорт. На рассвете причалили к пристани «Ладога», что на южном берегу озера. Зашли в избушку, согрелись чаем. По карте составили схему маршрута на Валдай, где находился 3-й мотострелковый полк.

Путь оказался длинным и опасным. Шли по прифронтовым тропам, пробирались лесными массивами, переправлялись через болота. Отдыхали урывками, сменяя друг друга. Обросшие и голодные шли девять суток. У Георгия Николаевича поднялась температура. Обострился суставный ревматизм, однако близость цели удваивала энергию, помогала превозможать трудности.

И вот для Иващенко наступило счастливое ноябрьское утро. Оно выдалось солнечным. Серебрились инеем ели. На очищенной от снега лесной площадке собралось однополчане. Георгий Николаевич со Знаменем в руках рапортовал командиру части:

— Товарищ полковник, вручаю вам спасенное Боевое Знамя полка!

Приняв Знамя, полковник П. В. Бровкин обнял и расцеловал дирижера. Лесное эхо разносило многократное «ура!» По русскому обычаю однополчане стали качать героя. Стихийно возник митинг, на котором были сказаны проникновенные слова о спасителе полковой святыни, о том, как надо дорожить ее честью, прославлять ратными делами.

Подполковник в отставке
В. АДОРИНСКИЙ, заслуженный
работник культуры РСФСР.

ЭСКАДРОНЫ — ПРОШЛОЕ ИЛИ БУДУЩЕЕ ВОЙСК?

Почему во внутренних войсках нет кавалерии? Уверен, многим вопрос покажется наивным. На пороге XXI век. Войска оснащаются новыми автомобилями, бронетехникой; вертолетами. И вдруг — вернуть в петлицы эмблемы с подковами? «Эскадрон, рысью!» Красиво, романтично, но...

Я тоже так думал, пока в числе других журналистов не посетил кавалерийский батальон милиции ГУВД Мосгорисполкома, где и узнал много интересного, заставившего по-другому взглянуть на современную роль конных подразделений.

Например, при несении службы по охране общественного порядка во время массовых мероприятий, особенно с большим скоплением людей, они просто незаменимы. В состоянии сильного возбуждения толпа, как известно, способна прорвать цепочку пеших солдат или милиционеров, смести металлические заграждения. Всадники же — весьма внушительный сдерживающий фактор.

Хороший эффект приносит использование конных нарядов на окраинах городов, в лесопарковых зонах.

— Ежегодно на счету кавалерийского батальона до 3 000 задержаний правонарушителей и преступников, — сказал майор милиции Е. Марченко. — Это весомый результат, если учесть, что служба кавалеристов носит в основном профилактический характер. Не случайно растет число заявок на использование конной милиции от начальников многих РОВД. Помочь мы рады. Однако ограниченные силы и средства батальона не позволяют удовлетворить растущий спрос. Чтобы «расшириться», нужно построить новые конюшни, различные хозяйственные помещения, а это в условиях столицы с ее острыми

дефицитом свободных площадей под застройку практически неосуществимо. То ли дело внутреннее войско в том же Подмоскovie: у них и места достаточно, и материальные возможности — с нашими не сравнить.

Командир части полковник В. Васильев, с которым я поделился мыслью о возрождении кавалерии, к идее этой отнесся серьезно: «Десятка два кавалеристов нам действительно не помешали бы. При проведении оперативных мероприятий в парках, лесных массивах на технику надежды мало, а люди за короткое время не в состоянии прочесать большие площади. Конники здесь вне конкуренции... Вот только потянем ли мы это дело? Фураж, ветеринарная помощь, конюшни, подготовка специалистов — не так все просто...»

Сомнения вполне обоснованные. «У нас и людей-то не всегда удается обеспечить всем необходимым», — сказали в Главном управлении командующего внутренними войсками...

Но не зря говорят: новое — это хорошо забытое старое. В свое время в войсках резко сократили кинολогическую службу, уверовав во всемогущество технических средств охраны. Число караульных собак сократили быстро. А когда оказалось, что технике все же нужна поддержка, решили вернуться к использованию четвероногих помощников.

— Начинать пришлось чуть ли не с нуля, — замечает полковник В. Севодняев. — Восстанавливали племенную работу, систему подготовки инструкторов и дрессировщиков. Вот здесь-то и сработали преимущества армейской организационной структуры: штабы подготовили необходимые документы, службы тыла построили помещения для содержания собак, обеспе-

чили их кормами. Если прибегнуть к аналогии, то этим же путем можно пойти, возрождая кавалерийские подразделения.

И еще одно компетентное мнение. Его высказал полковник милиции в отставке Н. Головлев, в прошлом служивший в кавалерийском полку дивизии имени Ф. Дзержинского: «Нельзя огульно отказываться от того, что на первый взгляд устарело. Лошадь еще не раз сослужит добрую службу военным. Помнится, ко мне приезжали офицеры «афганцы» для консультаций. На горных тропах автобронетехника малоприспособна, в иных ситуациях куда сподручнее верховом. Жаль, некому и не на ком, от всей кавалерии одна часть осталась, да и та для съемок фильмов предназначена. Вот и советовался, как можно использовать небольшие конные подразделения с учетом тактических особенностей ведения войны в горах...»

Внутренним войскам нынче тоже приходится действовать в горных условиях. Или взять задачи по охране лесозаготовительных участков, колоний с многокилометровым периметром. Разве не повысится эффективность службы, если в караулы назначать верховых?

Слов нет, кавалерия — дело хлопотное, дорогостоящее. Цена одного «служебного» коня доходит до 10 тысяч рублей, а его содержание — не менее двух рублей в сутки. Но речь ведь не о создании крупных кавалерийских формирований. Достаточно, полагаю, иметь в части или соединении один эскадрон для выполнения специальных задач.

«Эскадрон, рысью, марш-марш!!!» Может быть, еще доведется услышать эту команду?

Мариан БЕЧЕВНИКОВ.

„Профи“ из Канады

Год назад два канадских журналиста побывали в советской воинской части. В соответствии с договоренностью между Министерством обороны СССР и Министерством национальной обороны Канады ответный визит недавно нанесли два советских военных журналиста. Один из них — капитан Евгений СЕРОВ — делится сегодня своими впечатлениями о «службе» в Канаде.

1 В СОЛДАТЫ ПО... КОНКУРСУ

НОВАЯ ШОТЛАНДИЯ. Юго-восток Канады. База Корнуоллис.

Через расположенную здесь школу начальной подготовки, которую можно назвать своеобразными воротами в канадские вооруженные силы, проходят все рекруты, говорящие на английском языке.

Нам предстояло провести десять дней вместе с рекрутами шестой недели 11-го взвода роты «Д». Полный же курс обучения — 10 недель. По окончании его рекруты получают звание «прайвит бэйсик» (рядовой базовой подготовки) и после традиционного выпускного парада, проводимого здесь каждую среду, попадают в школу следующей стадии подготовки в соответствии с видом вооруженных сил и избранной специальностью.

Вооруженные силы Канады, пожалуй, единственные, комплектование которых

всегда осуществлялось на добровольной основе (исключение составляли лишь годы участия во второй мировой войне). Недостатка в новобранцах никогда не наблюдалось: и по сей день во многих провинциях существуют листы ожидания для желающих эвербоваться. Кстати, служить в армии могут лишь граждане страны; при этом завербоваться можно в тот же день; когда было получено гражданство. Первичный контракт обычно заключается на три года, хотя есть возможность договориться и о двойном сроке в шесть лет.

Чего же ради решают канадцы и канадки — а для них нет никаких ограничений, кроме должностей на подводных лодках и катепланов — надеть военную форму? Причины, конечно же, различны. Многие видят в военной службе хорошую занятость, перспективу сделать карьеру. Для кого-то — это возможность схопить денег и получить профессию. Для других — вызов себе или возможность уйти из дома, от навязчивой опеки старших, стать независимым. Но никто не считает годы службы напрасными, потерянными для жизни.

Квот при наборе нет никаких: ни по полу, ни по цвету кожи или знанию языка, ни по вероисповеданию или возрасту. «Только не подумай, что это анекдот; — рассказывал один из инструкторов Корнуоллиса. — Однажды на занятиях знакомился с фамилиями рекрутов. У парня и

сидевшей за ним женщины фамилии одинаковые. Думал, что просто совпало, а оказалось, что это мать и сын».

Однако отсутствие каких-либо значительных ограничений на вербовку вовсе не означает, что стать солдатом просто. По словам начальника управления по вербовке и обучению добровольцев бригадного генерала Дж. Арчамболта, в вооруженные силы набирают лучших из лучших. «Чтобы завербоваться, — говорит генерал, — необходимо доказать, что ты достаточно образован, действительно желаешь служить, подходишь по здоровью и достойный гражданин». В настоящее время образовательный уровень солдат довольно высок: более 80 процентов из них закончили 12 классов школы и даже первый курс колледжа.

Шестая неделя службы — это тот срок, когда рекруты получают первое представление о свободном времени солдата. Первые четырнадцать дней проходят на базе без выходных. Затем курсанты получают разрешение посещать Кэнекс (по-нашему, военторг), где можно что-то купить и выпить чашечку кофе. После седьмой недели можно провести вечер пятницы в расположенном на территории базы солдатском кафе «Зеленый и золотой». Начиная с восьмой недели появляется возможность получить увольнение на сутки. Но, по свидетельству инструкторского состава, мало кто пользуется таким правом. Рекруты предпочитают отдыхать здесь же, на базе: в их распоряжении кафе, спорткомплекс с тремя 25-метровыми плавательными бассейнами, кегельбан, танцклуб и т. д. При этом мало кого можно увидеть у телевизора, радио и практически никогда никого за чтением газет. Стоит телевизор и в казарме, но я никогда не видел, чтобы он работал.

Начинается служба с экипировки. Огромный склад. Метров двадцать пять прилавок, продвигаясь по которому как снежный ком увеличиваешь кучу выдаваемых предметов. Ботинки, еще ботинки, кроссовки, майки, шорты, рубашки, брюки, еще рубашки, комбинезон, еще... На другом складе к сумке добавился «казарменный ящик» с полевой формой — по весу еще тяжелее. Огромное количество повседневной и парадной формы выдается солдату один раз за всю службу. В дальнейшем все необходимое он покупает за деньги. Полевая форма меняется по мере износа, независимо от сроков.

Со всем этим имуществом будущий солдат приходит в казарму. Здесь на него заполняют документы; в том числе и финансовые. Кстати, упоминая о хорошей занятости, канадцы имеют в виду и приличную зарплату военнослужащих. С первого дня прибытия на базу им устанавливается оклад в 900 долларов. С учетом налогов и различных отчислений ежемесячно рекрут может получать на руки 620—650 долларов. Говорю «может» потому, что всю сумму практически никто не получает —

нет в этом необходимости. Деньги переводят семьям, родителям (в этом обществе дети помогают родителям, а не наоборот), большую часть — в банк на личный счет.

И последний штрих в контуре канадского солдата — личное оружие. Не уверен, что так бывает всегда, но нам винтовки вручили прямо в казарме. В чем это точно совпадало с обычной процедурой, так в том, что винтовки, по заведенному правилу, выдали без затворов и стывков. Взвалив все это на плечи, взяв в руки, вместе с мастером-капралом Кеном Гриффинедером мы зашагали в дальний конец казармы, где теперь были наши кровати. С этой минуты мы были зачислены в отделение Кена. Рядом не было не только соотечественников, но и переводчиков, сопровождающих.

2 ГИМН ЧИСТЫМ БОТИНКАМ

ПОЖАЛУЙ, только на этой, начальной стадии подготовки помещения, где живут рекруты, похоже на казарму в нашем понимании этого слова. Двухъярусные кровати разделены между собой железными шкафами, в которых хранится все, что принадлежит солдату: от носков до винтовки. Ключ от шкафа и от замка на небольшом «казарменном ящике», стоящем у кровати, всегда находится на шее у владельца вещей. Лишь во время инспекции допускается сюда командир, чтобы убедиться, что внутренний мир рекрута организован в соответствии с воинской инструкцией. На последующих стадиях обучения солдаты живут в комнатах по четыре человека, а в линейных частях — по два.

Есть у жителей казармы и общее имущество — это шкаф, где хранятся немногочисленные книги, журналы, стереосистема, гитара и привлекавшая мое внимание пластмассовая баночка с монетами различного достоинства. Это оказалась копилка «глупых вопросов»: сказал несурзанность — раскошелайся на 50 центов. Все про эту копилку знают, меня на первый раз простили как иностранца. Шкаф открыт всегда, когда рекруты находятся в казарме. Никто не помнит случая, чтобы из него что-нибудь пропало. Вообще случаи воровства в казарме — событие экстраординарное. Хотя условия для этого... Стоят на ящиках и на шкафах ботинки, висят на спинках кроватей махровые полотенца, на вешалках — куртки и вторые комплекты формы. При этом казарменное помещение, можно сказать, никто не охраняет.

В привычном для советского солдата смысле наряда в канадской казарме не существует. Ночью в двухэтажном казарменном блоке, похожем на букву «Н», по два рекрута, меняясь, следят за противопожарной безопасностью. Порядок на территории базы гарантируется подразделением военной полиции, наряд которой прибывает по вызову не позднее чем через 1,5—2 минуты. Днем рекрутов ничем не отвлекают от учебы.

Что ж, нарядов нет, но есть работы, главная цель которых — наведение порядка. Может показаться, что основное, чему должны научиться рекруты за 10 недель, — как превращать пол в сверкающее зеркало и до фантастического блеска начищать несколько пар своих ботинок. Даже время занятий сжимается высоким ритмом и перебежками от корпуса к корпусу.

В каждом отделении еженедельно из числа курсантов назначается старший. Он — первый помощник командира отделения во всех делах, и в первую очередь в организации казарменной жизни. Во время шестой недели в нашем отделении им был Майлс. Под вечер каждого дня, расписав в тетради отделения работы, он собирал всех для того, чтобы сказать кому что делать. Ежедневно назначается дежурный оператор расположенной здесь же стиральной машины-автомата. Крупные вещи и постельное белье сдают в прачечную; носки, спортивные майки, шорты, рубашки, полотенца стирают сами практически каждый день.

На начальной стадии подготовки рекрутов стараются загружать работой до 22.00. В дальнейшем определяется не время, а только объем работы, выполнив которую солдаты могут заниматься своими делами. Точнее сказать, в линейных частях как такового назначения на работы по наведению порядка и не существует. Да и инспекции здесь проводятся не чаще одного раза в неделю. Профессионалы сами следят за чистотой без чьей-либо подсказки. Но чтобы научиться этому, нужно пройти школу Корнуоллиса: Строже всего наказывают здесь за невычищенную обувь. За камешек, застрявший между протекторами повседневных ботинок, мой сосед Малоуни слопотал от Гриффинедера 25 отжиманий.

Не забывают новобранцы и о своих потребностях. Прямо из казармы можно позвонить в любой город, скажем, в Москву. Поболтать с друзьями, полистать журналы, покурить. Последнее — дело весьма хлопотное, ибо абсолютно во всех военных помещениях курение запрещено. Только на улице.

За тридцать минут до отбоя — личное время. Каждый из 23 курсантов успевает побывать в одной из шести душевых кабин, расположенных в казарме.

В половине шестого утра в казарме загорается свет, что равнозначно нашей команде «подъем». Час — на то, чтобы заправить кровать, умыться, одеться и привести в порядок свои вещи. Никакой ут-

ренней зарядки нет. В 6.30 построение на завтрак.

В столовой — самообслуживание: берешь поднос, приборы и — в очередь. На первой линии — горячее, затем через коридор пирожков, пирожных, желе и консервированных фруктов идешь к свежим овощам. Напитки — по вкусу: кофе, чай, молоко, 4—5 видов соков. Уже в зале можно заправить салат и взять на десерт яблоки, апельсины, виноград или бананы. При таком обилии (бери сколько хочешь) и разнообразии пищи хорошо поесть — целая наука, тем более, что время ограничено: завтрак — 15 минут, ланч (12.30) — 25 минут и лишь обед (17.30) — 35 минут.

3 ОГРОМНОЕ НЕИЗВЕСТНОЕ

ВТОРНИК. 8.30. Инспекция командира роты: капитан Уиллис осматривает внешний вид рекрутов, мастер уорент-офицер Марсипонт — личные вещи будущих солдат. Процедура довольно однообразная. Бросается в глаза, как в первые недели стараниями инструкторов подавляется индивидуальность бывшего гражданского человека. Всех пытаются «привести к общему знаменателю». Все одинаковы и равны. «Даже пиджак — один на всех», — шутит Ринг, рассказывая, как фотографировать новобранцев на документы. Система первых недель давно опробована и носит название «культурного шока». И вот, когда внутреннее отчаяние готово вырваться наружу...

— Как сегодня самочувствие? — голос Уиллиса звучит по-отечески ласково.

— Хорошо, сэр.

— Уверен ли ты, что правильно выбрал свой путь?

— Да, сэр.

— Надеюсь, ты остаешься в армии не по принуждению?

— Нет, сэр.

Образ заботливого командира роты совершенно не совпадал с моим представлением об офицерах натовской армии. Ни разу он не повысил голос на рекрута. Наш сопровождающий капитан-лейтенант Джеф Эгню похмылил:

— Все очень просто. У рекрута шестой недели уже нет ничего гражданского, но нет еще и военного. Душевное состояние весьма смутное. И вот он видит: офицер относится ко мне как к личности, его интересует мое мнение, уорент напоминает, что все у меня должно быть по-военному аккуратно. Я человек, но человек военный — это должен осознать каждый из них.

В системе подготовки нет ничего лишнего, ненужного. И пока мастер уорент-офицер Марсипонт переворачивал личные вещи рекрутов, капитан Уиллис переворачивал в них душу. Инспекция шестой недели делила существование рекрутов на базе Корнуоллис на два периода. Во время первого нужно забыть, что ты гражданский человек; во время второго — понять, что ты военный.

В течение первых десяти недель главное — это не профессиональная подготовка, а психологический переход из одного состояния в другое, осознание правильности своего выбора, приобретение чувства уверенности, что справишься с профессией солдата. Хотя одновременно рекруты и получают некоторые базовые знания. При этом на первой стадии нет супернагрузок или супернормативов. Что стоит парням после восьми недель тренировок 30 раз отжаться, 33 раза присесть или 8 раз подтянуться? Сделать это нужно не с утра на улице и в сапогах, а днем в спортзале, в шортах, майке и кроссовках. Никто не разбирает и не собирает винтовку С-7 на время, не натягивает за секунды противогаз... На этой стадии нет ни полевых занятий, ни боевых тренировок. Даже набор препятствий называется не «полоса», а «курс уверенности в своих силах». Это будет позже — в Гейджтауне. Там придется полотеть. В Корнуоллисе инструктор не подгоняет, а подбадривает: «Давай, ты можешь, только не спеши».

Весь процесс обучения строится строго по программе. При этом перед инструктором стоят две задачи: научить новобранцев основам солдатского мастерства и сохранить их дееспособность. Каждая травма или увечье — это дополнительные расходы. Это не только зарплата, но и стоимость лечения, выплаты, возможно, пенсии и, уж совершенно определенно, затягивание процесса обучения — а солдата ждут в части. Поэтому техника безопасности при обучении соблюдается строжайшим образом: в канадской армии умеют считать деньги.

4 КТО В КАКОЙ КОМАНДЕ

НИКТО не объясняет канадскому военнослужащему, что такое коллектив и зачем он нужен. Понимание этого приходит как бы само собой. На занятиях тренируют всех сразу и до тех пор, пока последний рекрут не усвоит, как нужно выполнять упражнение. Порученная

работа принимается у всей группы или отделения, а не у отдельных исполнителей. Поэтому отличник всегда помогает отстающему, сильный — слабому. Это, однако, не предполагает уравниловки; успехи каждого рекрута отмечаются мастером-капралом в ходе еженедельной аттестации.

Прочувствовали это на себе и мы, став членами отделения Гриффинедера. Начало было простейшее — заправка кровати. Делают это вдвоем, да одному и не справиться с полтораспальной машиной и матрасом в 15 сантиметров толщиной, которой нужно впахнуть в чехол-простыню.

То, что культивируют в казарме, называя «коллективный дух», складывается из высокого осознания необходимости исполнять свои обязанности каждым и за счет этого достичь высоких коллективных результатов.

И это относится не только к курсантам. Весь сержантский состав взвода работает как одна команда.

— Волнует ли тебя то, что творится наверху? — спросил я у Кена Гриффинедера, имея в виду располагавшееся над нами казарменное помещение.

— Конечно. Меня волнует все, что происходит во взводе. Если там что-то не так, — и он тоже показал пальцем наверх, — дам взбучку, а потом в канцелярии скажу об этом другому командиру отделения, кто отвечает за этих ребят.

— И не будет никакой обиды, что ты влез не в свое дело?

— Все, что происходит во взводе, — мое дело.

— А не получается ли, Кен, что ты будешь «топить» других командиров отделений, чтобы самому на их фоне выглядеть лучше? Ведь ты же докладываешь обо всем в присутствии командира взвода?

— Не знаю, а таком я никогда не думал. Обычно за помощь все говорят спасибо, да и делаю я это не из корыстных побуждений. В стремлении выглядеть достаточно компетентным, чтобы занять вышестоящую должность, мы, конечно же, соревнуемся и стараемся стать лучшим из лучших, а не лучшим среди худших. Делается все это открыто, и командир взвода, так же, как и все командиры отделений, знает, кто чего стоит.

Имея таких подчиненных, командир роты в буквальном смысле может спать спокойно. Впрочем, любой наш командир взвода или роты мог бы и не только в этом позавидовать своему канадскому коллеге: регламентированный рабочий день, гарантированные выходные. И еще — позавидуйте: в канадской армии за проступок (какой бы ни была его тяжесть) наказывается непосредственный виновный. Командир несет ответственность за подчиненных, когда он находится с ними, и, конечно же, отвечает за все отдаваемые им приказы.

Так же, как и подчиненные, несут ответственность за выполнение приказов, своих

обязанностей и свое поведение. И не только в пределах границ базы. Этим же объясняется отсутствие уже во многом привычных призывов «давай работай» — каждый из будущих профессионалов уверен, что ему пригодится то, чему его учат.

Но прежде, чем рассказать, чему и как учат в Корнуоллисе и Гейджтауне, замечу, что процесс обучения весьма интенсивен. При этом на начальной его стадии «избалованных» демократией и плюрализмом новобранцев учат подчиняться, а уж на последующих — думать. Поэтому в первые пять недель высока вероятность стрессового состояния, и последствия его непредсказуемы. Чтобы как-то разбавить напряженность боевой подготовки, существует несколько способов. Один из них — час капеллана.

Этот час напоминал спектакль одного актера. Капеллан рассказывал веселые истории, пел под гитару вместе со всеми песни на мотив модных шлягеров в стиле кантри. На офицера он был похож только формой. То, что он капеллан, напоминал маленький крестик высоко у правого плеча. После гитары пошла в ход губная гармошка... Когда легкая разминка была закончена, все сели, и Рой начал свой рассказ.

Он говорил о мире, о любви к родине, о честности при исполнении своих обязанностей. Если считать это религиозным «оболваниванием», то и я принял в этом непосредственное участие, поскольку минут десять рассказывал с кафедры о Советском Союзе, наших людях, их стремлении жить в мире и дружбе.

5 КАК СЪЕСТЬ СЛОНА

Если спасение утопающих — дело рук самих утопающих, то подготовка солдат-профессионалов — дело рук самих профессионалов. Кстати, профессионалы-сержанты выступают в роли инструкторов и у офицеров на первой и второй (из четырех) стадиях подготовки. Основное звание инструкторов — мастер-капрал (третья ступенька в служебной лестнице профессионалов). Шестеро из нашего взвода были в возрасте от 26 до 29 лет, каждый прослужил в армии от пяти до десяти лет.

Все обучение строится на принципе «делай, как я», поэтому каждый мастер-капрал должен уметь делать все, что умеют солдаты.

Дисциплина на начальной стадии не так уж и много: курс общих знаний о службе,

защита от ОМП, строевая и стрелковая подготовка, физподготовка, ориентирование на местности и основы топографии, первая помощь и курс жизненного опыта. Последний уникален. Задуманный как программа по борьбе с наркотиками, он превратился в курс обучения молодежи самостоятельной жизни в качестве военных профессионалов: этика общения во внеслужебное время, распределение своего бюджета, ведение хозяйства, пропаганда. В школе нет тактических занятий: лишь хождение по лесу с компасом, стрельба из винтовки С-7 и нечто похожее на полосу препятствий. Обучение специалистам и полевою выучку солдаты проходят на следующих стадиях в Гейджтауне.

В этом самом большом в Британском содружестве боевом тренировочном центре расположены четыре школы для солдат. Удалось побывать в одной — танковой. 47 дней поделены на четыре этапа, в ходе которых солдаты изучают, как обслуживать танк и бронетранспортер, пользоваться средствами связи, распознавать бронетанковую технику, и девять дней в полевых условиях познают основы действий пехоты. После этого — специализация и еще три недели для получения навыков наводчика орудия или водителя танка.

На всех занятиях никто никого не подгоняет и не заставляет поднимать руки. И при этом — завидная активность. Оценок инструкторы не выставляют, но каждый помнит, что в конце недели — очередная аттестация. Как оценивают знания? Индивидуально, а не в сравнении с уродем других. Достаточно не сдать зачетный экзамен по двум курсам обучения, и контракт автоматически будет прекращен. За количеством тут не гонятся. Даже если из ста останется половина, то это будут лучшие.

Интересно, что сами молодые канадские солдаты считают свою начальную подготовку довольно напряженной. Особенно часто так оценивают физические тренировки. В огромном зале четыре отделения бегут по кругу. Свисток — 20 раз отжаться. Свисток — бежим дальше круг за кругом. Свисток — 20 прыжков через скамейку, бежим по кругу. Свисток — 20...

Основой действенности и эффективности всего учебного процесса является уверенность рекрутов в том, что им пригодится в будущем все то, чему учат инструкторы. Даже девушки, которым не делается никаких поблажек, тянутся за взводом. «Я следую всем советам инструктора, — говорит Анжела Стасюк. — Он — профессионал, ему лучше знать, что пригодится мне в будущем. Даже на физе, когда очень трудно и я про себя молю Бога, чтобы все это быстрее закончилось, я уверена, что инструктор прав».

Конечно, после школы Анжела не станет сразу профессионалом. Десять недель, считает командир базы полковник Ноилс, слишком мало, чтобы подготовить солдата.

К тому времени, когда «завершится формирование мастера-капрала» — лет через пять службы, — в армии останется не более 50 процентов из тех, кто заканчивает Корнуоллис. Таким, как Стасюк, предстоит еще пройти школу специальной подготовки, подготовку в части, раз за разом возвращаться в учебный центр Гейджтауна, чтобы стать высококлассным специалистом, быть готовым занять должность младшего командира. Хотя и само понятие профессионала в канадской армии несколько учебно-тренировочное: сегодня в Канаде нет военных, имеющих опыт ведения боевых действий. Никто из них, шутят профессионалы, не съел слона. Хотите узнать, как это сделать? Нужно откусывать кусочек за кусочком. Чтобы съесть всю тушу и стать «профи», нужно изрядно попотеть.

6 В ОТПУСК — НА ЯМАЙКУ

НАИБОЛЕЕ удачливым случается получить звание главного урент-офицера за 16 лет. Значит, может сложиться так, что уже в 34 года у весьма перспективного профессионала нет никакого стимула проявлять старание по службе. До пенсионного же возраста остается еще 21 год. Кстати, в 55 лет из армии на пенсию уходят все военнослужащие: от капрала до генерала. Чтобы стимулировать старание «профи», ему предоставляют реальную возможность быть произведенным в офицеры. Причем сразу же в капитаны, что в общем-то соответствует его возрасту.

Стать офицером может и мастер-капрал. Кен Гриффинедер рассказывал, что в ближайшее время он сменит специальность танкиста на летную. Для этого, по его словам, необходимо пройти медицинскую комиссию, системы профессионального отбора, два года тренировок, и в результате — погоны второго лейтенанта.

Довольно многие хотели бы перед уходом из вооруженных сил получить офицерское звание. Оказывается, бывших офицеров весьма охотно берут на должности администраторов в гражданских заведениях. Да и на пенсии это отражается весьма благоприятно.

Пенсии канадские военнослужащие получают три. Первую от министерства национальной обороны. Начисляется она на основе среднего показателя, выводимого по шести лучшим годам, которые могут идти и не подряд. Отслужив 25 лет, профессионал может рассчитывать на 50 процентов своего оклада, затем — по два про-

цента за каждый год службы, но не более 70 процентов в общей сложности. Расставшись с армией, бывший военнослужащий устраивается на работу, получая право еще на одну пенсию. А после 60 лет ему начисляется третья пенсия от государства — результат его ежегодных отчислений за годы активного труда.

По правде говоря, суммы отчислений из денежного содержания военнослужащих несколько удивили меня своими размерами. Если считать, что мастер-капрал получает в год 32 000 долларов (или почти 2 670 долларов в месяц), то после отчислений и выплаты налогов на руках у него ежемесячно оказывается немногим больше 1 400. Из этой суммы около 400 долларов уходит на уплату за аренду дома, 250 — электричество, 20 — воду, 30 — кабельное телевидение. Из оставшейся суммы примерно по 100 долларов тратится в неделю на питание. Итого 1 100 долларов. 300 остается в кошельке на личные расходы.

Что касается отпуска, то он составляет для солдат и офицеров 25 суток в год. Отдыхать канадские военнослужащие предпочитают ездить на Ямайку. Хотя если сравнить с нашими возможностями, то от Владивостока до Черного моря значительно дальше, чем от Оттавы до Ямайки.

Кроме этого военнослужащим-женщинам предоставляется шестимесячный оплачиваемый отпуск по беременности. В этом нет ничего удивительного, потому что «профессионалы в юбках» вполне способны рожать детей. Удивительно то, что в случае рождения ребенка оплачиваемый семинедельный отпуск предоставляется и отцу. Его за счет военного ведомства доставляют домой, если в это время служба занесла его далеко.

Оплачивают канадским военным и их переезды от места к месту, которые происходят каждые три года.

Как относятся канадцы к таким условиям службы? Большинство довольны. Вот правда, Корнуоллис проходит второй раз все же не хотелось бы. Здесь, по меткому выражению одного из профессионалов, «с тобой играют, как кошка с мышкой: много отпустят, а потом снова прижмут». И все же не отнять у канадских военных гордости за свою профессию, форму, традиции своих полков. «Когда я иду по улице в форме, уверена, что встречающие меня парни и девчата завидуют», — говорит будущий артиллерист Анжела Стасюк. Показателем же отношения гражданской части населения (пусть и косвенным) является, видимо, то, что армия не испытывает недостатка в добровольцах.

И, конечно же, никто и никогда не высказывался не то что оскорбительно, но и недоброжелательно в адрес солдат своей страны. Нелегко он — хлеб человека с ружьем.

Капитан Е. СЕРОВ,
информационное агентство печати
«Новости» для журнала
«На боевом посту».

«БЕДНАЯ РУССКАЯ ИДЕЯ»

ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЙ

ТРИ СЛОВА, вынесенные в заголовок, принадлежат классику отечественной философии В. С. Соловьеву. Они отнюдь не обидны для русского и россиянина: в нашем родном языке слово «бедный» имеет не одно значение. Бедность может означать скудость и нищету, а может свидетельствовать и о несчастливой судьбе, «небезучести», суровости бытия при несомненном богатстве. В этом смысле бедная русская идея, которой и в самом деле решительно не везло, есть прежде всего бесконечно богатая идея, поднимающаяся, как ни у какой другой нации, до вершин всечеловечности.

В. С. Соловьев рассматривал «вопрос» о смысле существования России во всемирной истории, который и до него, и после него ставили и пытались решать многие. Философ указывает на великий исторический факт выступления Российской державы на мировой арене и спрашивает себя: «какова же та мысль, которую он скрывает за собою или открывает нам; каков идеальный принцип, одушевляющий это огромное тело, какое новое слово этот новый народ скажет человечеству; что желает он сделать в истории мира?»

Найдется немало людей, которые сочтут этот вопрос надуманным или же, хуже того, объявят тех, кто его ставит, националистами, шовинистами, великодержавниками, даже фашистами. В самом деле, разве можно без иронии воспринимать выражения типа «австрийская идея», «габонская идея» и т. п., хотя мы и не думаем неуважительно относиться к народам этих государств? Вспомним «англо-саксонская идея» по сути прикрывала колониальное владычество Великобритании, а пресловутая «германская идея» оправдывала расизм и безудержную экспансию немецкого империализма, втянувшего человечество в мясорубку двух мировых войн. Так имеет ли объективное основание и может ли иметь моральное оправдание «русская идея»?

В НАСТОЯЩЕЕ время расплодилось немало охотников давать уничижительные характеристики русским и славянам вообще, россиянам, всем советским людям. А. С. Ципко, делавший в годы застоя научную и политическую карьеру на «идее социализма», а теперь делающий карьеру на погроме ее, договорился до того, что мы «народ, спящий умом и сердцем, в сущности, не народ, а стадо». «...Русские люди, зараженные учением о классах и неотвратимости коммунизма, — развивает А. С. Ципко свой взгляд, — превратились в подлинных чудовищ». Подобные «перлы» и «комплименты» можно прочесть на страницах многих изданий, как будто взывших подряд на охаивание собственного народа, на внушение ему бердяевской «философии вины», устойчивого комплекса неполноценности. Против этого восстает не толь-

ко оскорбленное чувство патриота, но и трезвый ум гражданина, не теряющего голову в демагогической «ускоренческой» кутерьме.

Мы «выпали» из современной мировой цивилизации, и надо в нее возвратиться, внушает печаль. Таков новейший штамп, фальшивый от начала до конца. Я достаточно поездил по Западу и знаю, куда нас хотят возвращать. В современной мировой цивилизации в целом можно выделить два ведущих начала, две доминанты, определяющие все остальное, — доминанту творчески-гуманистическую и доминанту технико-репродуктивную. Так вот первая, если уж говорить правду, окрашена в XX веке в основном в российские цвета, что, кстати, упорно замалчивается; вторая, связанная с поставленным на поток выпуском техники производства и быта, с индустрией «массовой культуры», окрашена в цвета северноамериканские. Научная и инженерная мысль стратегического полета (Менделеев и Лебедев, Зелинский и Циолковский, Жуковский и Понтрягин, Курчаев и Королев, Павлов и Леонтьев...); симфоническая и оперная классика (достаточно назвать Чайковского и Мусоргского, Рахманинова и Скрябина, Прокофьева и Шостаковича); живопись — реалистическая (в особенности историческая и жанровая — имен не перечислять), импрессионистская (к примеру, Серов и Врубель) и авангардистская (зародившаяся, по общему признанию, в России); монументальная человековедческая литература — это гигантские достижения россиян — человечеству, цивилизуясь и дальше, впитывать и осваивать еще много лет. А русский социализм и русский космизм? Первый дал миру Герцена и Бакунина, Чернышевского и Лаврова, Кропоткина и Ленина, пример планового ведения хозяйства, которое (разумеется, с поправкой на частнособственническую систему) используют все передовые капиталистические страны; второй — предвосхитил актуальные теперь, всеобостряющиеся глобальные проблемы современности и необходимость нового мироощущения землян. Спрашивается: кто из чего и куда «выпал»?

Разговоры «специалистов» по «выпадению» в силу понятных причин возвращаются не вокруг духовно-социальных ценностей, а около магазинных витрин. Мы выпали из современной бытовой, торговой, сервисной «цивилизации» — это так. Нам нужен насыщенный культурный рынок товаров и услуг. Постыдно наблюдать отечественное варварство в этой сфере, позволяющее любому зарадному обывателю безапелляционно рассуждать о том, до чего же довел этот бедный народ Октябрьская революция. Ряды рынка товаров и услуг нам предлагают ни много ни мало вернуться на 73 года назад, отдать в частные руки промышленность и сельское хозяйство, восстановить рынок капиталов и рынок на-

емного труда. Но можно ли столь безоголово оценивать пройденный путь, знавший разные этапы, и куда мы в результате придем? «Специалисты» по «выпадению» больше бьют на чувства, не стесняясь передергивать факты и не утруждая себя глубокой думой о будущем. Между тем осуществление их рекомендаций может привести к значительно худшему положению России в мире, чем, скажем, в 1914 году, — лишь к тому, что восстановится отсталый капитализм полукolonиального типа и мы, при всем своем духовном арсенале, докажем только то, чего так опасался Ленин, — что «наш народ совершенно безнадежно народ дураков». Отставание России (при таком подходе Союз ССР сохранить не удастся) будет усугублено. Имеющиеся у нее уникальные возможности будут похоронены. Но при чем здесь «русская идея»?

«Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна», — говорит Смердяков, рисуясь, своей собеседнице в «Братьях Карамазовых». В ответ на возражение, что если бы он служил в армии, то и рассуждал бы и поступал иначе, Смердяков заявляет, что не только не хочет быть военным, но и желает уничтожения всех солдат. «А когда неприятель придет, — спрашивает недоумевающая Марья Кондратьевна, — кто же нас защищать будет?» «Да и не надо вовсе-с, — кокетничает Смердяков. — В 12-м году был на Россию нашестие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Свсем даже были бы другие порядки-с».

Ныне мы дожили до того, что буквально те же речи, лишь с заменой Наполеона на Гитлера, Франции — на фашистскую Германию, произносятся также в связи с Победой советского народа в Великой Отечественной войне. Дело доходит до объявления Гитлера «освободителем», «святым», которого «не поняли», до апологии изменничества и его «героев» — позорного явления, анализа и объективной оценки которого почему-то избегают. Кровь кипит в жилах от вакханалий кошунства. Но приходится сдерживать себя и предупреждать: россиянин, соотечественник, берегись смердяковщины!

СОЛОВЬЕВ В. С. рассматривает «человечество в его целом, как великое собирательное существо или социальный организм, живые элементы которого представляют различные нации. С этой точки зрения очевидно, что ни один народ не может жить в себе, чрез себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в общей жизни человечества. Органическая функция, которая

возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, — вот ее истинная национальная идея, предвечно установленная в плане Бога. Я совершенно согласен с этим утверждением, тем более что автор мотивирует его как истину, оправданную рациональной философией и подтвержденную точной наукой. Разумеется, будучи атеистом, считаю ссылку на «ялан Бага» излишней: с моей точки зрения, опоры на философию и точную науку вполне достаточны, — но считаю пролепнику в данной связи ненужной, лишь затемняющей суть дела, которая понимается здесь идентичным образом.

Итак, речь идет об органической функции, которая досталась славянам русского корня во вселенской жизни. Какое же дело нашим смердяковичам? Есть ли названная функция — искусственная выдумка, плод чванного национального воображения, раздуваемого лишь эгоистическим желанием возвыситься над другими, приносится ли сюда нечто мистическое, идущее от туманных верований, но питающее все тот же кинливый национализм, или тут есть некие краеугольные основания? Согласитесь, существует немало причин задавать себе этот вопрос, ибо далеко не каждой нации дано играть вселенскую роль.

Обойдусь без мистики. Уникальное положение нашего народа в мире было predeterminedено уже исключительностью условий, в которых он формировался. Сюда относится многочисленность родственных славянских племен и их разбросанность по территории Европы, постоянное соприкосновение с соседствующими скандинавами, германцами и угро-финнами, греками Северного Причерноморья и романскими народами нынешней Северной Италии, скифами и сарматами, булгарами и хазарами, татаро-монголами и персами. Специфика распространения наших предков по лицу Земли состояла в том, что им нигде было укрыться и как-то обособиться. Места их обитания были проходным двором для масс пришельцев с юга и из глубин Азии, объектом нашествий с севера и запада. Это много раз приводило к полному опустошению некогда освоенных и окультуренных областей, но это же воспитывало национальный характер: терпимость, открытость, готовность понять любую человеческую душу, чуткость ко всему доброму и бескорыстие в деле ради добра людям, доверчивость и беспечность, с одной стороны, свободолюбие, мужество, умение отстаивать Родину, стойкость в борьбе и великодушие в отношении к побежденному — с другой.

Исторический удачей для Древней Руси явилось то, что ей суждено было стать первой наследницей греко-римско-византийской культурной традиции. Именно здесь, на реке Новгород—Киев, начиналось раннее Европейское Возрождение, расплывавшееся в 30-х годах XIII века крыльями ватических орд. Лишь спустя шесть столе-

тий звездной россыпью талантов блистательного XIX века России удалось подтвердить, на что она способна. Впрочем, тот горестный XIII век не был однозначен. Он принес Руси разорение, но и положило начало ее миссии пострадать за других, миссии, от которой она не избавлена до сих пор. Не буду подсчитывать число жертв. От этой статистики сердце останавливается. Скажу только, что ни один народ (ни один!) не заплатил за свою и других (не чужую!) независимость и прогресс столькими жертвами и лишениями. С XIII по XX век Россия трижды вставала на пути претендентов на мировое господство. Бывая в Италии и видя творения эпохи Кватроченто, я все время думал о том, что же деялось тогда на Руси. Итальянскому Возрождению у нас соответствовало формирование общенационального сознания и сближение сил, что и дало себя знать в Куликовской битве. Страдания за других оставило глубокий след в национальной психологии, способствовало развитию такой черты, как всемирная отзывчивость, открытой Ф. М. Достоевским в творчестве А. С. Пушкина.

Известно, что жертва, приносимая во имя другого, может озлобить ее приносящего, заставить возненавидеть и того, ради кого жертвуют. Но не так вышло у нас. Нуждой боли и чужой беды не бывает — вот убеждение, которое вынес народ из самых страшных испытаний. В нем лишь укрепилась предрасположенность к добру и доверию, даже когда дело касалось врага. Этим, как слабостью, до сих пор пользуются циники и прагматики, родная и не догадываясь, что в ней и состоит недоступная для них и недоступная им сила.

ФИЛОСОФСКАЯ традиция связывает «русскую идею» с христианством, и в этом много верного. Два бессмертных национально-освободительных подвига конца XIV и начала XVII веков связаны с именами восточной души — Сергия и Гермогена. В ядре феодальной раздробленности идеология православия, нравящаяся, естественная, с общим языком и фольклором быта, печалью, самой мощной скрепой и фактором морально-политической консолидации русской. Однако ограничиваться этим, а тем более делать «русскую идею» инструментом той ли безоглядной апологии православной церкви, той ли проведения отнюдь не российских интересов значила бы делать новую ошибку. «Если в философии истории вообще есть твердо установленные истины, — писал В. С. Соловьев, — то таковой следует считать то положение, что конечное призвание еврейского народа, истинный смысл его существования связаны с мессианской идеей, то есть с идеей христианской». Напрасно философ ли-

шет, что перед нами тот случай, когда народ не понял своего призвания: тем самым не спасти упомянутую «истину». Ныне совершенно нетерпимы подобные зауженность взгляда и близорукость. На христианское православие надо смотреть не с доктринерски-богословской, а с более широкой, жизненно-исторической позиции. При этом нельзя не учитывать как языческую, дохристианскую образную систему и психологический склад племен русской народности, так и совмещение, срастание вновь обретенных верований со старыми — оно-то и составило весьма своеобразную, затейливую, пестро окрашенную вязь. Более чем странно настраивать располагающий всем этим народ на чье-то там еще мессианство.

Когда М. В. Ломоносов указывает на сходство древнего многобожия в России с греческим и римским вплоть до второстепенных и «рядовых» божков вроде кентавров-полканов, гигантов-вологов, нимф-русалок и т. д., он, несомненно, свидетельствует об общности стихийного народного мировосприятия. Но для философского обобщения свойств русско-славянского национального духа этого, очевидно, недостаточно. О многом можно только догадываться, не столько научно отслеживая процесс, сколько наблюдая его результат.

Мне представляется, что вся духовная эволюция русского народа так или иначе ведёт к кристаллизации двух существенных черт: во-первых, к отторжению любого абсолютного авторитета — от единого бога-творца до обожествляемой личности, во-вторых, к доминированию идеи, ставшей впервые известной как афоризм учителя Перикла—Анаксагора: «человек есть мера всех вещей». На мой взгляд, это ярко проявилось в «рассмотрении вер» киевским князем Владимиром, который заменил прежде языческое вероисповедание самым в то время гуманным.

Владимир решительно отверг магометанство, папизм и иудаизм и внял проповеди греческого философа Константина. Ветхозаветному деспотическому единоначалию Яхве-Саваофа он предпочел очеловеченно-мученическое и демократически-простонародное посредничество Христа. «...Кто распространил царство Иисусово! — говорил Константин Владимиру. — Сильные ли полки, не терпящие никакого противостояния! Избранные ли военачальники, смыслом, важностью, богатством, долговременным искусством и храбростью страшные во вселенной! Никак! Двенадцать человек, убогие, незнатные, простые, из деревень, из рыбацких хижин, ни гражданских, ни военных дел отнюдь не знающие люди, предприимлют торжество над царствами, разделяют между собой вселенную и, перешед пески, горы, стремнины и снега, воюют против бесчисленных народов, наги и безоружны, увещают нечестивых к благочестию, сребролюбивых — к убоже-

ству, сластолюбивых — к воздержанию; и что еще больше, опровергают издревле почитаемых идолов пред лицом жрецов, дышащих ядом ненависти; водружают кресты и, пред ними умирая, торжествуют». Если даже это легенда, то ее суть и пафос как нельзя более подходили к сложившемуся мироощущению и настрою наших предков.

С ТРАДАТЕЛЬНОСТИ, жертвенности, беззаветности российской судьбы совершенно естественным образом, по законам живой диалектики соответствуют универсальная душевная проникновенность и эмоционально-интеллектуальный гуманизм. Такое не произрастает в обстановке самозабвенного довольствия и не вычитывается из книжек, а вырабатывается лишь в горниле жизни. Вряд ли поэтому случайно то обстоятельство, что российская наука первая «дошла» до понимания всепланетного и, более того, космического значения человеческого разума. Наряду с понятиями литосферы (земная твердь), биосферы (все живое), атмосферы (газовая мантия планеты) в ней появилось понятие ноосферы, целостно-противоречивого слоя научной мысли. «Мы переживаем в настоящее время, — писал В. И. Вернадский в 30-х годах, — исключительное проявление живого вещества в биосфере, генетически связанное с выявлением сотни тысяч лет назад Номо sapiens, создание этим путем новой геологической силы, научной мысли, резко увеличивающей влияние живого вещества в эволюции биосферы. Охваченная всецело живым веществом, биосфера увеличивает, по видимому, в беспредельных размерах его геологическую силу и, перерабатываемая научной мыслью Номо sapiens, переходит в новое свое состояние — в ноосферу». Понятно, что предпосылкой этого вывода не могло быть одно лишь религиозно-идеалистическое направление общественной мысли. Здесь мощно проявили себя ее материалистический поток, давно укоренившееся в нашем национальном сознании убеждение в единстве всего человеческого рода, готовность идти по пути его сознательного сплочения в «кобобществившееся человечество».

Нам, как и всему цивилизуемому миру, еще предстоит овладеть поистине безграничным содержанием концепции ноосферы. Как новая геологическая и, очевидно, социальная сила, современная научная мысль таит в себе и новые опасности (изобретение все более совершенного оружия массового уничтожения, культивирование экологически опасных производств, возможность использования науки в эгоистических интересах мафиозно-фашиствующих группировок и т. п.), и чудодейственные возможности. Она качественно меняет прежние представления о соотношении духа и

матери, властно требует новой исторической формы философского материализма. Именно как проявление формирующейся ноосферы следует рассматривать восприятие Россией марксизма, его ленинскую ступень, отнюдь не превышающую развитие отечественной мысли, а представляющую ее важный и знаменательный этап.

Когда слышишь хулу и проклятия в адрес ленинизма, поневоле думаешь: до чего же односторонне подчас мыслят люди! В рамках смыкающейся ноосферы, если понимать ее как целостность, марксизм-ленинизм отнюдь не антагонист христианскому гуманизму. Более того, он спаситель гуманизма вообще. Кризис, который пережило христианство в XX веке, был объективно обусловлен. Во-первых, его мифологическое содержание и форма не смогли конкурировать с рационалистическим напором естественных, технических и общественных наук. Во-вторых, оно было догматизировано церковной организацией, которая своим бюрократизмом и внутренним разложением шаг за шагом разочаровывала массы. В-третьих, церковь и ее кадры, как правило, выступали на стороне консервативных сил, против отчаявшихся миллионов «униженных и оскорбленных» и не могли не быть отодвинуты в сторону в пору следующих друг за другом революционных потрясений. При этом проповеди свободы и человеколюбия, защиты сирого и возвышения трудящегося не только не прекратилась, а, наоборот, стала господствующей. Ее на нелепый жаргон классовой борьбы, ожесточенной толпы «шершавым языком плаката» осуществляли другие люди, с иным мировоззрением и изменившимися целевыми установками. Что бы там ни говорили о перипетиях гражданской войны, коллективизации или репрессий 30-х годов, но бескорыстные коммунисты (которых не следует путать с карьерными «партилетчиками»), ошибаясь и спотыкаясь («Се человек!»), осуществляли все ту же Христову миссию (вполне в стиле изгнания торгующих из Храма), хотя их и клеймили как «антихристов». Те, кто это отрицает, настаивая на своей «правоте» еще николаевской чеканки, опять раскачивают страну для нового Октября. Конечно, я высказываю тут свою точку зрения, отнюдь не навязывая ее кому-либо. Не ленинизм повинен в наших неудачах, а поверхностное его восприятие, коммунистическое чванство и фарисейство, дискредитирующее и оскорбляющее любую идею.

Данное противоречие жизни надо понять и в него вникнуть. Не бездумное воскрешение деления на «белых» и на «красных», которым кое-где опять балууют и которое может вылиться в безумное братоубийство, а оценка любой общественной силы с точки зрения ее ответственности за народ и за державу — лишь эта позиция соответствует требованиям момен-

та, лишь она спасительна. Печально наблюдать, как, по праву извлекая из тьмы забвения Гумилева и Ахматову, тут же стараются несправедливо растоптать Блока и Маяковского. Остановитесь! Это не русский взгляд на действительность. Это взгляд на культуру «с кочки» мелкого лавочника. «Русская идея» сегодня — это единая ноосфера, это соединение наших святынь. Иначе нам не выжить в мире, как миру не выжить без нас.

ПРИРОДНЫЙ интернационализм — им были всегда живы русский народ и его славянские братья — коренился в таких чертах их жизнеустройства, которые, при всем буйстве теперешнего стяжательского индивидуализма, не дают себя уморить до сих пор. Кто-то называет эти черты общинностью, кто-то — артельностью, кто-то — соборностью или коллективизмом. О вкусах на слова спорить не будем, искать же согласие обязаны. Предрасположенность к поиску оптимальных форм товарищеского и братского общежития — очень характерная черта россияна, находившая самое разнообразное хозяйственно-трудовое, религиозное, нравственно-утопическое, военно-демократическое (как в казачьих областях) и т. п. выражение. Российский крестьянин с ознобом и отвращением вспоминает кампанию раскулачивания и коллективизации, но думать по этой причине, что он будет с удовольствием ликвидировать совхозы и колхозы, по меньшей мере наивно. Жизнь берет свое, пусть грубо и не изящно, но по основному течению уверенно. Примат общественных начал как гарантия коллективного и личного преуспеяния, идея коммунизма приняты в народе потому, что он своим чутким инстинктом видит в них прямой путь к сохранению самобытности, позволяющей избежать мучительной атомизации общества, разделений, обособлений и бесконечной грызни, которыми сопровождается становление капиталистического способа производства.

Марксизм потому и стал прививаться на российской почве (хотя этому и помешали потом гримасы сталинизма, хрущевизма, брежневщины и т. п.), что давал научные основания для кровных черт российского уклада жизни и психологии масс. Многие его вульгарные и прямолинейные сторонники наломали, правда, дров. Они рушили часто то, что могло бы стать годным строительным материалом для нового общества, материалом, прочностью которого была обусловлена его эволюционным происхождением, привычностью в быту. Эти потери мог бы компенсировать умный и быстрый научно-технический, социальный и духовный прогресс, но и он сдерживался. Бросив в мир принцип подчинения экономики потребностям человека, на которых должен

основываться хозяйственный план, и начав его энергично осуществлять, мы потом застыли на полдороге. Это не помешало коммунизму как реальному гуманизму, являющемуся экономическим и технологическим, социальным и нравственным императивом эпохи, прослыть «русской идеей» XX века. И нам надо либо энергично подхватить ее и деловито продолжить, либо прекратить быть самими собой.

Слушая и читая смердяковых нашего времени, поневоле проверяешь себя и думаешь: «Уж не напрасен ли труд предков, веками собиравших, сплывавших и оборонявших Отечество? Не мертво ли понятие Отечество в стране, обуреваемой каким-то приступом самооплевывания и мазохизма?» Пишу так и потому, что знаю ждущих «хозяина»... из Америки. Пишу так и потому, что знаю тех, кому выгодно внушать народу предрасудок насчет его якобы неспособности мудро распорядиться собой и своими ресурсами, начать, наконец, жить для себя.

Какие мы, однако, мастера доводить все до крайности! Такого не может себе позволить ни француз, ни немец, ни американец. А мы не только позволяем, но и изоощряемся перед лицом всего света в том, как бы побольнее садануть по собственному национальному самолюбию. Но не довольно ли? Пора знать и меру. Доведение всего до крайности — наша национальная черта, подмеченная многими — от Ф. М. Достоевского до Д. С. Лихачева. Это нечто вроде дялещегося эксперимента на своем собственном организме, с одной стороны, несомненно, опасного, а то и гибельного, с другой — безусловно полезного, представляющего собою пробу на выдержку, выявляющего диапазон его возможности, социально-исторический потенциал... Так что же, вместо того, чтобы делать дело, нам так и продолжать на себе экспериментировать?

Сейчас, в связи с поспешным, без основательного совета с народом введением рыночной экономики зреет угроза окончательной утраты Россией своего национального лица. Законы коммерции с подобными ценностями не считаются, и пластическая операция может быть проведена скорее всего по заокеанской методике. Однако и те, кто страстно заинтересован в этом за рубежом, и те, кто подыгрывает им внутри страны, умеют просчитывать лишь близкие выгоды, но не разбираются в более отдаленных последствиях. Новый, на этот раз ультраимпериалистический передел мира за счет Советского Союза и союзных с ним государств не осчастливит планету. Напротив, она намного больше потеряет, чем приобретет. Не станет стимула, толкавшего капиталистические монополии на социальное соревнование, вынуждавшего их поступаться частью прибылей для страхующего буржуазный строй повышения уровня жизни трудящихся. Не

станет мощного противовеса любым притязаниям на мировое господство, политике «с позиции силы», ядерному шантажу и т. п., которые не перестали быть фактором международных отношений, а хитро в них встроены, приобрели внешне пристойные манеры и теперь неузнаваемы. Не станет, наконец, страны, которая упорно сопротивляется попыткам заменить компьютером свой природный интеллект, сознает связь времен отечественной и мировой культуры, не торопится засыпать мертвым прахом славяно-греко-латинский родник своего исконного духа, мешая прагматикам задуть факел Прометея.

Противостоит или же соответствует общечеловеческим интересам самобытность России? Считаю, что в целом соответствует, и готов с кем угодно поспорить. Во всяком случае суетливые и суетные решения тут не пригодны. Речь ведь идет не об одной стране, а о грядущем облике мира, и масштаб мышления должен быть не кухонный или кафедральный, не кабинетный или даже кремлевский. Всемирно-исторический!

«Смысл существования наций не лежит в них самих, но в человечестве», — считал В. С. Соловьев. Так вышло, что этот принцип, гуманистический интернационализм, в наивысшей степени выражен в истории нашей страны и ее народов. Мы не можем жить для себя, не живя для других, живя для других, мы живем для себя, ибо для русского, советского человека непременным слагаемым благосостояния всегда была чистая совесть. После Октябрьской революции и особенно после Победы в Отечественной войне нам по временам казалось, что осуществляется концепция Третьего Рима. Так ли это на самом деле и стоять ли ему впредь, судить окончательно не берусь. Но что «четвертому не быть» — уверен. Пусть читатель сам рассудит, насколько «бедна» эта «бедная русская идея».

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ заметки не могли бы появиться, не живи мы в условиях общенационального кризиса, возможно, на его пиковой отметке. Лето 1990 года во многом напоминало лето 1917-го. Тогда Ленин соединил три идеи: идею прекращения империалистической войны; идею предотвращения национальной катастрофы; идею социалистического переустройства общества. Он выступил как гуманист и интернационалист, патриот и демократ, как революционер, и страна пошла за ним. Аналогичную формулу необходимо иметь и сегодня. Думаю, что без «русской идеи», модернизированной применительно к рубежу XX—XXI веков, составить ее нельзя.

Р. КОСОЛАПОВ,
доктор философских наук.

ЭДУАРД СКОБЕЛЕВ

ЧИТАЯ ТРОЦКОВОГО

Подлинное лицо «великого вождя революции»

В МАЕ 1918 года Совет Народных Комиссаров издал декрет о формировании вооруженных рабочих отрядов «для изъятия у кулаков хлебных излишков», а также декрет о хлебной монополии, по которому «все, имеющие излишки хлеба и не вывозящие его на сыпные пункты», объявлялись врагами народа. В июне ВЦИК принял декрет, направленный на смычку вооруженных рабочих отрядов и сельской бедноты.

Все это время Троцкий пропагандирует «крестовый поход» в деревню, призывает беднейших крестьян «разделить хлеб, вырванный у кулака» с «московскими пролетариями», требует «абсолютной и истребительной войны против кулаков», под флагом «радикализма» добивается повсеместного изъятия собственности и расширения масштабов гражданской войны: «Наша партия — за гражданскую войну!» (т. 1, с. 71).

В тысячах и тысячах хозяйств был принудительно отнят хлеб.

Можно спорить о степени необходимости «радикализации» событий, но никто не оспаривает факта, что продиктованный В. И. Лениным последующий переход от политики продрозверстки к продналогу был вызван не только враждебными настроениями крестьянских масс, но и тем, что реквизировать было уже нечего.

Таким образом, большевики, не желавшие в принципе тотальной гражданской войны, были поневоле втянуты в нее целенаправленными действиями сил, блокировавшихся с большевиками, действовавших от их имени, но преследовавших в революции прежде всего свои эгоистические, заговорщицкие цели.

Обыденное сознание рассматривает даже важнейшие веки событий как случайные и тем обрекает себя на полное заб-

луждение относительно действительных режиссеров исторического спектакля. Но сопоставьте некоторые события революции, и вы увидите бешеную и в то же время по-своему последовательную линию на «радикализацию»: выстрел Блюмкина приводит к разрыву с левыми эсерами, выстрел Каплан открывает дорогу «красному террору», мятеж чехословацкого корпуса ставит на ребро вопрос о принудительном изъятии хлеба, резко ухудшает отношения с крестьянством, приводит к массовой порче хлебных запасов и усилению бедственного положения людей, росту смертности и болезней,—не забывайте, что страна напрягалась с 1914 года. Эти примеры можно умножить...

Троцкий гнул свое. Заявив, что вся Европа голодает, что «там съедено все, что съедобно», он, распалая воображение голодных слушателей, порол немислимую чепуху: «Хлеб в стране есть... А разве у нас съеден урожай 16-го года, 15-го года! Ничего подобного! Есть огромные области, где урожай 1916 года не только не съеден, но даже и не обмолочен. Говорят, будто в Тургайской и Семипалатинской областях еще сохранились остатки урожая 14-го года. На одном Северном Кавказе сейчас имеется хлебных излишков не меньше, как 140 000 000 пудов... Вот и прикиньте: 140 000 000 пудов излишка, находящегося только на Северном Кавказе, могут хватить, стало быть, на 10 месяцев для всей страны» (т. 1, с. 77).

Стыдно продолжать: демагогия очевидна, политическая провокация налицо. Разве можно швыряться такими безответственными словами в условиях полного развала коммуникаций и нарастающего (также и в результате принудительных реквизиций) контрреволюционного движения?

Но послушаем лицедея: «Можно сказать с уверенностью, что если бы мы сейчас сумели наличным хлебом распорядиться

Окончание. Начало в № 1.

как следует... нам бы хватило его без нового урожая на год — до следующего 1919 года [разрядка моя. — Э. С.]. Но все наше несчастье в том, что мы еще не умеем, не научились пользоваться богатствами, имеющимися в советской стране» (т. 1, с. 77).

Повсеместные, ошеломляющие по масштабам изъятия золота, серебра, драгоценных камней, предметов культурной ценности и, наконец, зерна (иногда — подчистую) Троцкий считал «уроками» по использованию богатств, «имеющихся в советской стране». Это был невиданный национальный грабёж и неслыханное насилие, — все списывалось на революцию и «несознательные массы»...

Уже витала в воздухе иная политика, на которой настаивал Ленин, признав, что революционная власть совершила немало ошибок, потеряла немало времени впустую, не озаботившись потребностью скорейшего оживления хозяйственных отношений в стране. Но Троцкий все еще энергично препятствовал установлению иных, ненасильственных взаимоотношений революционной власти с крестьянством. Тотальную монополию на все ценности в стране, в том числе на хлеб, он пытался вывести из знаменитого закона 1915 года, установившего твердые цены на хлеб, — этот закон не отменило даже Временное правительство. Жонглируя понятиями, Троцкий без рассмотрения отвергал предложения, исходившие от рабочих-большевиков, — о повышении твердой цены на хлеб.

Не понимал он, к чему приведут массовые реквизиции? Или прямо рассчитывал на вычисленный эффект? Только новичок в политике мог давать в то время такой лозунг: «Кулаки — передовой отряд контрреволюции» (т. 1, с. 81), но Троцкий не был новичком...

Чтобы закончить эту многосложную, неисчерпанную, конечно, здесь тему, приведу выступление Троцкого 9 июня 1918 года: «Раздаются и такие голоса: «Зачем хлеб отнимать у кулака, когда можно добром обменять его на ткани, на металлические изделия!» Да в том-то и дело, товарищи, что у кулака все необходимое и так уже есть... Поэтому мы будем через комитеты бедноты отбирать хлеб у кулаков».

Вот такой демократизм, вот такая фарисейская логика!

Иные исследователи утверждают, что троцкисты — под видом борьбы за хлеб для революции — развязали непримиримую классовую борьбу в деревне, вычислив, что только в обстановке борьбы всех против всех (экономической, классовой, национальной и т. п.) они наилучшим образом обеспечат свои особые интересы.

Современные троцкисты сделали поправку на опыт народов, несколько изменили свою тактику и исходят ныне из того, что «всякая собака, чтобы оставаться собакой, должна грызть собственную кость»...

По упомянутому мной декрету от мая 1918 года каждый («кулак»), не объявивший хлебных излишков в течение недели, но избобленный представителями бедноты, лишенный своего хлеба и предавался суду, как за убийство, то есть получал не менее 10 лет каторги.

ЕСЛИ БЫ врагам нашего народа не удалось развязать тотальную гражданскую войну, под прикрытием которой были совершены немыслимые преступления и погублены лучшие национальные силы, история Советской России не приняла бы такой однозначный, драматический поворот*. Высказывания Троцкого «по национальным проблемам» полны злопыхательства по адресу «местного патриотизма», «кулаков и черносотенцев».

В докладе на V Съезде Советов 10 июля 1918 г. Троцкий указал: «Там, где железнодорожники представляют собой старые черносотенные кадры, где они идут на поводу у своих правленцев, там они встают против Советской власти и против Советской рабоче-крестьянской армии» (т. 1, с. 315).

Национальный вопрос был одним из главенствующих в Октябрьской революции. Что же это за «черносотенные кадры»? Не те ли это люди, которые поднимали вопросы национального освобождения и национального равноправия, но были ошельмованы при помощи «интернациональной фразеологии»?

Нынешние «радикалы», как известно, тоже широко пользуются гнусным и насквозь лживым ярлыком — «черносотенцы»: для них «черносотенцы» все те, кто видит новую беду и новый обман в подрывных действиях новых «радикалов».

Национальное высокомерие было весьма характерно для Троцкого. Протестуя против принятия добровольцев в регулярные части, он предупредил на совещании политработников Красной Армии в декабре 1919 года: «Командиров, которые это делают, надо привлекать к суду. Особенно это относится к украинским элементам [разрядка моя. — Э. С.], которые, по их словам, горят желанием бороться, — на три четверти они горят желанием грабить» (т. 2, с. 79).

Что-то пугало Троцкого. Он признавался, что в частях Красной Армии, соприкасающихся с отрядами Махно, «происходит разложение».

Подоплека событий тщательно замалчивалась: «Объявлять общую мобилизацию на Украине мы не будем, так как мобилизованный украинец с расшатанной психо-

* И в наше время лоббисты теневого капитала готовы повторить «вариант 18-го года», ввергнуть советское общество в братоубийственные распри, чтобы навязать стране свою диктатуру и свой способ «новой цивилизации». Вот отчего так важно глубоко продумать пережитое нашим народом. — Э. С.

логией [что же это такое! — Э. С.], при большом еще влиянии кулацкого элемента, проходит через казармы только для того, чтобы получить винтовку и возвратиться к себе домой» (т. 2, с. 80).

Это был явный и наглый поклеп на мужественный народ, внесший блистательный вклад в революционное обновление России, недоверие, которое нельзя объяснить никакими марксистскими выкладками.

И это — в то время, когда «красноармейские массы», «человеческий материал», как часто Троцкий называл Красную Армию (т. 2, с. 50), заметили, что председатель РВСР и Наркомвоенмор, кровавой рукой насаждающий повсюду «интернационализм», сугубо «классовый подход ко всем событиям», питает полное доверие лишь к одной национальной группе. На всех решающих участках в армии Троцкий ставил этих людей, что, естественно, порождало обоснованные подозрения в заговоре, в односторонности революционных процессов, наконец, в претензиях Троцкого на всю полноту власти в Советской России*.

Ставленники Троцкого нередко не проявляли революционного энтузиазма, тяго-

тея, как и он сам, к «райской жизни», занимались грабежами, пьянками и развратом, в то время как солдаты, командиры обязаны были нести все тяготы войны, проявлять героизм и любой ценой** выполнять приказы, потому что за неисполнение грозил расстрел.

Если добавить к этому еще и дискриминационное, пренебрежительное отношение к «военспецам», то вполне понятны станут масштабы перехода солдат и офицеров из Красной Армии к белым. Объяснить все это одними «кулацкими настроениями», конечно, нельзя. Дело доходило до скандалов: комиссар одной из бригад, еврей по национальности (т. 2, с. 105) сумел устроиться так, что на фронт с бригадой отправился не он, а другой комиссар.

Троцкий, естественно, не желал видеть проблему, по-прежнему громогласно заявляя, что «партия не знает национальных различий», то есть скрывал за общепартийной вывеской свой собственный политический гешефт.

Однако ему все-таки пришлось и прилюдно обрушиться на «антисемитские настроения» в армии, когда скрывать их дальше, бесшумно убирая «черносотенцев»,

* Большой материал на эту тему можно почитать в книге Арона Абрамовича «В решающей войне» (Тель-Авив, 1982 г.). Вот, например, данные о воинских дивизиях — еврейх, которые я привожу по «Военно-историческому журналу» (№ 8, 1990 г., с. 20—22): Я. Шварцман — 1-й Азербайджанской сводной стрелковой, А. Редер — 1-й Витебской стрелковой, М. Ахманов — той же дивизии, А. Гринштейн — 1-й Донской стрелковой, Клейтман — 1-й Заднепровской стрелковой, А. Хасис — 1-й Смоленской пехотной, М. Пошеманский — 1-й Туркестанской стрелковой, Гроссман — той же дивизии, Р. Азарх — 1-й Особой Вятской, Я. Аскольдов — 1-й Литовской стрелковой, С. Нордштейн — 2-й Московской пехотной, М. Розен — 2-й Новгородской пехотной, М. Левин — той же дивизии, А. Рихтер — 2-й стрелковой дивизии армии Советской Латвии, И. Полонский — 2-й стрелковой, Восков — той же дивизии, М. Дукальский — той же дивизии, И. Минц — 2-й Украинской советской дивизии, М. Мейер — 1-й Кавказской кавалерийской дивизии, А. Редер — 1-й Туркестанской кавалерийской, И. Зейликович — 2-й Кавказской кавалерийской дивизии, Н. Ефунн — 2-й Старопопольской кавалерийской дивизии, Н. Фельдман — 3-й Кавказской стрелковой, С. Нордштейн — 3-й стрелковой, М. Харитонов — 3-й Украинской, Я. Левин — 3-й Туркестанской кавалерийской, З. Дубинский — 4-й Украинской стрелковой, Л. Аронштам — 4-й стрелковой, И. Полонский — 5-й Московской пехотной, Я. Петерсон — 6-й Орловской стрелковой, В. Лихтенштадт — 6-й стрелковой, Н. Рабичев — 7-й стрелковой, З. Быч — 9-й стрелковой, Л. Лемберг — той же дивизии, А. Вайман — той же дивизии, С. Восков — той же дивизии, И. Бык — той же дивизии, М. Лисовский — той же дивизии, Л. Гордон — 9-й кавалерийской Крымской, Л. Жмудский — 10-й Тамбовской стрелковой, С. Восков — той же дивизии, И. Кригер — той же дивизии, Е. Дрейцер — той же дивизии, Я. Асколь-

дов — 10-й стрелковой, И. Розенблюм — 11-й Петроградской стрелковой, И. Шелехес — 13-й стрелковой, М. Дукальский — той же дивизии, Л. Рубинштейн и Е. Рабинович — той же дивизии, М. Белицкий — 11-й кавалерийской, Л. Лозовский — 16-й стрелковой, А. Дубсон — 16-й кавалерийской, М. Крожеский — той же дивизии, А. Редер — 17-й Нижегородской стрелковой, М. Ахманов — той же дивизии, М. Авсаргов — 19-й стрелковой, А. Лиде — 21-й Пермской стрелковой, И. Гринберг — 21-й кавалерийской, Р. Ицковский — 22-й стрелковой, И. Рабинович — той же дивизии, В. Лившиц — 24-й Симбирской железной стрелковой, В. Таль — 25-й стрелковой имени В. И. Чапаева, А. Шифрес — 26-й Златоустовской стрелковой, Л. Аронштам — 28-й Горской стрелковой, А. Стельмах — той же дивизии, Н. Елецкий — той же дивизии, И. Герт — той же дивизии, Е. Айзенштадт — 30-й Иркутской стрелковой, Е. Коноховский — 32-й стрелковой, Е. Тольский — 34-й стрелковой, Л. Зильберберг — той же дивизии, И. Гольдшмидт — 41-й стрелковой, М. Рухимович — той же дивизии, М. Розен — той же дивизии, И. Шварц — 43-й стрелковой, А. Гринштейн — 45-й Волынской стрелковой, И. Якир — той же дивизии, И. Минц — 46-й Екатеринославской стрелковой, Л. Мехлис — той же дивизии, Ф. Боронский — 48-й Тверской стрелковой, Д. Скалов — той же дивизии, С. Вотначин — 51-й Перекопской стрелковой, К. Шварц — той же дивизии, Е. Брауде — 53-й стрелковой, Л. Гордон — 54-й стрелковой, М. Дукальский — 55-й стрелковой, М. Темкин — 57-й стрелковой, Ю. Капловский — той же дивизии, Я. Гамарник — 58-й стрелковой, Л. Шнитман — 61-й стрелковой, Л. Жмудский — Вятской пехотной, И. Герт — Морской экспедиционной дивизии, А. Вольпе — Новоузенской пехотной.

** «Нашей Красной Армии поставлена столь высокая цель что никакие жертвы не могут оказаться слишком высокими для ее достижения» (т. 1, с. 355).

стало невозможно, — в связи с переходом к колчаковцам комбрига Котомина. За этим неординарным человеком Троцкий, скрипя зубами, признал определенные положительные качества («не глупый, не лишней наблюдательности и характера» — т. 2, с. 104). Но лишь для того, чтобы «объективной» очернить его.

«Дело Котомина» вынудило Троцкого к написанию специальной статьи, опубликованной 13 октября 1919 года в «Известиях ВЦИК».

Стоит подробнее остановиться на ней, так как демагогия Троцкого и его подручных, их умение играть на настроениях невежественных людей представлено здесь весьма выпукло. Никакого анализа фактов, изложенных в докладе полковника Котомина колчаковскому руководству и опубликованных затем во многих белогвардейских изданиях, Троцкий, понятно, не сделал; без тени стыда он изобразил дело так, будто Котомин излишне преклоняется перед способностями и дарованиями евреев, и затем успешно опроверг этот приписанный оппоненту взгляд, — прием, считающийся в определенной среде классическим и называемый иногда «перетаскиванием одеяла», поскольку оправдывается потом приходится тому, кто доискивается правды.

«Еврей-комиссары далеко не составляют такого крупного процента, как это изображает белогвардейские доклады, листки и газеты, — писал Троцкий (т. 2, с. 105). — Но несомненно все же, что процент этот достаточно значителен [разрядка моя.—Э. С.]. Котомин, подобно многим другим антисемитам, причины значительного числа евреев-комиссаров видит в особенных способностях и дарованиях евреев. Он раза два говорит об их «большой талантливости». На самом деле, такая оценка еврейства решительно ничем не вызывается».

Разумеется, не вызывается. И Котомин писал совершенно не об этом. Но все-таки: по какой причине комиссарский корпус, контролирующей войска, оказался в многонациональной стране практически в руках лиц лишь одной национальности? Троцкий не только не ответил на этот вопрос, но закончил спор невнятными, но явными угрозами: «Антисемитизм есть не только ненависть к еврейству, но и трусость перед еврейством. У трусости глаза велики, и она наделяет врага [разрядка моя.—Э. С.] совершенно неприступными ему чрезвычайными качествами. Общественно-правовые условия жизни еврейства достаточно объясняют его роль в революционном движении»*.

* И в контрреволюционном тоже, особенно в периоды, когда неясно, на чью чашу весов история опустит свое предпочтение. Отсылаю читателя за справками к публикациям, проливающим некоторый свет на положение в штабах Махно, в тыловых службах Деникина, в целом в белогвардейской печати, в том числе заграничной. — Э. С.

Я верою этот вопрос вовсе не для того, чтобы нагнетать страсти, но исключительно ради признания правды, которая, будучи непризнанной, остается причиной раскола и недоразумений, я поднимаю вопрос для того, чтобы никто и никогда более не соблазнился ни явно, ни исподтишка навязывать народам гнилую и кровавую идею национального превосходства, — равенство, и только равенство поведет народы к общему процветанию, равенство, началом которого должно стать искреннее покаяние в совершенных несправедливостях и преступлениях.

Замолчать правду отныне не удастся, как и заткнуть рот при помощи деспотических, расистских законов, — возвращением к болезненным точкам прошлого мы выполняем долг перед теми своими соотечественниками, которые пали жертвой наглой националистической агрессии. И этот акт справедливости должен быть с удовлетворением встречен всеми, кто сохраняет светлую голову и добрую волю к единению народов на новой основе.

БОЛЬШОЙ поклонник системы Тэйлора, американского инженера, рекомендовавшего строить производственные процессы на основе учета физиологии рабочего человека, Троцкий мечтал о введении тейлоризма во все поры жизни. Особенно его привлекал тейлоризм для Красной Армии: «Мы этой идеей военного воспитания, точностью и исполнительностью действий пропагандируем все воспитание детей, молодежь, милитаризуя, в лучшем смысле слова, всю страну» (т. 2, с. 127).

Эти идеи настойчиво внедрялись. Развернув гигантскую по численности армию, Троцкий замыслил при ее частичной демобилизации образовать «трудовые дивизии», то есть обеспечить себе диктаторскую роль не только в военных, но и в «мирных» делах. «Через этих солдат мы будем мобилизовывать промышленность, введем всеобщую трудовую повинность, и не только на бумаге, но и на деле (т. 2, с. 128).

Всеобщая трудовая повинность, тотальное подавление и расправы силами заданных — вот, по Троцкому, идеал для народа. Он восхищался примерами, «когда солдаты приговаривали своих же товарищей к порке, даже к расстрелу» (т. 2, с. 131). «Это не одно и то же, когда аристократический начальник порет мужика, или когда 100 Кудиничей приговаривают 101-го к какому-либо наказанию за то, что он украл штаны» (там же).

Да, на основе «шахматных расчетов», которыми обставлял свои кошмарные политические партии Троцкий, это не все равно: люди — колесики и винтики, из которых «всемирный часовщик» собирает свой механизм. Но для живого, реального человека решительно все равно, кто его порет; и задача состоит, конечно, не в том, кто будет пороть, но только в том, чтобы устранить социальную неиз-

бежность насилия над личностью, воровства, невежества и бедности.

В той «вселенской республике», которая была идеалом Троцкого, культура и богатство для народа не предусматривались; там считался достаточным ремешок для коллективной порки, обстановка концлагеря.

Троцкий исходил из того, что человека нужно вздернуть на дыбу всеобщего обозрения, чтобы он ни на минуту не был вне бдительного контроля властей или товарищей, выполняющих функции властей. «Заперся в своей квартире и — все остальное ничем» — это, по словам Троцкого, «мелкобуржуазный, индивидуальный эгоизм, шкурничество», «варварская грубость» (т. 2, с. 131).

Какой цинизм! Какая гнусность! Люди, даже лучшие из коллективистов, избегают постоянного контроля. Это необходимость нормальной психики — тишина, расслабленность, самосозерцание. Это все пути к духовному совершенству. Но Троцкий, зная об этом, потому и не хотел позволить «работникам всемирной армии труда» развиваться в личности: «С течением времени коллективизм, солидарность все больше будут охватывать людей, и через сто лет [разрядка моя.—Э. С.] мы поднимемся на большой уровень в материальном и, тем более, в духовном отношении. Все это случится благодаря коллективизму, который станет, если хотите, новой религией... И этой-то идеей нужно пропитать армию, народ, школу, фабрику и деревню» (т. 2, с. 131). Это лагерный «коллективизм» — коллективизм стаи, при помощи которого усредняют и подавляют личность. Об этом, подлинном коллективизме как сообществе свободных и совершенных личностей не было, разумеется, и речи.

В «тезисах о переходе к милиционной системе», подготовленных к IX съезду РКП, Троцкий предлагает: «Личный состав милиционных кадров должен затем постепенно обновляться в направлении теснейшей связи с хозяйственной жизнью данного района так, чтобы командный состав дивизии, расположенной на территории, охватывающей, например, группу горных заводов с примыкающей к ним деревенской периферией, состоял из лучших элементов местного пролетариата» (т. 2, с. 134).

Мороз по коже от таких захватывающих перспектив. Но именно такие перспективы готовили и готовят людям сочинители все новых «религий» — бравые «р-р-революционеры».

Если Троцкий о чем-либо и сожалел, так только о том, что «метла из колючей проволоки» в его руках была недостаточно велика. Он требовал ужесточения приговоров военных трибуналов, которые, как известно, опирались исключительно на «революционное правосознание», то есть допускali полный произвол. Троцкий оправдывал произвол тем, что никакие, мол, законы «не могут поспеть за быстрым бегом революции».

Когда после злодейского выстрела Кап-

лан лишь случайно уцелевший В. И. Ленин оказался на больничной койке, именно под давлением Троцкого 5 сентября 1918 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров, в котором террор был объявлен «прямой необходимостью», подлежали «растрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам», вводились концлагерные лагеря. В сочетании с чрезвычайным правосудием в виде «троек» и «пятерок» коллегий ВЧК это означало смерть для всякого, кто осмеливался протестовать против действий представителей «революционной власти». Этой системе были необходимы «шарики», она их плодила, она их поощряла, потому что с их помощью можно было издеваться над всем народом.

Троцкий «додумался» и до заградительных дивизионных и армейских отрядов, которым было вменено в обязанность расстреливать отступающие части. В приказе от 9 августа 1919 года по 14-й армии Троцкий прямо указывал: «Пока у дивизий 14-й армии не будет своих надежных заградительных отрядов, установление твердого порядка и дисциплины остается невозможным» (т. 2, с. 260). Тут же содержалось требование «чистки командного состава»: «Только суровой расправой, беспощадными карами за предательское самовольство можно приучить украинский командный состав к строжайшему выполнению боевых приказов» (там же).

Бумага терпит любую ложь. Но, право, содрогаясь, видя, с какой наглостью Троцкий выгораживает одних и репрессирует других, обвиняя их в «погромах» и «черносотенных настроениях»*.

Наивные украинские товарищи!

* Даже и в «сталинские времена» троцкисты продолжали успешно гнуть свое. М. З. Лурье (Ю. Лурье), тесть Бухарина, в своей книге «Евреи и антисемитизм в СССР», изданной в 1929 году, писал, выражая все ту же сегрегационную, разрушительную, репрессивную по отношению ко всем другим народам точку зрения: «Надо, чтобы масса подозрительно настроивалась против каждого, кто будет проявлять своим поведением, выражениями и разговорами сочувствие антисемитизму. Надо, чтобы в таком человеке масса видела или тайно — контрреволюционера... или такого темного человека, который по своей темноте едет игрушкой... тайных монархических организаций» (Молодая гвардия, № 9, 1989, с. 235).

Какая знакомая методка! Что здесь от марксизма-ленинизма, что здесь от интернационализма? М. З. Лурье и ему подобных не интересует, какие идеалы исповедует тот или иной человек, — едва он выразил неодобрение по отношению к засидию, «масса» (ослепленная, ввергнутая в нищету, постоянно подвергаемая запугиваниям и промывке мозгов) должна трепать его, видеть в нем «тайного монархиста». Вот они, доносы, вот они, шельмования, вот она, жандармская все новой народной кровушки. Что же «писатели» типа Лурье не озаботились положением и бытом казахов, новиков, чукчей, украинцев, русских, поляков?.. Увы, увы, такова правда...

Впрочем, так же наивно вело себя и донское казачество, которое провоцировали на возмущение, полностью отстраняя его представителей от участия в местных органах власти. Все действия против казачества определялись «принципиальным отношением» Троцкого: «Казачество — только слепое и тупое орудие в руках монархистов-помещиков... Нужно заставить трудового казака почувствовать себя не казаком, а рабочим и крестьянином» (т. 2, с. 173).

Когда же командир 23-й дивизии казачий полковник Миронов, возмущившись, потребовал от Советского правительства восстановления справедливости по отношению к трудовым казакам, он был ошеломлен представителем Троцкого. Миронов был схвачен и впоследствии расстрелян.

Нет никаких моральных сил читать подряд все новые и новые человеконенавистнические статьи и приказы Троцкого (главные документы еще под спудом!): выясняется, что это чудовище шло по горам трупов революционного народа. Ради химерической «всемирной республики» оно было готово «сражаться» до последнего донского казака, до последнего украинского хлебороба, до последнего великорусского рабочего. Опасности революции, тяжелое, критическое положение Советской власти использовались лишь как ширма. Они и создавались для того, чтобы расчищать почву для новых «архитекторов».

БОЮСЬ, нам еще долго не устанавливать всю меру преступности Троцкого и всю провокационность его действия, тем более, что число явно осмелевших ходоков за него нарастает и этот злобный факт очень многозначителен: кому-то, верно, вновь понадобился его методический багаж...

Спросят: что же В. И. Ленин? Почему не «поправил» Троцкого?

Отвечу: поправлял и Троцкого, и всю его компанию много раз, предостерегал всех от «детской» болезни «левизны» в коммунизме, но, видимо, просто не сумел настоять на своем. Гнал их в дверь, а они лезли в окно. Сил не хватило, и политических, и физических, и пришлось идти на компромиссы, ибо троцкисты вступили в блок с большевиками на определенных условиях, так что отказаться от их «услуг» было вовсе не просто, а может, и невозможно...

Теперь для меня очевидно, что именно Троцкий более всего разжигал ажиотаж вокруг мировой революции, более всего грешил о захвате мировой власти. Вот некоторые из его «пламенных призывов»:

— «Освободить Европу от кошмара империалистического ада» (т. 1 с. 41).

— «Нам... нужно позаботиться ...чтобы быть вооруженными такой армией, которая, во-первых, отвечала бы характеру и духу Советского режима, а во-вторых, — сумела бы оборонять его и содействовать мировой революции» (т. 1, с. 42).

— «Если бы люди не были пригодны для коренного переустройства своего общества, не сумели бы осуществить коммунизма, то все человечество не стоило бы выведенного яйца» (т. 1, с. 49).

— «Если бы оказалось, что мы не справимся с теми испытаниями ...когда мы взяли власть, то, стало быть... человечество есть не что иное, как навозная куча» (т. 1, с. 49).

«Навозная куча» — для кого?..

В. И. Ленин, как политический деятель, как личность, стоит неизмеримо выше Троцкого во всех отношениях. Тут нечего даже сравнивать. И тем показательней суждения Троцкого о Ленине (больном, обреченном человеке), какие черты он выделяет и отмечает прежде всего? Какие собственные цели преследует при этом?

Какого бы вопроса ни касался Троцкий, он стремится прежде всего обосновать свои особые политические амбиции, прицепить свой интерес к чужим интересам. Что же он хотел внушить публике и партии, давая собственную интерпретацию ленинской фигуры?

Я полагаю, ответ более чем прозрачен.

«Интернационализм» Ленина — никак не формула словесного примирения национального с интернациональным, а формула международного революционного действия» (разрядка моя.—Э. С., т. 8, с. 3).

«Ленин олицетворяет собою русский пролетариат — молодой класс, которому политически, пожалуй, не больше лет, чем Ленину от роду, но класс глубоко национальный, ибо в нем резюмируется все предшествующее развитие России, в нем все ее будущее, с ним живет и падет русская нация» (разрядка моя.—Э. С., т. 8, с. 5).

«У этого самого бесспорного из вождей пролетариата не только мужицкая внешность, но и крепкая мужицкая подоплека... Ленина даже мысленно никак не оденешь в черный сюртук» (сравнивает его с «эстетом» К. Марком.—Э. С., т. 8, с. 6—7).

«Самый стиль Маркса, богатый и прекрасный, сочетание силы и гибкости, гнева и иронии, суровости и изысканности, несет в себе литературные и эстетические накопления... Литературный и ораторский стиль Ленина страшно прост, утилитарен (разрядка моя.—Э. С.), аскетичен, как «весь его уклад» (т. 8, с. 7).

Итак, нельзя не заметить, что Троцкий принижает, упрощает Ленина, подсовывает Ленину свои мысли, хочет закрепить свою претензию на исключительность оценки. Известно, гения посылить оценить только гению, и поэтому всякий пигмей старается «охарактеризовать» гения: одно это уже как бы добавляет роста.

Ленин для Троцкого — фигура мужицкая, более сметливая по-русски, нежели вооруженная культурой (другое дело, дескать, К. Маркс). Да и выделяет он в Ленине только то, что служит неким наднациональным планам революции — очень характерный штришок!

Характерно и то, что Троцкий погружает Ленина в некую ничтожную среду, навязывая свой, пропагандистский образ дореволюционной России и дореволюционной культуры: «варварская жестокость самодержавного государства» (позволявшая, кстати сказать, революционерам пополнять свое образование, бежать из тюрем и ссылки, в т. ч. за рубеж*), «ничтожество привилегированных классов» (а сколько выдающихся мыслителей и подвижников дало дворянство!), «вымороченный характер русской буржуазии», «упадочность ее идеологии» (и с этим можно и нужно поспорить!). Троцкий издевательски перечеркивает наследие русской истории, утверждая, что она «не дала в прошлом ни Лютера, ни Фомы Мюнстера, ни Мирабо, ни Дантона, ни Робеспьера» — «именно поэтому русской пролетариат имеет своего Ленина» (т. 8, с. 6). Мол, на безрыбье и рак рыба...

Что и говорить, при таком отношении к русской истории и фигуре Ленина нельзя было не упомянуть о предстоящей гибели русской нации («с ним живет и падет русская нация») — нужна ли она как таковая общепланетному масонскому дому?..

КАКОЙ ЖЕ вывод следует из работ Троцкого? Неоспоримо, что Троцкий с первых дней революции повел ожесточенную, преимущественно завуалированную борьбу за использование партии и лозунгов партии в собственных интересах; ради этого извращалось учение об освобождении трудящихся, — оно использовалось более всего как стрекало для волов на пашне. Все это подавалось, разумеется, под фарисейским соусом пылких забот о судьбах революции, тщательно маскировалось от «народных масс», и темные, измученные люди часто клевали на «р-р-революционную фразу», потому что по привычке верили в искренность вышестоящих, хотели скорейшего изменения своего политического, экономического и морального положения, не понимая, что изменения не дадут никакие новые лозунги и новые декреты, но только принципиально новая, истинно социалистическая организация общества, — что они знали об этой организации?

Обстоятельно ознакомившись с писаниями Троцкого, я теперь лучше понимаю, отчего вопрос о возможности построения социализма в одной стране, поднятый Сталиным, вызывал яростную злобу троцкистов: этот курс означал отказ от международных авантюр масонского толка, отказ от разжигания мировой революции в ее троцкистском исполнении. Так что «теория», как всегда, скрывала весьма существенные расхождения на практике.

Стала более понятна подоплека напористой кампании, которая ведется в сегод-

няшней «радикальной» печати в пользу реабилитации Троцкого: стараются реабилитировать его политические принципы, которые нельзя расценить иначе, как принципы беззастенчивой эксплуатации революционных ожиданий народов, принципов ловкого манипулирования общественным сознанием ради обеспечения политических интересов амбициозного меньшинства.

Один из прусских монархов XVIII века как-то сказал, обращаясь к своему опленту: «Если бы мои и ваши солдаты знали, из-за чего мы воюем, война была бы невозможна». Перефразируя эту фразу, я сказал бы так: «Если бы люди сейчас знали о всех задних мыслях, заполняющих страницы «леворадикальных» изданий, они совершенно иначе отнеслись бы к своему участию в общественной жизни».

Троцкизм принес народам Советской России величайшее, неизгладимое горе, на десятилетия предопределил ненормальное, тюремное существование общества. Историческая вина Троцкого и его приспешников состоит в том, что они оказали мощнейший «леворадикальный» нажим на революционный процесс, на партию, использовали русскую революцию в собственных целях всемирного пожара*. Массовые насилия объективно отрезали путь к тому социализму, ради которого поднялись на борьбу народы. Недоверие к личности, полное игнорирование ее многообразных интересов исключало политическое и социальное прозрение и предвидение, обрекло государственное управление на инерционное продолжение террора.

Нет сомнения в том — это уже повсюду признается, — что Сталин был подвержен сильнейшему воздействию троцкизма, по крайней мере, в довоенный период.

Подчеркивая этот факт, я хочу сказать, что только троцкистским нажимом можно объяснить появление в СССР сегрегационных, расистских по существу государственных актов, обращенных своим острием против отдельных наций и создающих исключительное положение для других наций. Я имею в виду не только гнусное преследование поволжских немцев, крымских татар и других, но и гнусный закон об антисемитизме, по которому сотни тысяч ни в чем не повинных людей были осуждены к смертной казни, закон, который позволял десятилетиями скрывать правду о бедственном, кабальном положении народов.

* Мировая революция в устах Троцкого и мировая революция в устах Ленина — совершенно разные, пожалуй, понятия, несмотря на совпадение терминологии. Ленин думал о всемирном освобождении закабаленных. Троцкий рассчитывал использовать энергию трудовых масс для искоренения всех имущих классов и построения особого, казарменного государства для избранных: «Советская власть существует и будет существовать... для установления европейской и мировой республики труда» (т. 1, с. 287). Эта злобная мысль лежала в основе всех политических калькуляций Троцкого. — Э. С.

* Да и сам Троцкий бежал из ссылки, прихватив фамилию тюремного надзирателя. — Э. С.

Все эти дискриминационные законы — преступление Сталина и его окружения, несмываемый позор извращенной советской системы.

Скорейшее осуждение и публичная отмена этих гнусных, бесчеловечных законов — одно из главных условий национального умиротворения!

Что же такое троцкизм?

Троцкизм — это международное политическое течение террористического толка, паразитирующее внутри коммунистического и рабочего движения, стремящееся использовать революционную энергию трудящихся в своих заговорщицких целях. Выявление троцкизма не представляет особой сложности. Это всякий раз:

— подчинение интересов личности некоей химерической, реально не обозримой общности, «общим задачам», за которыми прячутся замыслы троцкизма;

— тотальная обработка массового сознания с помощью лживой пропаганды, канонизирующей мысли и чувства, а также с помощью репрессий по отношению к тем, кто противится идеологической унификации;

— фактическое отношение к людям как к «строительному материалу» — при самой бурной показухе заботы о коллективах;

— использование таких «демократических методов», которые обрекают большинство людей на вынужденную мелкую суету, в то время как реальная власть принадлежит неконтролируемому «междусобойчику»;

— игнорирование подлинных национальных интересов народов — при самой безудержной демагогии на этот счет, попытка утопить энергию народа во взаимных национальных претензиях и стычках — с целью навязывания пресловутого «разделяй и властвуй»;

— стремление к идеологическому господству, усиленное насаждение своих сторонников в средствах информации, в политических и культурных организациях, в партиях;

— беспощадная борьба против правды положения и против носителей этой правды, подмена политики тупиковыми лозунгами, систематические мобилизации на акции поддержки своих действий — в целях дрессировки и унификации;

— массивное вытравливание национально-культурного самосознания, очернение прошлого народов с высот абстрактной «революционной» фразы;

— изображение собственных интересов как настоятельных интересов «масс»; — наукообразие всех «теоретических построений», логика ложной системы социальных и политических координат;

— борьба за монополию знаний, за влияние на культурный слой народа. Не простая амбициозность, а часть системы: «без нас и вне нас не может быть истины»;

— паразитирование на творческом наследии наиболее выдающихся и популярных деятелей, истолкование чужих мыслей в собственных интересах;

— отсутствие политической системы взглядов как инструмента познания и обнаружения истины, изложение взглядов как определенной позиции;

— отрицание ценностей народной культуры, пропаганда таких проявлений «личной свободы», которые ведут к деградации личности, к отказу ее от политической борьбы и активной гражданской позиции [алкоголизм, наркомания, порнография, сексуальные извращения, поощрения всех форм суеверий и морального распада];

— стремление превратить трудящихся всех стран в работников, подконтрольных политически, идейно и экономически супернадзорным, анонимным системам; использование в этих целях как псевдосоциалистической доктрины, так и необуржуазной, предполагающей устранение национально-государственных, торговых и прочих «перегородок»;

— тяготение к мировому правительству под видом «общей братской артели», «мировому языку» и оккультизму как способу идеологического господства за счет паразитирования на самых новейших открытиях науки — путем ее сопряжения с мифами и вымыслами о полной беззащитности человека перед иррациональными силами...

Нас давно убеждали мастера исторических перелубовок, такие, как Л. Шапиро, И. Дейчер, Г. Брамм, что троцкизм никогда не противостоял большевизму. Ныне наше сознание полощет в этих же целях вся «леворадикальная» пресса. Вот что выделяет в статье о Троцком, например, «Спутник», цитируя Д. Волкогонова: «Есть основание считать, что Троцкий в годы его активной деятельности в партии (1917—1924 гг.) не был врагом революции и социализма» (т. 5, с. 82).

Я полагаю, как раз для этого-то и нет никаких оснований.

И тут мы имеем дело либо с глубочайшим заблуждением, либо с прицельной ложью, когда путем признания и осуждения разных пустяков пытаются протащить в нашу жизнь нечто губительное.

Нет, «прорабам перестройки» не удастся навязать представление о Троцком, как «импульсивном и самовлюбленном таланте», сутью Троцкого было совсем другое — умышленные чудовищные преступления против революционных народов Советской России и всего мира.

Зачем «леворадикалам» понадобилось отмывать Троцкого в «перестройке», как бесчестно заработанные миллионы в кооперативах? Не затем ли, чтобы в новом варианте повторить весь кошмар нашей истории! Не затем ли, что под изъеденным молью «флагом демократии» на место провокационной, авантюристической «перманентной революции» утвердить «перманентную контрреволюцию»!

Проницательнейший Ленин подметил в личности Троцкого такие фундаментальные изъяны, от которых никто и никогда не освобождался под влиянием критического слова: «подлый карьерист и фракционер» (Полн. собр. соч., т. 47, с. 188).

Ленин разглядел в Троцком двоедушие, фарисейство и демагогичность, то, что не могут разглядеть люди с аналогичными свойствами: «Троцкий, который, как и всегда, ни в чем принципиально не согласен с социал-шовинистами, но во всем практически согласен с ними» (Полн. собр. соч., т. 26, с. 295).

Ленин предостерегал нас: не верьте звонкой фразе Троцкого, ищите подоплеку, ищите подлый интерес. «Троцкий объединяет всех, кому дорог и люб идейный распад; всех, кому нет дела до защиты марксизма...» (Полн. собр. соч., т. 20, с. 46).

А вот что писал Ленин в феврале 1917 года (!) по поводу политических махинаций Троцкого в США: «Сей мерзавец сразу снюхался с правым крылом «Нового Мира», против левых циммервальдцев! Так-то! Вот так Троцкий! Всегда равен себе — виляет, жульничает, позирует как левый, помогает правым...» (Полн. собр. соч., т. 49, с. 390).

Троцкий вошел в партию большевиков со своими сторонниками летом 1917 года, обещая партии поддержку и помощь, но, как выяснилось, ни на йоту не отступил от своих прежних замыслов и целей. В. И. Ленин, конечно, видел эту тактику: «Всякий оппортунист отличается приспособляемостью... Меньшевики, как оппортунисты, приспособляются, так сказать, «из принципа» к господствующему среди рабочих течению, перекрашиваются в защитный цвет, как заяц становится белым зимой» (Полн. собр. соч., т. 44, с. 124).

Все это нужно иметь в виду и с учетом этого оценивать политический «союз» с троцкистами накануне решающего этапа революции. Этот союз был вынужденным, и даже В. И. Ленин не сумел предвидеть его роковых последствий...

ИСТОРИЯ, увы, повторяется, и в случае с «киудшкой» Троцкий всем нам хорошо известны и крикливые демонстрации против партии (тотчас якобы теряющей «боевой смысл авангарда», едва ставятся под сомнение претензии группки, стремящейся стоять над партией и над народом), и провокационные предложения по ослаблению экономического союза и взаимодействия между рабочими и крестьянами, а на заключительных этапах — и предложения по «сращиванию» с национальными, всемирными, а по сути империалистическими системами, капитуляция перед ними...

Один из крупнейших советских публицистов Карем Раш в очерках «Армия и культура» (см. «Военно-исторический журнал» № 8, 1989, с. 6) охарактеризовал Троцкого как «самое трусливое и самое кровавое существо», которое когда-либо было известно истории России. «Родина начинается не с березки, а с семьи и дома родного, и там спасение, — справедливо говорит он. — Пусть дети подрастают в этом доме, никогда не слыша ночного стука в дверь, и видят утром улыбки отца и

матери. Чтобы из дома ушли и подозрительность взаимная, и настороженность, и ожесточение, мы должны идти вслед за тем, кто указал жизнью нам путь, вслед за Жуковым, убравшим сталинистов, Берию и Молотова и добившим фашизм в Берлине, вслед за ним предать анафеме и забыть как Троцкого, так и Сталина, как Лейбу Бронштейна, так и Иосифа Джугашвили. Убийцы вне закона! Другого пути не дано. Это есть и перестройка, и правозаое государство...»

Опасность всемирной диктатуры значительно возросла. Увы, ныне она особенно реальна, эта опасность. И если народы закопаются в ничтожных склоках, в которые их впутывают, если не увидят, куда направляется колесо роковых событий, дело окончится всемирной катастрофой. Трагедия русской революции повторится, только в ином уже виде и с иными по масштабам потерями для цивилизации.

Нет ничего опаснее невежества и бесчестия. Невежественных и бесчестных прежде всех других увлекают лозунгами, которые ловко подсовывают смутьяны. Но еще опаснее высокомерие и равнодушие, предписывающие дожидаться «естественных плодов», потому что история, как и природа в целом, находится ныне в цепях: на ее развитие все большее влияние оказывают односторонние олигархические силы. Они торопятся, пытаются осуществить свои давние планы: превратить всех трудящихся земли в новых наемных рабов, рабов с укороченной программой существования. Ради этого работает целая индустрия умерщвления и стерилизации.

Кошмар? Да, кошмар. Кошмар, который мы не имеем права допустить.

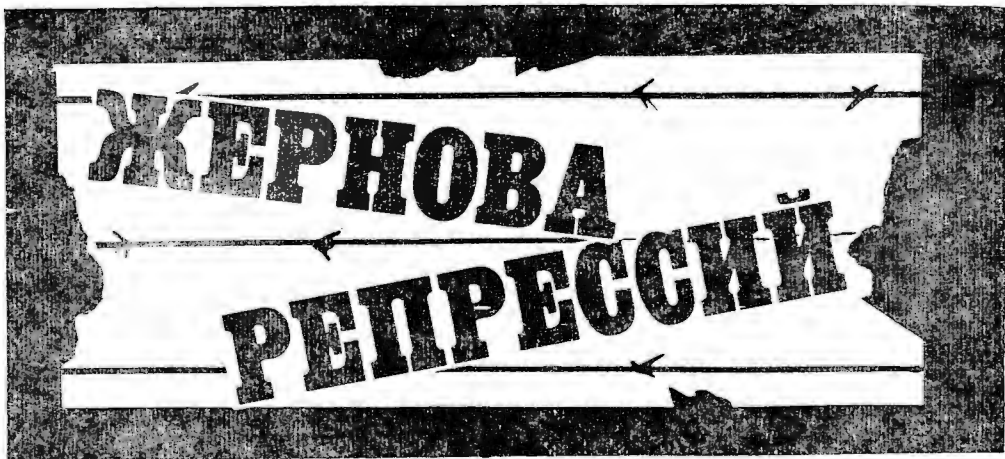
Именно поэтому долг всех честных людей — не поддаваться на запугивания и демагогию, дерзать, прорываться в грядущее, учитывать все прошлые ошибки.

Я менее всего указываю пальцем на врага — хочу, чтобы люди осознали сложность проблем, которые стоят перед всеми — независимо от социального облика и национальной принадлежности, хочу, чтобы осознали, что расшатывание и деградация личности — та ахиллесова пята, которая кладет начало загниванию любого общественного движения, любой формации. И это гибельные расчеты — убивать личность в «чужих», чтобы укрепить ее в «своих»...

Троцкизм подавлял личность из народа, превращал ее в механизм осуществления «общих интересов», которые на деле были интересами узкой барствующей группки. Эксперимент обошелся морем крови и страданий. Можно ли забыть об этом? Нет. Можно ли простить? Нет.

Но можно и должно сделать выводы, ибо мы не вчера родились и еще не завтра умрем, оставляя жить и процветать этот прекрасный и единственный мир.

Гонорар за статью прошу полностью перечислить в фонд помощи семьям военнослужащих, погибших при выполнении воинского долга.

ЧКВД И ГЛАВНАЯ ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА: ПРОТИВОСТОЯНИЕ

22 октября 1938 года был арестован мой муж Быстрых Николай Михайлович. Содержался в Лефортовской тюрьме, и в течение полутора месяцев мне была разрешена денежная передача, а затем объявили, что он осужден на 10 лет в режимные лагеря без права переписки, и до сих пор о муже мне ничего неизвестно...

БЫСТРЫХ А. М.

КАК ОТВЕТИТЬ Анне Михайловне, письмо которой было переслано в военную прокуратуру? Получается, что ложь была нормальным явлением даже в официальных документах, подписывавшихся самыми высокими инстанциями. Ведь 22 октября 1938 года Николай Михайлович Быстрых, бывший начальник внутренних войск, по обвинению в участии в заговорщической организации и проведении вредительской работы приговором военной коллегии Верховного суда осужден к высшей мере наказания — расстрелу без права обжалования приговора и помилования. Следствие вел лейтенант госбезопасности Родос, председательствовал по делу Ульрих. Приговоры тогда приводились в исполнение немедленно.

28 сентября 1956 года определением того же высшего судебного органа Быстрых Н. М. посмертно реабилитирован и с него все обвинения сняты за необоснованностью.

Итак, с интервалом почти в 20 лет состоялось два совершенно противоположных решения военной коллегии в отношении одного и того же человека и по поводу одних и тех же обстоятельств. Как же это все могло случиться, почему не было контроля за деятельностью репрессивного аппарата и где находился прокурорский надзор? Однозначного ответа на эти вопросы дать невозможно.

Непросто складывались взаимоотношения между военной прокуратурой и особыми

отделами, представлявшими ведомство ОГПУ в воинских частях и соединениях. Наделяемые чрезвычайными полномочиями в целях защиты государственной безопасности и пресечения деятельности явных и скрытых врагов Советской власти, именно чекисты являлись щитом революции и ее карающим мечом. Полностью отдавая себя работе, далеко не все они имели возможность получить необходимые правовые знания. Так постепенно некоторые из них, уверовав в собственную исключительность и непогрешимость, стали только за собой признавать право на истину в последней инстанции.

Военные прокуроры первыми ощутили ту опасность, которую заключали в себе даже малейшие проявления беззаконий, и привлекли к этому вопросу внимание вышестоящих инстанций.

В АРХИВАХ о взаимоотношениях с ОГПУ сохранилось обращение Орловского к Главному военному прокурору от 7 июня 1927 года в связи с препятствием ОГПУ в восстановлении на службе командира взвода войск внутренней охраны Ляхова, незаконно уволенного по настоянию работника особого отдела. «Полагаю, что постановление Президиума ЦИК о снятии судимости с Ляхова является для ОГПУ обязательным». Законность была восстановлена только после обращения военной прокуратуры к руководству ОГПУ.

Тогда же прокуроры обратили внимание

на возможную опасность, которая могла исходить от чрезвычайных органов, наделенных функциями отправления правосудия. Здесь прежде всего необходимо выделить П. Павловского, возглавлявшего военную прокуратуру в 1926—28 гг. Продолжая линию своего предшественника Н. Кузьмина, он выступил на достаточно высоком уровне против перегибов не только со стороны ОГПУ, но и военно-судебных органов. Сохранилась стенограмма его доклада на Всесоюзном совещании военных прокуроров в марте 1928 года, в котором он заявил: «...Мы считаем необходимым персону Ульриха отделить от председателя военной коллегии, и если как товарищ он уважаем, то как председатель военной коллегии, он, по нашему мнению, совершает ошибки». Сказано это было в присутствии сидевшего в президиуме совещания В. Ульриха в связи с тем, что в судебной практике военной коллегии, по мнению докладчика, просматривалась тенденция к вынесению наиболее суровых мер наказания.

Нужно сказать, что к сложившейся явно ненормальной ситуации во взаимоотношениях военной прокуратуры и ОГПУ руководство этого ведомства отнеслось достаточно ответственно. Один из руководителей управления Я. Ольский сразу же запросил конкретные данные по существу всех выявленных нарушений законности в деятельности работников особых отделов для их расследования и принятия мер. Опытный чекист, один из соратников Дзержинского, он полностью сознавал опасность пренебрежительного отношения к нормам закона при производстве дознания и следствия, применения незаконных методов получения доказательств. По его личной инициативе и непосредственном участии был подготовлен и направлен на места циркуляр, в котором от всех начальников особых отделов и военных прокуроров было потребовано обеспечить законность ведения дознания и следствия. Циркуляр подписали Ольский и Павловский. Усиление со стороны ОГПУ контроля за деятельностью своих работников на местах заметно оздоровило взаимоотношения с военными прокурорами. В течение целого ряда последующих лет серьезных нарушений законности в деятельности представителей ОГПУ и НКВД в соединениях РККА и внутренних войск не отмечалось. К сожалению, Ян Каликтович Ольский (Куликовский), преданный делу революции человек, награжденный орденом Красного Знамени и знаком «Почетный чекист», борец за законность и подлинную справедливость, в начале тридцатых годов был отстранен от работы в ОГПУ. В 1937 году его арестовали, бездоказательно обвинив в контрреволюционной и шпионской деятельности.

История убеждает, что, когда в верхних эшелонах правоохранительных органов находятся компетентные, преданные истинным, а не воображаемым интересам государства люди, правовой порядок и со-

циалистическая законность обеспечиваются. Об этом свидетельствует и то, что даже в конце 20-х — начале 30-х годов, при наличии значительной массы недовольных мероприятиями Советской власти, в Вооруженных Силах сохранялась в целом здоровая моральная и нравственная атмосфера, отмечалось последовательное снижение уровня преступности.

Вскоре обстановка стала меняться. Уже начало 1934 года отмечено резким ростом преступности в войсках Средней Азии. Главный военный прокурор С. Орловский выезжает туда, чтобы лично разобраться с положением дел. Непосредственно на месте он изучает целый ряд так называемых «контрреволюционных» дел и вскрывает массу беззаконий, допущенных работниками НКВД. Он посылает об этом официальный доклад Наркому Ворошилову. В этом поистине уникальном документе резко осуждаются применяемые методы следствия, затрагиваются острейшие вопросы в расчете на содействие Ворошилова в их разрешении. В такой прямой постановке ни ранее, да и в течение многих последующих лет эти проблемы не поднимались.

Реакции Наркома Ворошилова на эту информацию не последовало.

Представляется, что именно 1934 год следует рассматривать как поворотный этап к последующему развертыванию массовых репрессий. Именно тогда были осуществлены многие организационные меры по их подготовке, приняты соответствующие законодательные и ведомственные нормативные акты.

К этому времени к руководству Прокуратурой СССР пришел А. Вышинский. Ушел из жизни В. Менжинский, многие годы являвшийся Председателем ОГПУ. Воссоздан упраздненный прежде Наркомат внутренних дел, при котором в соответствии с постановлением ЦИК и СНК образовалось Особое Совещание, наделенное правом применения мер уголовного наказания во внесудебном порядке.

В сентябре 1934 года произошло на первый взгляд незначительное событие, осложнившее и без того напряженную деятельность военных прокуратур. Приказом Вышинского на военную прокуратуру было возложено осуществление надзора за расследованием всех дел об измене Родине, диверсиях, шпионаже, находящихся в производстве областных, краевых и республиканских управлений НКВД. Из каких побуждений это сделано — судить трудно. Если предположить благие устремления — обеспечить законность силами военной прокуратуры, тогда совершенно непонятно, почему выраженное «доверие» не повлекло увеличения и без того скромного ее штата? Ведь сравнительно малочисленный аппарат просто не в состоянии был охватить прокурорским надзором столь разветвленную сеть и разрастающуюся структуру следственных органов НКВД на территории всей страны.

Тем не менее можно твердо сказать, что благодаря совместным усилиям командо-

вания, политорганов, военных прокуроров, да и особых отделов вплоть до 1937 года проблемы поддержания законности в Красной Армии и войсках НКВД за исключением отдельных эпизодов особой остроты не приобретали. Здесь не случайно упомянуты особые отделы, которые активно борлись с проникновением в армейскую среду различного рода антисоветски настроенных элементов, которые, вне всякого сомнения, в стране были.

Между тем обстановка менялась быстро. Специальным постановлением ЦИК СССР расследованные НКВД дела об измене родине, шпионаже, террористических актах, взрывах, поджогах и иных видах диверсий передавались в подсудность военной коллегии Верховного суда и военных трибуналов округов. Тем самым урезалась гласность, открытость отправления правосудия. Создавалась ситуация, когда сравнительно малочисленному аппарату военных судей передавалась громадная масса дел, что практически лишало их возможности всесторонне и полно разобраться с ними.

Последним ударом по законности явилось принятие в сентябре и декабре 1934 года постановлений ЦИК СССР, устанавливавших особый порядок разрешения дел о террористических актах, вредительстве, диверсиях. Такие материалы предписывалось рассматривать в упрощенном порядке, без участия прокурора и защитника, без вызова свидетелей. Не допускались обжалование приговора и подача ходатайства о помиловании. Решение о применении высшей меры наказания следовало приводить в исполнение немедленно.

Таким образом, репрессивный механизм по существу оформился. Теперь дело оставалось за подбором непосредственных исполнителей для приведения его в движение. Они нашлись в лице Ягоды, Ежова, Фриновского, Ульриха, Вышинского. Последний выдал и собственную теорию доказательств, в которой решающее значение придавалось признанию обвиняемым собственной вины. Впрочем, людей осуждали на смерть зачастую и без этой «царицы доказательств», без признания вины и вообще без доказательств.

В 1936 году по протекции Вышинского Главным военным прокурором назначили Н. Розовского. Не имевший юридического образования и не утруждавший себя стремлениями как-то возполнить этот весьма существенный пробел, он обладал другим нужным наверху качеством — был послушным исполнителем и ретиво проводил в жизнь любые установки сверху. Он сразу же сдал большинство позиций, с таким трудом завоеванных его предшественниками.

Отстаивая интересы законности, военные прокуроры представляли в Москву объективную информацию о разрастающихся масштабах беззаконий и репрессий, противоправных арестах, применении насилия при допросах. Они искали у Главного прокурора поддержки и ставили вопросы о принятии в централизованном порядке

срочных мер для пресечения нарушений при производстве дознаний и следствия со стороны НКВД. В ответ получали за подписью Розовского непонятные указания, полные двусмысленности, содержавшие одновременно и лозунги о законности и предостережения о нежелательности вмешиваться в расследуемые НКВД дела.

Оказавшись без поддержки своего руководителя, ряд военных прокуроров пытались в одиночку отстаивать законность. На таких быстро фабриковались дела и, заручившись согласием либо Вышинского, либо Розовского, они оказывались в застенках НКВД. Всего было репрессировано две трети общей численности военных прокуроров, среди них Московского, Ленинградского, Харьковского, Забайкальского военных округов, Дальнего Востока, Черноморского и Балтийского флотов. Убрали и всех оставшихся в живых предшественников Розовского, в разные годы возглавлявших Главную военную прокуратуру.

Что же касается самого Розовского, то в период наивысшего разгула репрессий, в августе 1937 года, он награждается орденом Красной Звезды. Так оценены его заслуги, когда от социалистической законности, которую он был призван всемерно защищать, ничего не осталось. Его рвение красноречиво проявилось в приказе от 8 июля 1938 года: «Известно, что в органы военной прокуратуры проникли подлые враги народа, изменники родины малкисы, сусловы, романовские и тому подобная контрреволюционная сволочь. Задача заключается в том, чтобы выкорчевать из военной прокуратуры и уничтожить это фашистское отребье без остатка».

ВОЛНА репрессий прокатилась по работникам НКВД, не разделявшим установок на истребление мнимых врагов народа. Бывший начальник внутренних войск Иван Александрович Воронцов без всякой санкции прокурора был арестован по стандартному для тех времен обвинению в шпионской деятельности, проведении работы по сохранению от репрессий участников антисоветских организаций и сокрытие их вредительской деятельности. Никаких доказательств, подтверждавших эти абсурдные обвинения, в деле нет. Несмотря на это и отрицание Воронцовым своей вины, 25 ноября 1937 года Ульрих, Никитченко и Рутман вынесли ему смертный приговор.

Для осуждения к такой же мере командира бригады войск НКВД Василия Федоровича Водопьянова оказалось достаточно информации некоего Косонова о том, что «в 1931 году жена Водопьянова в присутствии своего мужа передала, что «у них бывает Уборевич и Тухачевский». Последовало обвинение в участии в военно-фашистском заговоре и, несмотря на отрицание своей вины, наступила трагическая развязка.

Известно, что многие обвиняемые отказывались на судебных заседаниях от выбитых из них признательных показаний.

Случалось, что после этого в распоряжении суда не оставалось никаких доказательств и тем не менее штамповался обвинительный приговор.

Самое страшное состояло в том, что незаконные притеснения со стороны власти — Союза ССР, не подлежало ни обжалованию, ни помилованию. Думается, историкам еще предстоит исследовать, каким образом направлялась деятельность судебных инстанций, какими указаниями или инструкциями руководствовались сотрудники Фемиды, чтобы выработать механизм, исключающий превращение суда в одно из главных орудий репрессий.

Безусловно, незакониям способствовало отсутствие прокурорского надзора, который по существу был свергнут. В Главную военную прокуратуру наскончаемым протоком шли жалобы на беззакония. Многие из них сохранились в надзорных производствах, и каждая представляет собой последнее обращение за помощью. Василий Степанович Корнев, возглавлявший войска внутренией охраны в двадцатые годы, из застенков НКВД послал заявление на имя Сталина, где написано: «Все показания свои дал под физическим воздействием, меня били неумолимо, довели до иступления...» До Сталина письмо не дошло, но в Главную прокуратуру поступило и было подшито в надзорное производство. А ведь оно требовало незамедлительного вмешательства, которого так и не последовало. Василий Степанович умер в камере, его даже не успели осудить.

В деле одного из первых начальников политического управления войск ВЧК и ВОХР Константина Александровича Механошина сохранился рапорт начальнику отдела ГУГБ: «Механошин изорвал свои показания и заявил, что органы НКВД сажают невинных, фабрикут документы, заставляют давать вымышленные показания, в органы НКВД засели одни гадины и делают то, что хотят и что им выгодно. Прошу посадить в карцер на 5 суток содержащегося в Бутырской тюрьме Механошина К. А. за допущенные им контрреволюционные и хулиганские выступления на допросе». Протест старого большевика ни к чему не привел, он был осужден к высшей мере наказания.

Вероятно, масштабы репрессий 1937—1938 гг. поразили даже самого вождя и его ближайшее окружение. Обуздать набравшую обороты машину уничтожения невозможно было ничем иным, кроме как полным ее разрушением. Однако тогда на свободе оказались бы миллионы оставшихся в живых и сосланных в лагеря людей. Это никак не входило в планы творцов системы. Поэтому разгул беззаконий приостанавливается свержением руководства НКВД и наиболее ярых исполнителей.

Спустя немногим более года после получения ордена был снят с занимаемой должности Главный военного прокурора Розовский. Среди обвинений было и то, за что, по сути, совсем недавно он награждался: за неприятие мер к пресечению

беззаконий, о которых получал информацию, за антисоветские установки об устранении от надзора за следствием и отправлением правосудия, за оставление без реагирования десятков тысяч жалоб невинных жертв. Ему предстояло пройти самому весь кошмарный путь, начиная от ареста до лагерных нар.

МНОГИЕ творцы произвола впоследствии сами оказались его жертвами. К примеру, упоминавшийся выше член военной коллегии Верховного суда Л. Плавнек вскоре был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, к которой не имел никакой причастности, однако осужден по тому же сценарию, в котором совсем недавно ему отводилась совершенно противоположная роль. Думается, не имеет смысла перечислять всех, кто был репрессирован, выполнив возлагавшиеся на них функции, и в коих отпала дальнейшая надобность. История ничего не прощает.

И последнее. В середине тридцатых годов был установлен порядок согласования с командованием вопросов привлечения к уголовной ответственности и ареста лиц начальствующего состава РККА и войск НКВД. В соответствии с ним это допускалось только с разрешения Наркома обороны, или соответственно НКВД, либо их заместителей. Если учесть, что практически всегда арест предшествовал началу следствия, а уж потом доказывалась вина, то будет ясно, что высокие начальники имели полную возможность не допускать беззаконие и давать согласие на арест и предание суду лишь после установления вины в совершении преступления. На практике получалось так, что произведенный с предварительного согласия наркомов арест лишь усугублял положение. Ведь теперь, если не выбить признания, то тем, кто испрашивал согласие и арестовывал, пришлось бы объясняться с самими наркомовыми. Следовательно, у сотрудников НКВД после ареста подозреваемого просто не было пути назад, оставалось одно — любыми путями выколачивать показания об участии в несуществующих преступлениях. Так задуманная вроде бы во благо, для ограждения командиров и начальствующего состава войск от необоснованных репрессий мера проявилась своей совершенно противоположной стороной. Вот результат несовершенства закона.

Сегодня, когда в стране утверждаются принципы правового государства, нужно извлечь все уроки из нашего трагического прошлого. Необходимо создать правовой механизм, полностью исключающий какие бы то ни было нарушения законности со стороны следствия и суда. Механизм, обеспечивающий строжайший контроль со стороны Советов народных депутатов за функционированием аппарата принуждения и высший прокурорский надзор за всей его деятельностью.

Полковник юстиции В. БОБРЕНЕВ.

СЛУЖИВЫЙ

Полковник в отставке Анатолий КОНАНОВ

1

СЕРГЕЮ Вологдину повезло. Так он сам считал, об этом же твердил и его шеф. Лесосека — гроб для слабосильного, там надо «кубики» выдавать, тогда пайку лесную получишь, а упруешься рогом покрепче — глядишь, и кашу дополнительную на ужин...

Но Сергей слаб, от лучка руки трясутся, топор кажется пудовым. В лесу очень скоро копыта откиннешь. Не спасают и грибы с ягодами, от них только живот болит и никакой сытости. Поэтому Сергей и доволен сегодня, что взяли его в строительную бригаду. Работа в поселке, на обед водят в зону, шеф-печник не дает в обиду.

С утра Вологдин наносил кирпичей в домик, размешал глину в деревянном корыте, умаялся и остановился возле окна отдохнуть. Печник не очень ласково поглядывал на слабосильного помощника, но не понукал, он сам сказал нарядчику, чтобы Сергея записали в бригаду строителей.

Домик предназначался для начальника лагпункта, строили его лучшие специалисты, а Цыган успел прослать первоклассным печником.

Цыган — кличка, настоящего имени никто из заключенных не знал, да и сам Цыган столько раз менял свою фамилию и имя, что вряд ли помнил, каким именем нарекли его с рождения.

Не первый срок сидит, в таких переделках побывал, что даже на лице шрамы остались. Один — от правого глаза до подбородка, глубокий, багровый — получен, выдать, не так давно. Лицо печника смуглое, со следами черной бороды почти до глаз, глаза большие, выпуклые, с черными колючими зрачками, фигура мускулистая, движения резкие, даже веселые, он будто пляшет, а не кладет кирпичи. Сколько Цыгану лет, догадаться трудно.

— Устал, шкет? — неслышно подойдя к Сергею, спросил Цыган. — Иди на солнышко, погрейся, — легонько подтолкнул его в плечо. — Обед скоро, отдохнем.

Что-то отцовское услышал парень в голосе Цыгана, сочувствие, которого тут не дождешься. К этому страшному лицу печнику тянет Сергея, чем-то надежным, крепким веет от него, рядом с ним он чувствует себя увереннее, будто за стеной с подветренной стороны — не прохватывает сквозняком страха.

Вологдин мал, худ, легкий, его даже в армию не взяли в прошлом году — веса не хватало, год нагуливал «мясо», весной призывали, два месяца учили в запасном полку, и вот... он дезертир, десять лет лишения свободы. Страшно Вологдину в лагере, всех он боится, пайку хлеба съедает на ходу, баланду выпивает стоя, через край, чтобы не отняли.

ПРОЗА

Нет, не выжить тут Сергею, звери люди, режутся, дерутся смертно, ах, повидать бы мамку, хоть на один миг, а потом будь что будет. Одна у него радость, одно спасение и единственная любовь — мать. Недаром в тюрьме он попросил соседа по нарам наколоть ему на кисти правой руки: «Не забуду мать родную». Всего сто километров до деревни, где ждет его матушка. Три дня по тайге. Когда везли его на фронт, он послал матери письмо, обещал заскочить на денек. Заскочил... на десять лет. Дурак!

Сергей стоял, устало привалившись к теплой стене домика, тоскливо смотрел на облака, переводил взгляд на часового, сидевшего на чурбаке, и опять глаза его поворачивались на юг, в сторону родной деревни. Всего сто километров...

— Что, сосунок, по воле токуешь? — с крылечка спросил Цыган.

«И как это он каждый раз подходит утрадкой?» — подумал Сергей, но промолчал. Цыган спустился с крылечка, подошел к Сергею, положил тяжелую руку на плечо, а Сергей неожиданно для себя сказал:

— Мать одна в деревне, совсем больная... Все ночи во сне видел. Плачет, понимаешь?

— Будет тебе воля, — шепнул Цыган. — За меня держись да ушами не хлопай, — и весело подмигнул. Лицо его преобразилось, стало мягким, приветливым. Они поговорили о Сергиной матери, Цыган искренне посочувствовал помощнику, чем еще больше расположил его к себе.

— Воля, Серега, дороже матери. Вот я, кто я такой, не знаешь? И не надо. Мне говорят: ты вор, хулиган, а я — Человек, понял? Человек! Работяга. Ты видел, как я печи кладу? Видел. А я вор, я до войны тяжелее финки ничего в руках не держал, презирал работу, любил вольную жизнь. Понял? Теперь вкалываю, через «не могу» ишачу, а засну — по воле плачу. Понял?

Скоро они увидели, как начальник конвоя подошел к столбику, на крестовине которого висел кусок рельса, несколько раз ударил стальным пальцем от тракторной гусеницы: проверка, обед. После обеда их привели на работу два конвоира, третий почему-то не пришел. «Вот он, случай, — резануло вдруг Цыгана, — другого такого не выпадет, часовые не видят друг друга из-за домика, бригадники зашли в дом».

Старший конвоя сказал Цыгану:

— Ты принеси сюда сухих дров, костерок зажги.

— Сделаю, начальник, — весело сверкнув загоревшимися глазами, сказал Цыган. Его охранники не очень опасались, печник бывал в казарме, ремонтировал печи, у него срок всего пять лет, с начальством вежлив, и хотя на лагпункте Цыган лишь полгода, он сумел войти в доверие к начальству и конвоирам.

Возле строящегося дома Цыган натесал щепок, прихватил мелких стружек, набрал охапку сухих еловых дров, сказал Сергею, чтобы тот взял еще несколько поленьев и пошел туда, где стоял начальник конвоя.

Бросив дрова на землю в пяти шагах от него, Цыган сказал:

— Спичек нет, брось коробок.

Начальник конвоя подошел к дровам, присел на корточки, обняв винтовку, стал чиркать спички, отвернувшись от ветра, Цыган со всей немалой силой рубанул конвоира по голове, выхватил из его рук винтовку, шумнул Сергею:

— Канай, шкет, пока охрана не очулась!

Сергей успел увидеть, как брызнула кровь из-под топора, как выскочили из орбит глаза и повисли на кровавых жилках, как охранник медленно падал лицом вниз.

— Пошел, пошел, щенки! — пихнул его в спину дулом винтовки Цыган. — Теперь нам обоим хана, рви в лес.

«Так вот как свобода добывается!» — с ужасом оглянувшись на убитого, подумал Сергей и побежал в сторону леса.

2

ЗА ДВА ГОДА службы в военизированной охране Кузьма Цыплаков стал одним из лучших специалистов своего дела, имел немало задержаний преступников, получил звание сержанта.

Невысокого роста, коренастый крепыш, светлобровый, с лицом простого северного мужика, он исправно выполнял свои обязанности. Первые месяцы службы в охране не смущали его душу, но постепенно что-то в нем переворачивалось, он все чаще задумывался, старался поменьше находиться в казарме, каждый свободный час проводил с любимой собакой.

В ночь ему предстояла служба, и он после обеда крепко заснул. Разбудил его истошный крик дежурного:

— Взвод, тревога, в ружье!

Цыплаков вскочил, еще плохо соображая, где он, что с ним, наскоро стал одеваться. Мелькнула недовольная мысль: «Опять начальство нагрязнуло, тревогу придумали, делать им больше нечего!» Но, увидев, как возле него топтался помкомвзвода Омельчук, пытался заглянуть в глаза и скороговоркой шептал: «Беда, Кузьма Федорович, ой беда! Ты уж не подведи, Кузьма Федорович, постарайся, с меня ведь голову снимут...» — Цыплаков понял — случилось что-то страшное.

В казарме слышались беготня, сдержанный шум, хлопанье двери, злая ругань.

Питомник служебных собак располагался в двухстах метрах от крайнего домика поселка, в березовой роще.

Альма издали услышала звуки шагов хозяина и радостно прыгала за сеткой вольера. Это была замечательно понятливая и послушная рысакская собака восточноевропейской породы. Один недостаток был у нее — не хватало злобы. Догонит прокладчика следа, взласт разок-другой и сядет, не спуская глаз с «нарушителя».

Прошлым летом она едва не погибла из-за этого. Из лесосеки бежали двое. Альма хорошо взяла след и очень активно шла. На третьи сутки бойцы группы отстали — кто ноги натер, у кого живот заболел, — Кузьма Федорович решил догнать беглецов один. При подходе к озеру он запнулся и упал, слегка подвинул ногу и выпустил из рук поводок. Беглецы стояли на берегу в трусах, одежда на голове: намеревались переплыть неширокую в этом месте протоку, соединяющую два озера. Когда наконец Кузьма Федорович выпутался из зарослей и вышел к озеру, он увидел, что его собаку тянет за поводок один бандит, а другой держит в руке финку. Цыплаков выхватил револьвер, крикнул: «Стойте! Стре-

лять буду!» Однако преступник успел ударить собаку ножом в бок. Он добил бы ее, но Альма, раненая Альма, так вспелилась клыками в руку с кинжалом, что бандит заорал и выронил нож.

Долго выхаживал любимицу Кузьма Федорович, в казарме появлялся только ночью, от себя, от своего тощего пайка носил Альме то сахару кусок, то котлетку. Выходил, вылечил, в строй поставил. Себе на радость, на удивление всем.

Тогда, возле озера, он мог убить беглецов, но не сделал этого, его натуре противно было убийство человека только потому, что закон разрешает лишить его жизни. Слушая разговоры бывалых стрелков о том, как метко иной раз они попадали в бегущего зека, Кузьма Федорович неодобрительно поглядывал в сторону рассказчика и уходил в питомник. Тут он встречал понимание и верность, мог посидеть один, подумать. У него было иногда такое состояние, будто вокруг него густая паутина злобы и ненависти, настолько плотная, что дышать тяжело, а вырваться из нее невозможно. И он не знал, как из этой липкой паутины выпутаться.

Однажды Цыплаков поделился своими мыслями с земляком Степаном Оглоблиным, мужиком крупным, сильным, но отощавшим и молчаливым. Поборов неловкость, Оглоблин как-то весной попросил Цыплакова:

— Ноги худо носят, Кузьма, еды не хватает, хоть бы собачьей кашей меня подкормил.

Дело прошлое, помог Кузьма Федорович земляку, сам варил овсянку в котелке, носил в потайное место для Степана. Встал на ноги мужик, окреп, преданно заглядывал в глаза сержанту.

— Слушай, Кузьма, давай проситься на фронт, — предложил Оглоблин, — там, говорят, хорошо кормят.

— Не отступят меня, — с сожалением отвечал Кузьма Федорович, — специалистов запрещено...

— А ты брось это дело.

— Тебе легко говорить, ты, поди-ко, в жизни не держал собаки, а я с детства не расстаюсь.

Месяц прошел, а не забыл того разговора Кузьма Федорович, нет-нет и припомнит. Вот и сейчас, поглаживая Альму между ушами, приговаривал:

— Ну, Альма, кажись, нам с тобой сурьезная работенка подвернулась. Фронт-то, вишь, к нам привинулся. Воевать пойдем, голубушка.

В питомнике бушевали собаки. Выстрелы на окраине поселка, беготня Альмы по дворику, внутренняя напряженность вожатых и инструкторов вызывали беспокойство собак, они кидались на сетки вольеров, лаяли, царапали когтями двери.

Во дворе казармы в одну шеренгу стояли бойцы. У всех — винтовки, плащи в скатку, вещмешки за спиной.

— Дождались господа бога, — зло проговаривал боец Афанасьев, высокий, худой, с хищным взглядом узко посаженных се-

рых глаз и сутулым профилем коршуна на вершине ели. — Ты что, служивый, зимовать в лесу собрался?

Перед строем нервно расхаживал помкомвзвода Омельчук. В другой раз он обязательно поддержал бы Афанасьева, сделал замечание Цыплакову, но сегодня воздержался, лишь укоризненно поглядел в его сторону.

Кузьма Федорович, занимая место на левом фланге, успел сосчитать бойцов. «Одиннадцать, не густо», — подумал он и прикинул, кого из них взять в группу. Его мысли перебил Омельчук. Низким, охрипшим голосом, напрягаясь так, что шея стала пунцовой в жестком воротничке, он кричал:

— Повторяю, бандиты убили Онищенко, нашего товарища, взяли винтовку и тридцать патронов. Надо догнать их и уничтожить. Смерть пособникам фашистов!

Омельчук повернулся к Цыплакову:

— Первую группу поведешь ты. С тобой пойдут Гимадиев, Оглоблин, Афанасьев, Панасенко, Зинченко.

— Мне не надо столько людей, — возразил Кузьма Федорович, — оставь двух во взводе.

— Кого?

— Последних. Они слабы, не выдержат, — сказал Цыплаков.

— Дело твое, — сразу согласился Омельчук. — Вторую группу поведу я. Проводник Сало, как твой пес?

— Хромает, мабуть, — ответил мордастый молодой парень и дернул за поводок спокойно сидевшую собаку.

— Так что же ты, сукин сын, молчал раньше? — хрипел Омельчук. — Бегом на лесостепь, замени там Богомолова, пусть немедленно бежит во взвод.

— Цыплаков, чего стоишь, марш на объект — тебя ждут!

— Пошли, ребята, — спокойно сказал Цыплаков, — там разберемся что к чему.

Он меньше всего был похож на бравого командира, хотя недавно ему присвоили звание сержанта. Тридцатипятилетний, с очень заметной лысиной над высоким лбом, от чего лоб казался еще выше, чуть ниже среднего роста, терпеливый и молчаливый Кузьма Федорович редко обижался на людей, не держал обиды и на свою судьбу. Еще в конце двадцатых годов он служил на границе, там его обучили дрессировке собак, там же стал классным проводником, а когда началась война, его мобилизовали и направили в воензированной охрану НКВД. Два года прослужил Кузьма Федорович в Угде, сначала даже порадовался втайне: есть шанс выжить в этой страшной войне, четверо детей не останутся сиротами, но, присмотревшись и послушав здешних бойцов и командиров, этот терпеливый малограмотный мужик не мог понять разумом и принять душой той атмосферы ненависти, что царила в поселке. Своим практичным крестьянским умом Цыплаков скоро разобрался, что тут к чему и для чего так устроено. Куда ни глянь, везде заборы, вышки, колючая про-

волока, люди разделены на два враждебных лагеря, по одну сторону забора — заключенные, по другую — лагерное начальство и охрана. Но главная разделительная линия — ненависть. Вековечная, непреходящая, постоянно подпитываемая сверху и снизу. Кому она нужна, Кузьме Федоровичу было не ясно, однако с первых дней командиры внушали новичкам: «Воры, спекулянты и буржуи — обратная сторона одной и той же медали». Буржуй — враг, «в брюхо толстое штаком мироеда...» Убийца, бандит, дезертир — враги Советского государства, нет им пощады! Нечего их жалеть. И Цыплаков видел, как быстро вырастали столбики с жестяными номерами на новом кладбище над берегом Угды, то и дело встречал пополнение из серых фигур, прибывавшее летом на баржах, зимой — пешим ходом. Они всегда злыми, ненавидящими глазами смотрели на него, Кузьму Федоровича, и на Альму; совершенно незнакомые, они уже с первой минуты относились враждебно к любому, кто был в форме. И это угнетало, служба не приносила удовлетворения, все назойливее думалось, что лучше уж выпроиться на фронт, чем заниматься немилым делом. Частенько он спрашивал себя, что ответит сыновьям после войны, как посмотрит им в глаза, какими словами убедит в том, что был не волен поступать, как хотел.

Возле строящегося домика, огороженного по периметру забором из жердей, стояли: начальник лагпункта лейтенант Луговой, по прозвищу Заячья Губа, весь наглаженный и словно лощенный, в блестящих хромовых сапогах, в серой ковержетовой гимнастерке и синих бриджах, брезгливо оглядывавая прибывших; оперуполномоченный младший лейтенант Белоусов, заика, мордастый и сытый, в резиновых сапогах, зеленой фуфайке и в новенькой офицерской фуражке; инспектор спецчасти Слободянюк, чахоточный, неопределенного возраста мужичонка, с тонким ребячьим голосом и бесцветными, усталыми глазами; фельдшер из заключенных.

Цыплаков доложил о прибытии. Луговой еще раз насмешливо взглянул на бойцов, спросил:

— И все? Этими силами воевать? Да они перестреляют вас по одному. — И, начиная горячиться, закричал: — Где Омельчук? Что, у него людей больше нет? Сам почему не пошел? Струсил? Бездельник! Растяпа! Смотрите, что с вами делают! — Луговой носком сапога отбросил край плаща с головы убитого. Немного усевившись, спросил: — Цыплаков, людей надо?

— Нет, мешать только будут, — сказал Кузьма Федорович.

— Смотри! Я вызвал подкрепление, но они будут не раньше завтрашнего утра. — И, будто потеряв всякий интерес к группе, Луговой щеголевато повернулся и пошел в штаб лагпункта.

— Берегись, Кузьма Федорович, Цыгана. Вот его фотокарточка, смотрите, товарищи, — показывал оперативник. — Из управления только что передали санкцию на его арест,

но опоздали. Он убил милиционера в Москве, взял оружие, совершил несколько вооруженных ограблений, а потом, чтобы замести следы, нанес случайному прохожему ножевое ранение, был осужден за нанесение тяжких телесных повреждений и лишь недавно изобличен в убийстве милиционера. Настоящая фамилия — Горбунов, Константин Павлович, тридцати двух лет, по национальности цыган, считается «вором в законе», но здесь его не признали главари, он уговорил новичка и вот... сами видите.

Новичок — дезертир, 1925 года рождения, на лагпункте всего месяц, слабосилец, сбежал из воинского эшелона в Вологде, хотел будто бы заехать к матери в деревню. На правой руке наколка: «Не забуду мать родную». У Цыгана на груди шрам в виде христианского креста. Возможно, это была татуировка, но вытравлена кислотой или вырезана. Шрам заметен и на лице.

Бойцы стояли тесной кучкой, внимательно слушали оперативника, с любопытством разглядывали снимки в личных делах. Неспokoйно вел себя Афанасьев, ему не по нраву нетеропливость сержанта, он рвался бежать, из него так и выпирала ярость.

— Сволочи, падал, лучшего друга убили! — сквозь редкие желтые зубы цедил он. — Пять лет вместе, из одного кисета курили! У него же семья под немцем!

Афанасьев ходил кругами, стонал, то и дело приближаясь к телу Панаса, встал на колени, положил руку на плечо мертвеца.

— Бандюги! — грозил кулаком в сторону лесосеки и жилой зоны. — Вешать надо! Говорил я тебе, друг, остерегайся ты эту падаль. За людей считал, никто, повторял, меня не тронет, не я их судил, не я сюда загнал... Эх, Панас, Панас! Дурень!

Афанасьев поднялся с колен, вопросительно уставился на Цыплакова.

— Ну, скоро ты, служивый, растелишься?

— Скоро кошки делают да слепых рожают, — невозмутимо ответил Кузьма Федорович. Он только сейчас осознал всю тяжесть задачи, выпавшей группе, увидел воочию всю жестокость, что носят в себе отдельные люди, но даже и в этот момент у него не возникло желания убить преступников. Голова его теперь была ясной, в тело возвратились бодрость и сила, видел он далеко и слышал едва различимые звуки. Там, за поселком — лесоповал. Ветер наносит оттуда хлесткие удары топором по дереву, отрывистые крики людей, глухой треск падающих деревьев. Там еще не знают про убийство и побег, но, когда узнают, никто не выскажет сочувствия им, бойцам охраны, наоборот, будут восхищаться смелостью и дерзостью Цыгана, строить за него планы вольной жизни.

Кузьма Федорович неторопко ходил за Альмой по опушке леса, бойцы его группы курили по последней, ждали сигнала. Гиммадиев успокаивал Афанасьева.

— Фашист наших пленных танком катал. Не веришь? Сам видел. Билин такой на асфальте. Берут комиссара, руки, ноги вя-

жут, кладут на дороге, танком едут, гусеницы ноги пилющит, да, пыленный кричит, они смеются, потом живот давит, человек дует пузырем, потом лопаются, они смеются. Гад, да? Хочешь, я тебе друг буду?

Кузьма Федорович сразу заметил, как Альма напряглась, поставила хвост колом, рванула поводок. Он размотал поводок на всю длину, оглянувшись, призывно махнул рукой бойцам и побежал бегом, уверенный, что Альма на следу, а бойцы не отстанут от него.

3

МАЛО рассказал оперативник про Цыгана, еще меньше про дезертира. Никогда не видел в лицо ни того, ни другого Кузьма Федорович, плохо запомнил их фотоснимки, одна надежда на Альму, та не подведет, уверенно бежит по следу, редко нюхает землю, верхним чутьем идет — след «горячий». Дыхание успело выровняться, сердца не слышно, оно вошло в рабочий ритм, ноги разогрелись, совсем не чувствуют усталости, глаза зорки, мешок на спине лежит ловко, не мешает. Сзади, шагах в двадцати, плотно бегут товарищи, иногда слышно шуршание одежды, треск сухих сучьев под сапогами, чавканье при переходе через сырые мочажины.

На перекрестке узких просек-визиров Цыплаков увидел квартальный столбик, мягко придержал Альму, остановился, прочитал знаки. К нему приблизились тяжело дышавшие бойцы.

— На юг тянут, — сказал Кузьма Федорович, — на Вологду. Торопятся, а не плутают, направление выдерживают строго. Закуривай, ребята, все равно нам засветло их не догнать, сегодня они будут рвать сколько есть силы, а завтра у них ноги заболят.

И замолк, будто чересчур много наговорил.

— Я видел этого Цыгана, знаю, — закуривая, сказал Афанасьев. — Печник, сволочь, черный, глаза — во! — большие, брови — во! — широкие, черные, срослись над переносьем. Надзиратели рассказывали, будто он этого сосунка-дезертира спас от урок. Они хотели сделать из него девку, а Цыган не дал. Дрались. Цыган одному урку селезенку разорвал, тот подох, но не выдал врага. Звери! А сосунку с той ночи шестерил у Цыгана, спали рядом, наверняка Цыган взял его на мясо...

— Кончай, служивые, курить! Вперед, Альма! — спокойно сказал Цыплаков и побежал за собакой.

Ясный солнечный день заканчивался тихим, моросящим дождем. Как-то незаметно подкралась туча, остановилась, ветер стих, и посыпались капли. В лесу скоро начали скапливаться сумерки. Голые корни деревьев, валежник осклизли — бежать стало трудно. Накапливалась и усталость — груп-

па шла пятый час. Теперь Цыплаков едва успевавал отклоняться от сучьев и веток, с трудом отлучал сосну от ели, мелькавшая впереди Альма часто сливалась с наступающей темнотой. Бойцы, опасаясь потерять из вида проводника, вплотную приблизились к нему, готовые встретить опасность вместе и защитить своего ведущего. Цыплаков слышал, как кто-то упал, брякнула цевьем винтовка, донеслась сдержанная ругань, по исковерканным словам он узнал Гимадиева.

— Не ходы кучей! — громким шепотом говорил Ахмат. — Мы стадом атака ходы! — нас фашист бил, как барана.

Ахмат никому не хотел уступать место ведущего за проводником, он фронтовик, слышал не в кино свист пули возле уха, у него глаза снайпера, он может снять из винтовки птицу на лету, и терять ему ничего, один как перст, детдомовец. После госпиталя ему предложили инвалидность третьей группы, но он попросил направить его в любую часть до конца войны, так и оказался в воензированной охране.

Гимадиев молод, ему всего двадцать лет, он легко бежал за проводником, ни на минуту не выпускал из виду его небольшой фигуры.

В отличие от других бойцов, Кузьма Федорович никогда не брал плаща в поиск, предпочитая короткую и легкую ватную телогрейку. Брезентовый плащ быстро намокает, ткань его становится жесткой, громко шуршит в кустах, не дает тепла и уюта, который так нужен в лесу. Фуфайка не мешает движению, на ней плотно сидит вещевой мешок, она не скоро промокает и хорошо держит тепло. Цыплаков потеет редко, его крепкие плечи и развитая грудь легко держат небольшую голову, а тренированные ноги могут без усталости бежать за собакой много часов подряд.

Службу в охране он воспринял как должное, рассуждал коротко: если послали, значит, надо, значит, есть нужда в нем, в проводнике, и он, Кузьма Цыплаков, должен служить так, как велит совесть. До сих пор его не очень занимали мысли, почему так много людей в лагерях и тюрьмах, сколько в стране лагерей, только иной раз задумывался над тем, откуда берутся все эти «воры в законе», убийцы, грабители. В своей деревне он никогда не слышал ни о них, ни о том, что есть много лагерей на Севере и в Сибири. Не нравились ему разговоры таких бойцов, как Иван Афанасьев, хвастливо рассказывавших, как метким выстрелом тот или другой из них убил заключенного при побеге, не по душе Кузьме Цыплакову было подобное бахвальство. Не понял и не принял сердцем Кузьма Федорович позиции командира взвода, выбившегося в офицеры из рядовых бойцов. В сорок втором, после возвращения из тайги с двумя задержанными беглецами и раненой собакой, тот заявил:

— Живых привел? Не умио, служивый, не умио, я считал тебя, Кузьма Федорович, догадливей. У нас так не делают...

С того дня лейтенант частенько называл проводника Цыплакова старинным словом «служивый», то ли подчеркивая его возраст и раннее облысение, то ли догадываясь о неодобрительном отношении сержанта к тому, «как делают» во взводе, если случается побег заключенного.

Группа шла уже седьмой час. На болотах, где следы преступников хорошо сохранились, Цыплаков сдерживал Альму, давал возможность товарищам приблизиться к нему, затем снова бежал или неутомимо шагал скорым шагом. Все двигались молча, стараясь не шуметь намоченными плащами. Цыплаков по опыту знал, что в первые сутки после побега преступники стараются оторваться от лагунка возможно дальше, выматываются, а потом едва бредут. Если до ночи не приблизиться к ним на полчаса хода, к рассвету они могут оказаться далеко, и сам след «остынет».

Альма напрягалась все сильнее, значит, следы свежие, беглецы близко, дождь не успевает смыть запахи.

Приближалась ночь, темная, облачная, сентябрьская, в такую темень преследовать нельзя — нарвешься на выстрел в упор. В густом молодом ельнике Альма остановилась, схватила что-то зубами, повернулась к Цыплакову. В сумерках он разглядел: лагерная фуражка.

— Молодчина, Альма, вперед!

Фуражку — в карман телогрейки, теперь осторожно, шагом... Сержант наматал поводок на руку, вытащил револьвер из кобуры. Альма стала еле видна. Пора останавливаться. Вышли к ручью, поднялись по крутому, заросшему ольхой, березой, осинной склону, очутились в сосновом бору. Тут от беломошника исходил слабый свет, редкие вековые сосны широко раскинули густые кроны, бор хорошо просматривался.

— Стой! — тихо сказал Цыплаков. — Здесь отдохнем, переждем темень, поедим. Гимадиев, на пост.

Первым делом накормить Альму, потом можно и самому пожевать. Кузьма Федорович вскрыл банку консервов, запах мяса зашекетал в носу, но это не его еда, шесть банок конины — для Альмы. Людям — только сушеный картофель, по сто граммов сала и по пять ржаных сухарей.

К десяти часам стемнело, вскоре прекратился дождь, небо быстро прояснилось. Цыплаков полулежал на мягком ягеле, опираясь спиной на толстый, с растрескавшейся теплой корой ствол ядреной сосны, смотрел на качающиеся под ветром черные вершины деревьев, следил, как освобождаются от облаков звезды Большой Медведицы, разглядел Полярную звезду, окончательно решил: след беглецов тянется к югу.

Тишь в лесу, ни птичьего пения, ни звериного крика. Большинство обитателей леса отдыхают, не спят лишь ночные хищники: волки, рысь, россомаха, совы, филин. Не смеют заснуть и те двое где-то совсем недалеко, может быть, всего в двух-трех километрах. «Никуда вы не уйдете, люди-звери, моя Альма здорова и сыта, чутко

дремлет у ног хозяина, и я, слава богу, не очень устал», — спокойно думал Кузьма Федорович.

Спит, тяжело вздыхая, Степан Оглоблич, земляк, лесоруб, надежный товарищ, свернулся в клубок длинный Иван Афанасьев, горячий, ретивый служака, подтянул колени к подбородку, тихо посапывает; где-то впереди затаился за деревом Ахмат Гимадиев, вояка, фронтовик. Мысль о войне сразу напомнила брата, девятнадцатилетнего Гришку, которого с пяти лет растил и воспитывал он, Кузьма. Нет больше брата, погиб на Огненной дуге, а как мечтал поступить в институт, как хотел отец, мир его праху, видеть младшего сына агрономом, обязательно агрономом. Нет отца, погиб братишка, а ои, Кузьма, жив...

Не спится сержанту. Надежен часовой, еще надежнее Альма, но сон не идет, хоть глаза зашивай. Вот и деревья стали проступать из темноты, и восток побелел, ветер стихать начал. Пора!

4

ВЕСЬ следующий день вел Кузьма Цыплаков группу преследования, словом и бодрым видом своим прибавляя силы товарищам. На коротком отдыхе, против обыкновения, даже разговорился, рассказал случай из своей охотничьей жизни, вызвал улыбку на усталых лицах. «Давно было дело, по молодости убежался за день по снегу на охотничьих лыжах, трех кунничек достал из ловушек, а зимний день короток, с воробьиный шажок, добрал до отцовской охотничьей избушки, растопил каменку, обед сварил, чаю напился, дров нарубил сухих и к стенке в поленищу сложил, чтобы от каменки еще подсохли, заснул. Проснулся — изба горит, дрова упали на каменку, по стене огонь бежит... А я босиком, в одном белье, одежда-обувка из гвоздях сушилась. Пнул дверь, выскочил на снег босиком, в кальсонах, потом опомнился, стал хватать со стен что попало: ружье, патронташ выбросил, фуфайку, брюки, шапку, а валенок не вижу, сгорели валенки. Вот так, голуби мои, а мороз январский, птицы на лету мерзнут... Да что горевать. Огонь снегом притушил, кунич ободрал, да вместо чулок натянул, у шапки верх истлея — не беда, волосы густые были, не теперешняя голь, на спине у фуфайки дыра с тарелку, опять же шевелись, чтобы пар со спины, вот таким чучелом и домой прибежал...»

— Пора, голуби мои. Вперед, Альма!

Светлого времени оставалось часа три. Если к ночи не настичь беглецов, придется еще ночевать под елкой. А там, в казарме, в штабе волнуются, наверняка разосланы группы поиска по всему району, они же с Альмой на следу, и кому, как не им, догнать убийц и задержать. Ну, а если стрелять начнут, уничтожить. Таков приказ.

Устала Альма, бока запали, язык повис, поводок ослаб.

— Вперед, Альма, вперед!

Совсем незнакомое место, здесь Кузьма Федорович не бывал, не может определить, далеко ли поселок, сколько километров пройдено. И ни карты, ни схемы, лишь компас, с которым он никогда не расстанется, да общее представление о том, в какой стороне Москва, где Белое море.

Солнце показывается редко, облака опустились совсем низко, кажется, они вот-вот зацепятся за вершины деревьев и останутся. Много ручьев перебрели, перепрыгнули, по полям в мокрой траве тухали, с горки на горку взбирались. Дудки, папоротник, чертополох, малинник дикий, будто нарочно, выросли на пути, не позволяли быстро двигаться, приходилось раздвигать их заросли руками. Зато хорошо видна смятая трава, поломанный малинник, человеческие следы на мягкой сырой земле: большие, поменьше...

— Вперед, Альма!

Дышать стало тяжело, сердце из груди вылетает, немеют икры, упасть бы и лежать на моховой постели. Впереди — болото, редкие сосенки хилы, чахлы, голубичник и пахучий багульник жестки, словно проволока, цепляются за голенца сапог, того и гляди упадешь. Альма ныряет между высокими моховыми кочками, видны только уши, в голенцах сапог сыро, вода с брюк вымочила портянки, но дальше, слава богу, не просочилась, стопы в сухости и тепле — спасибо Сталину-грузину, что одел нас всех в резину, вспомнил Цыплаков деревенскую присказку. Слабеть стал Кузьма Федорович, подумал про себя Цыплаков, да и то сказать, ни за одним зверем за всю жизнь не гнался так быстро и долго...

Кончилось болото, березовая роща впереди, красавица, каждая береза — загляденье, под ногами твердь, бежать легче. Всего-то метров двести благодати, а дальше обрыв, речка.

— Стой, Альма, передых, ребята. Покумекать надо.

Альма сильно беспокоилась, скулила, поглядывала на другой берег.

— Не высовывайтесь, ребята, чую, близко мазурики, не подкараулили бы нас в реке, перестреляют в воде.

Внизу, под кручей берега, темная бурлящая речка. Каменистое дно, шумный перекат, на песке, возле уреза воды те же следы: большой и маленький. В обуви, значит, не раздевались, торопились. Неужто увидели погоню, беспокойно думал Цыплаков, выглядывая из-за кустов.

— Ахмат, ты останься здесь, ложись вот под этот куст, отсюда хорошо виден другой берег. Мы — вброд, ты гляди в оба. Раздевайся, ребята.

— В такую-то холодину! — вздрогнул всем сухим телом Афанасьев.

Кузьма Федорович молча снимал сапоги, брюки, подштанники. В это время хлынул дождь, с ветром, частый, крупный, холодный. «Прогда и та против нас», — нерастойно подумал Цыплаков, надел на шею связанную в узел одежду, крепче намотал

поводок на левую руку, снял револьвер с предохранителя.

— Вперед, Альма... За мной, ребята! Ноги будто обожгло холодом, камни скользкие, течение бурлит, пытается сбить с ног, ступать босиком по камням больно, неловко. Главное — не упасть, дойти до берега. Вода темная, дна не видно, шаг, еще шаг. Альма уже переплыла, отряхивается.

«Вперед, Альма, тащи хозяина, не дай упасть!» И собака будто услышала невысказанную команду, напряглась, струной натянула поводок. Вода до самой промежности, ломит кости. Наконец-то берег, мелкий галечник, песок, земля. Теперь поскрепей одеться и бежать, бежать до упаду, чтобы согреться, чтобы пар с головы, иначе простуда, болезнь, а до дому...

— Ахмат, быстрее к нам!
Дождь хлестал по голове, по одежде, ветер трепал береговые деревья, все шевелилось, гудело, шумело, бушевало. Свернула поздняя белая молния, рванул близкий гром. Альма даже вздрогнула от испуга.

— Альма, след!
Гроза словно придвинула ночь, моментально погас дневной свет, на землю спустились сумерки. Ненадолго. Хлесткий ветер распотрошил низкую плотную тучу, освободил солнце, и оно блеснуло утренней свежестью, смахнуло темень.

След по прибрежному песку кончился, Альма потянула в густые заросли молодого ивняка, потом круто в берег на старую вырубку.

Нет хуже пути, чем захлавленная лесосека. Сосны и ели вырублены, осины и березы, оставленные без прикрытия, повалены ветром и упали от старости, молодой осинник, дикие заросли малины, кипрея, дудок «вяжут» ноги, бьют по лицу — не разбежись.

Вдали, как показалось Цыплакову, в километре, темнела стена ельника, по ней металась розоватые блики заходящего солнца.

— Вперед, Альма!

5

РЕДЕЮЩИЕ капли дождя стучали по намочшей одежде, ветер срывал с кустов и высокой, подсохшей травы брызги и бросал их в лицо, голые, голые трупы осин, скользкие, как мыло, через каждые десять-пятнадцать шагов лежали поперек пути, и не было сил их перепрыгивать, приходилось осторожно шагать через них, высоко поднимая ноги. В таком месте легче всего нарваться на выстрел в упор из-за хорошего укрытия, и опытные проводники стараются преодолевать старые вырубки, рассредоточив группу. Так сделал и Цыплаков. Он подозвал бойцов, присел на корточки за мощной осиной, поваленной ветром, указал, в какую сторону двигаться, где должны сойтись вместе. Тут же рас-

сказал, как действовать при внезапном обстреле группы, на случай своей гибели назначил старшим земляка, тихого, но очень расторопного, но надежного бойца Оглоблина, указал, кому что делать, если будет убита собака. Преступники, наступившие в лесу, первым делом стараются покончить с собакой. Скрыться и затеряться в тайге можно без особой хитрости, найти же человека в лесных гуахах без собаки все равно, что разыскать иголку в стоге сена.

— По местам, ребята! — сказал Цыплаков, но сам не торопился бежать вперед. Всем существом он чувствовал, что преступники близко, что скоро конец изнурительному бегу, в дело вступят винтовки, осторожный Цыган не допустит, чтобы их застали врасплох, значит, стрельба, убийство, опять труп или трупы... И кто знает, кому первому достанется пуля, — по всем канонам ему, проводнику, если раньше него кто-нибудь не высунется, не отлетит на себя огонь убийцы.

Короткие эти мысли расслабили уставшее тело, вызывая неприятный холодок в животе, но это не был страх смерти, скорее предчувствие чего-то нехорошего, что можно бы было предотвратить, если бы он мог это сделать. А сделать сержант мог многое, чтобы не рисковать жизнью. Мог заявить, что собака потеряла след, нарочно сорвать ее, сбить со следа, отвлечь или сжаться больным — в животе резь, в сердце колотье... Да мало ли. Слышал он, делали подобное другие проводники, возвращались и отсыпались в казарме. Однако он совсем не умел врать, обманывать, не мог переступить веление совести. Кузьма Федорович заранее знал, что кровавого столкновения не избежать. Цыгана не уговоришь бросить винтовку и сдаться. Надо ожидать внезапного нападения и попытки оторваться от преследования. До железной дороги осталось не больше пятидесяти километров, через два-три дня Цыган может появиться в людных местах и надолго затеряться среди них. Этого допустить ни по приказу, ни по совести никак нельзя. Теперь Кузьма Федорович прислушивался к себе, пытался определить, надолго ли хватит у него сил, как быстро он сумеет бежать. По поведению Альмы и по своему соображению он вывел, что преступники совсем близко, или в густом ельнике укрылись от грозы, или где-то недалеко за ним.

Альма нетерпеливо поглядывала на хозяина, готовая немедленно вскочить и бежать по хорошо заметному следу.

Шагах в пятнадцати позади настроженно выглядывал из-за мощного пня прикрытый капюшоном Оглоблин. Справа и слева, невидимые за кустами, притаились Гимадиев и Афанасьев.

— Пора, служивый! — сказал себе Кузьма Федорович и, согнувшись, перешагнул через осину. Он даже удивился, как легко поднялся и пошел, будто усталость можно побороть усилием воли и заставить ее отступить.

Альма тащила за поводок сильно, торопила, нервно вздрагивал прямой хвост, мок-

рая шерсть прилипла к телу, собака казалась сильно похудевшей, живот ее глубоко запал, и плохо верилось, что в этом отошавшем теле сохранилось столько силы.

Некоторое время Цыплаков словно раздумывал и примеривался к своему шагу, изредка поглядывая на темный ельник, будто именно из него надо ждать выстрелов. Краем глаза он заметил низко нагнувшегося Гимадиева, резко бежавшего метрах в пятидесяти справа. Афанасьева не было видно из-за густых высоких дудок. Сзади близко шуршал намокшим плащом Оглоблин. Кузьма Федорович обернулся, подал знак отстать, и Оглоблин замедлил бег.

Цыплакову казалось, что ельник не приближается, а отдаляется от них, что он ошибся в определении расстояния, старой вырубке не будет конца, но скоро впереди открылась широкая лощина, она, как река, скрадывала расстояние, и у Кузьмы Федоровича как-то сразу начало спадать напряжение ожидания опасности. Он побежал свободнее, далеко отпустив Альму на поводке, приятно ощущая тепло согретой спины, успев подумать о том, что на опушке ельника они соберутся все вместе и надо будет поразмыслить, как действовать дальше.

Солнце уже садилось за лес, и светлого времени оставалось мало.

Выстрел ударил по нервам так внезапно, что Кузьма Федорович опустился на колени и не успел заметить, откуда он прозвучал. Завизжала и кинулась к хозяину Альма. Справа и слева хлопнули из двух винтовок. Это Гимадиев и Афанасьев, догадался сержант.

— Стреляют из ельника, — крикнул Оглоблин и, низко пригнувшись, обогнал Цыплакова.

У Альмы оказалось простреленным пулей правое ухо. Кузьма Федорович зажал рану рукой, отцепил поводок от шлейки, погладил собаку по спине, показал на ельник, властно скомандовал:

— Альма, взят! — и тут же понял, что послал свою любимицу на верную гибель. Вскочил, заорал: — Ребята, обходи, обходи, они далеко не уйдут, Альма подержит!

Выстрелил из револьвера и, не помня себя, не видя цели, не укрываясь, во весь рост побежал к лесу. Справа широкими прыжками бежал в сторону леса Гимадиев, слева, сбросив плащ, мчался Афанасьев, впереди тяжело дышал Оглоблин. Альма, мелькая среди зарослей, скачками неслась в направлении выстрела.

Грянул еще выстрел и еще, в кого? Упал Оглоблин, прыгает Альма, сунулся за высокий старый пенёк Афанасьев. Степана зацепило? Убит? Ранен? Нет, слава богу, вскочил, бежит, в лес нырнул. Потом хлопок, глухой, смертный визг Альмы. До леса сто шагов, восемьдесят, пятьдесят. «Да что же с тобой, Кузьма, почему ноги медленно бегут, отчего сердце в горле стучит?»

Вот и лес. Где бандиты? Что с Альмой? Наконец-то можно перевести дух, прислониться к сосне.

— Готово, — разряжая винтовку, сказал Оглоблин, — Ахмат с Иваном идут.

Ахмат Гимадиев шел вразвалку, но еще возбужденный, нес две винтовки, одну на ремне, за плечом, другую в руке. Остановился напротив Цыплакова, сердито заговорил:

— Сволочь, фашист, казенный имущество портил, — показав на порванную пулей полу плаща, удовлетворенно открыл в улыбке белые крепкие зубы. — Он Альма глядел, ее стрелял, я ему целил, он Альма убил, я его стрелял. Там лежит, — показав на большую ель.

Цыган уткнулся лицом в мох, скрюченные пальцы рук вцепились в землю, ноги вытянуты.

— Поверни лицом, — сказал сержант Гимадиеву, — я хочу взглянуть на убийцу. — В двух шагах лежала Альма. — Где второй? — спросил у Афанасьева.

Вологдин растянулся шагах в десяти, лицом в луже, в наголом остриженном затылке темнела кровавая маленькая дырочка. обе руки протянуты вперед, в южную сторону, будто пытался он руками дотянуться до матери.

— Эх ты, щенок! — с жалостью сказал Цыплаков. — «Не забуду мать родную...»

— Дезертир, собака, наша воюй, он не хочю! — ярился Гимадиев.

— Это я его срезал, — закуривая, сказал Афанасьев. — Кричу «стой!» — он бежит. — Хотя все знали, что Иван не пытался криком остановить беглеца, а просто выстрелил с удобного расстояния и убил. По уставу действовал, законно и осознанно.

— Молодец, Иван, настоящий друг, — похвалил Гимадиев, — предателя стрелят нада.

— Зря ты его, — пожалел Кузьма Федорович, — догнали бы, пусть бы жил, он ведь, поди, бабы не пробовал. Напрасно ты его...

Всем как-то стало неловко, словно ветром студеным опохнуло, зябко как-то стало, неуютно рядом с покойником.

— А ты, жалельщик, догонял бы сам... без Альмы-то. Пусть бы жил, жалко. Кого жалешь-то? Кому он нужен? Дезертир. Враг. Лишний он на земле.

— Дурак ты, Иван, хотя и шибко грамотный, а дурак. — Кузьма Федорович плюнул с досады и отвернулся от Афанасьева. — Лишний на земле... Кто лишний-то? Может, мы с тобой ненужные?

— Ты, сержант, говори, да не заговаривайся. Понял? За такие слова как бы тебе самому...

— Не пужай ты меня, Иван, я не из пугливых, а ты без сердца живешь.

— Сердце, сердце! — Афанасьев скривил тонкие губы, сощурил полблещивающие злостью серые глаза. — Сердце выдумал! А у того падлы сердце есть? Видел, как он Панаса, будто кочан капусты... Сердце!

— Да ведь мало-то тот зверь, поди, насильно уволок, — хотел смягчить спор Кузьма Федорович, — а ты его...

Афанасьев перебил:

102

— Что тебе-то надо, мыслитель? От бо- га награда, что ли? Его, того сосунка, все равно расстреляли бы. За побег — расстрел по законам военного времени. Намучался бы только, ожидаючи.

— Тыфу ты, черствая душа! — с чувством сказал Цыплаков.

— А ты — толстовец, непротивленец злу, по левой щеке ударили, подставь правую...

Нет, не переубедишь Ивана, не докажешь, будет стоять на своем, не хватит у Кузьмы Федоровича слов.

— Пойдем-ка, Степа, — обратился сержант к Оглоблину. — Альму похоронить надо. А вы, — сказал Афанасьеву и Гимздиеву, — этих закидайте хвоей.

Все так же тянул ветер с юга, набегающая волнами на лес, раскачивая деревья, с них сыпались капли дождем, солнце уже спряталось за лес, но зоря еще играла и было светло. И пока могилку Альме рыли, Кузьма Федорович все видел пробитый затылок мальчишеской головы, вспоминал погибшего брата, и жалость давила и сжимала сердце, а в душе он не чувствовал никакой ненависти к тем, кто убил Панаса и Альму.

— Степа, закрой ему глаза, — показал на Цыгана, — не могу видеть мертвые глаза!

Не стал стрелять над могилой Альмы Кузьма Федорович, опустился на колени, снял фуражку, земно поклонился:

— Спасибо тебе, твоя смерть мою жизнь сберегла, — поднялся и молча пошел туда, где стучал топор.

Всю долгую дорогу до поселка Цыплаков думал об убитом дезертире, видел его острый затылок и синюю надпись на побелевшей кисти. «Фу ты, пропасть какая!» — пытался он отбросить эти назойливые видения, но они как наваждение вновь и вновь возвращались к нему.

Измученные, усталые, голодные, они возвратились в поселок.

Ночью в казарме Кузьма Федорович спал плохо, часто просыпался, ему снился странный затылок и темная дырочка в нем. Однажды привиделись руки матери, не живые и теплые, а холодные и жесткие, нелепо сложенные на тощей груди, и он, Кузьма, двадцатилетний жених, стоит у гроба, смотрит на восковые руки, опасаясь перевести взгляд на мертвое лицо матушки, а она будто размежила веки, укоризненно взглянула на него и устало прикрыла глаза.

Две томительные недели Кузьма Федорович ходил сам не свой, часто сиживал на деревянном чурбаке возле пустой кабины Альмы, но на предложение взводного принять другую собаку дал твердый отказ.

В конце сентября пришло распоряжение отобрать добровольцев в действующую армию, и сержант Цыплаков первым подал докладную. Захотел испытать фронтную судьбу и верный товарищ Кузьмы Федоровича Степан Оглоблин. За добровольцами пришел по Угде катер. Собирались недолго и прощались без слез. На причал явились пораньше, постояли на высоком бере-

гу, посмотрели на красную пирамидку — памятник на могиле Панаса Онищенко. Недолговечен был этот знак памяти человеческой, первые капли ржавчины проступили на жести пятиконечной звезды, неровными полосками рдела облупленная краска на дереве. Красная пирамидка ярко аела на ослепительно белом фоне небольшой поляны — ночью выпал первый снег и подморозило. За могилой Онищенко невысокие деревянные столбики с жестяными номерами, крепко прибитыми к сырому дереву. Много столбиков, много холмиков выросло на безымянном и безвестном кладбище.

— Вчера с катером письмо привезли, — сказал Степан Цыплакову. — Жена Панаса пишет командиру, что их село освободили от немцев, спрашивает, жив ли муж, можно ли приехать в поселок, так как на Украине жить нечем, все разорено фашистами. На что уж наш командир сухарь, — говорил Степан, — но и тот скрежетал зубами, хватался за голову, кричал по телефону так, что во всей казарме было слышно: «Что я отвечу? Как написать? Сочиняйте ответ сами...»

Цыплаков молчал, глядел печально на красную пирамидку.

Внизу, у пристани, добровольцев ждал катер. Они спустились по крутой лестнице, сели на деревянный диванчик перед рубкой. Зарокотал мотор, катер вздрогнул, развернулся и понесся во всю силу мотора.

Выскочило из-за поворота солнце, большое, оранжевое, брызнуло лучами по бронзе поручней, высветило на голых рябинах красные мелкие гроздьи. Стайка дроздов-рябинников густо облепила дерево, не влетела с приближением катера.

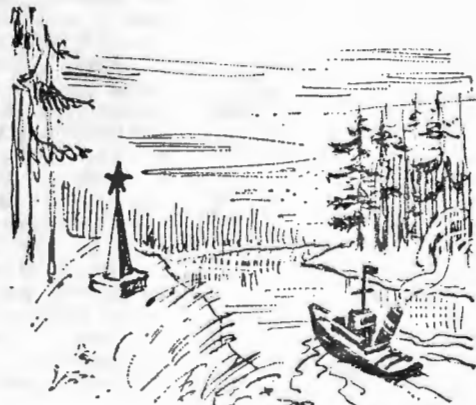
— Смотри, Кузьма, даже у птиц война, — показал на дерево Степан, — дерутся из-за ягод, катера не испугались.

— Не уродило нынче ягод, — задумчиво сказал Цыплаков, — трудная зима будет...

Говорить ему не хотелось, и он замолчал.

Гремел утробно мотор, шумела вода, раздираемая форштевнем, катер быстро мчался вниз по течению, река петляла, впереди виден был новый поворот.

Что там, за поворотом?

ПО ОСТАТОЧНОМУ ПРИНЦИПУ

НАШЕ общество все больше осознает, что культура и образование должны иметь приоритет во всех наших начинаниях. Не поднимем мы экономику и не построим правовое государство, если не решим вопросы духовного развития народа.

Важность этого понимало и прежнее руководство страны. Кое-что по поддержанию в более-менее удовлетворительном состоянии культуры и образования делалось и раньше, но административно-командная система не была бы сама собой, если бы не действовала присущими только ей методами. Результаты у всех на виду: жизнь учреждений культуры во многих местах лишь чуть теплится. Особенно это заметно в армии.

Как известно, в полку центр культурно-просветительной работы — клуб. Чем же располагает он сегодня из материальной базы? Давайте посмотрим на примере нашего соединения. Как правило, здание клуба, если это отдельное строение, имеет зрительный зал на 200—250 мест, помещение для библиотеки, где в одной комнате и читальный зал, и книгохранилище, и подсобное помещение, киноаппаратную и 1—2 комнаты под «резиденцию» начальника и кладовую, фотолaborаторию и художественную мастерскую. Все! Практически места, где можно было бы организовать работу кружков, клубов по интересам, проводить мероприятия, рассчитанные на небольшое количество людей, то есть организовать именно клубную работу, нет.

Наши прежние администраторы от культуры изначально рассматривали клуб как место проведения всевозможных собраний, торжественных мероприятий, просмотра кинофильмов. Поэтому и пустуют клубы все остальное время. Нет в них условий для общения, и люди туда не идут. Вот такие клубы и понастроены в частях нашего соединения. А в части подполковника В. Воскобойникова клуб вообще ютится в полуподвальном помещении, и кроме зрительного зала на 160 мест и киноаппаратной (3×4 м) там ничего нет. Даже кинофильмы приходится показывать при полностью забитом зале в несколько смен. Весной и осенью зрительный зал к тому же затопляется водой.

Теперь давайте посмотрим, как обстоит дело со снабжением тем, что на языке приказов называется политпросветимуществом. С одной стороны, части никогда еще не были обеспечены всем, что положено по нормам. В то же время в каждой есть лишнее, то есть сверхтабельное имущество и неликвиды. Система материального и вещевого снабжения, как и любая сверхцентрализованная структура, себя, как мне представляется, не оправдывает.

И раньше было очень трудно добиться удовлетворения заявок на гитары, краски, киноаппараты и т. д., а сейчас это не удается даже тем, кто идет навстречу любым «пожеланиям» работников снабжения.

У меня сложилось твердое убеждение в том, что любая воинская часть сможет себя обеспечить всем политпросветимуществом в пределах норм самостоятельно при

103

условии, что ей будут даны деньги и права, да еще достигнута договоренность с министерством торговли по безналичной оплате. На одних перевозках казак будет экономия! О факторе времени я и не говорю. Сегодня, списав телевизор, приходится ждать удовлетворения заявки округом минимум два года. Но есть и пример прямых закупок. В 1989 году окружное управление материально-технического и военного снабжения (ОУМТ и ВС) разрешило нам закупить телевизоры и магнитофоны. Несмотря на запрещающий продажу этих товаров по безналичному расчету приказ министра торговли и дефицит, соединением было закуплено 50 телевизоров. Видимо, испугавшись такого размаха, на 1990 год ОУМТ и ВС закупки на местах запретило, а часть денег, которые ранее обещало восстановить, так и не вернуло. Так что и здесь хорошего мало.

Главное в культпросветработе все же люди. И, как правило, они преданы своему делу, энтузиасты, вкладывающие все силы и душу в работу. Не их вина в том, что культура у нас в таком плачевном состоянии. Тяжело начальникам клубов. К материальным, объективным трудностям добавляются еще и субъективные.

Начальника клуба «привлекают» куда только можно. Он и военный дознаватель, и замполит на учебном сборе молодых солдат, старший в поездке за призывом и вообще куда пошлют. К этому добавь дежурства по части, проверки службы и т. д., и т. п. Статус начальника клуба на сегодняшний день чрезвычайно неопределенный. По штатной книге клуб — это отдельное подразделение, при полковом построении начальник клуба стоит с офицерами управления, но как только речь заходит о распределении дефицита или поощрениях, ему говорят: увы, начальник клуба к управлению никакого отношения не имеет.

А возьмите такой вопрос, как функциональные обязанности. Единственный руководящий документ, где отражены вопросы клубного хозяйства, — это приказ МВД СССР от 1982 года, подписанный еще... Щелоковым! Больше документов нет. Вот на местах и думают, чем бы еще загрузить начальника клуба. Основное время у него сегодня уходит на решение чисто хозяйственных вопросов, а на культурно-просветительную работу, ради чего и создан клуб, времени практически не остается.

Штатная структура клуба части замыслена и нацелена не на эффективную работу, а на поддержание того, что есть, в более-менее живом состоянии. По штатам начальник клуба — капитан. Начальник кинорадиоузла — прапорщик. Кинорадиомеханик — ефрейтор. Такой «мощный» штат не идет в сравнение даже со штатом урядного сельского Дома культуры.

В отдельном дислоцированных подразделениях есть киностановщики, но все киномеханики — внештатные. Готовятся они самостоятельно и ничего, кроме неприятнос-

тей, за свою дополнительную нагрузку не имеют. Отсюда и качество показа кинофильмов, и преждевременный выход из строя киноаппаратуры, и порча фильмокопий. Все правильно: скупой платит дважды!

Позволю себе немного помечтать, каким я вижу клуб полка. Начальник клуба — майор. Все остальные должностные вольнонаемные. Можно было бы взять за основу Дом офицеров Советской Армии. Клуб имеет свой бюджет, возможность зарабатывать деньги и, естественно, тратить их на свои нужды, а не только на то, что предписано статьей десятой известного людям военным приказа. Если уж никак нельзя без этого приказа, то почему бы не изложить в нем то, что запрещено приобретать, и исходить из принципа: разрешено все, что не запрещено законом.

У начальника клуба должна быть чековая книжка для немедленного расчета за приобретенные товары. Сегодняшняя система выписки счетов, визирования, оплаты, выписки доверенности настолько неповоротлива, что давно требует изменений.

С тех доходов, что будет иметь клуб за аренду, за платные услуги, работу кружков, определенный процент прибыли должен идти работникам клуба. Это создаст материальную заинтересованность. В ротах должности киномехаников должны быть оплачиваемыми. Кто будет работать — вольнонаемный ли, солдат ли или сам замполит, — решать на местах.

Многие беды у нас еще и от того, что в войсках нет научного управления культурно-просветительной работой. Занимаются ею подчас случайные люди. Управлять процессами развития культуры посредством только директив — нельзя.

...Как-то довелось мне побывать на курсах усовершенствования в Ленинграде, в нашем Высшем политическом училище. В течение месяца нам читали курс, рассчитанный на замполита роты... Посмотрев на все это, пришел к выводу, что крайне мало у нас людей, которые занимались бы культурой профессионально. Надо, чтобы в нашем Высшем политическом училище была кафедра культпросветработы, отделение, готовящее начальников клубов. Клуб училища превратить в Дом внутренних войск МВД СССР по подобию Центрального Дома Советской Армии. На его базе создать методический центр, который на научной основе изучал бы процессы развития культуры в войсках.

Перестройка с большим опозданием доходит и до нас. Я не претендую на то, чтобы в этой статье охватить все проблемы. Мне хотелось бы с помощью журнала привлечь к их обсуждению всех, кого это волнует. Думаю, мы не вправе пассивно ждать, пока кто-то подготовит приказ о перестройке этой работы во внутренних войсках МВД СССР.

Капитан С. НЕМАСЕВ,
инструктор политотдела соединения.

УРОКИ ДАЕТ ТРЕНЕР-МЕТОДИСТ МАКСИМ ГЛАДКОВ

Сегодня поговорим о тренировке специальной гибкости — способности выполнять различные движения с большой амплитудой, с включением в работу тех групп мышц, связок и суставов, которые максимально задействованы в конкретном виде деятельности. Рассмотрим два варианта занятия по спецподготовке, цель которого — развитие гибкости.

Вариант 1.

I. Подготовительная часть (разминка) — 30 минут.

1) Общеразвивающие упражнения.

2) Разминочный бег, беговые упражнения, упражнения со скакалкой, бой с тенью.

II. Основная часть (упражнения на растягивание) — 35 минут.

1) Наклоны попеременно к правой и левой ноге.

2) Медленное выполнение низких ударов ногами с удержанием ноги в конечной фазе движения.

3) Упражнения на растягивание ног у гимнастического станка.

4) Быстрое выполнение низких ударов ногами в движении.

5) Упражнения на растягивание ног в выпадах.

6) Медленное выполнение высоких ударов ногами с удержанием выпрямленной ноги в конечной фазе движения.

7) Упражнения на растягивание в шпагатах.

8) Быстрое выполнение высоких ударов и махов ногами в движении.

III. Заключительная часть — 5 минут.

1) Упражнения на восстановление дыхания.

2) Упражнения на расслабление.

Вариант 2.

I. Подготовительная часть (разминка) — 30 минут: аналогична варианту 1.

II. Основная часть (упражнения на растягивание) — 35 минут.

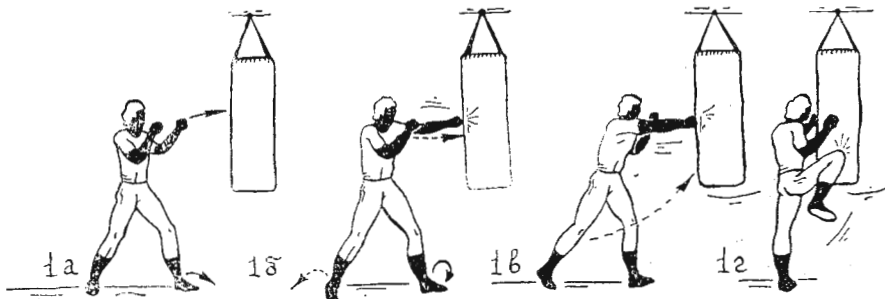
1) Наклоны к правой и левой ноге.

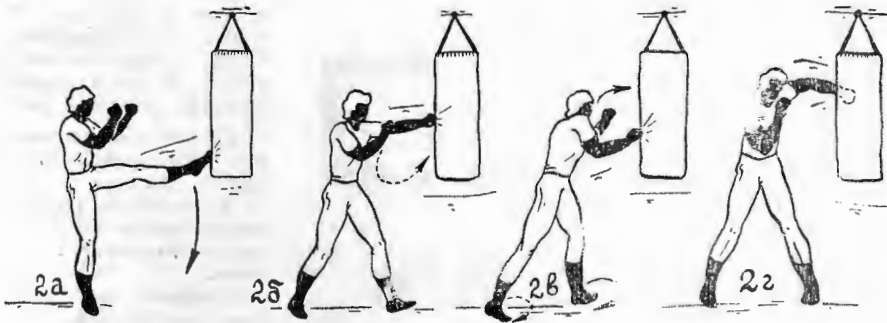
2) Упражнения на растягивание у гимнастического станка.

3) Упражнения на растягивание в выпадах.

4) Выполнение шпагатов.

5) Выполнение длинных серий различных ударов и махов ногами в движении (10 серий по 10 ударов каждой ногой).

III. Заключительная часть — 5 минут: аналогична варианту 1.

Вернемся к отработке отдельных ударов и комбинаций.

После того, как вы изучили тот или иной удар (серию ударов) по воздуху, приобрели необходимую точность и скорость, а также, выполняя удары по лапам, хорошее чувство дистанции, можно переходить к «постановке» силы удара и выработке силовой выносливости при выполнении длинных серий. Основной тренировочный снаряд — тяжелый мешок.

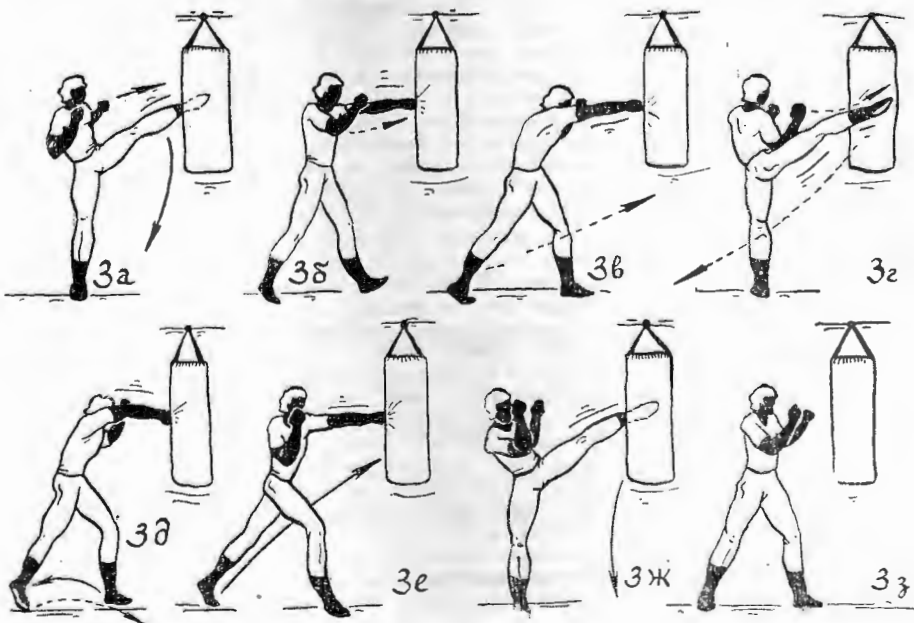
В предлагаемых комбинациях особое внимание следует обратить на согласованность действий рук и ног.

Комбинация 1. Исходное положение — основная стойка (рис. 1 а); 1 — прямой удар левой на уровне головы (рис. 1 б), 2 — прямой удар правой на уровне головы (рис. 1 в), 3 — боковой удар правым коленом на уровне корпуса (рис. 1 г).

Комбинация 2. Исходное положение — основная стойка; 1 — прямой удар левой ногой на уровне корпуса (рис. 2 а), 2 — прямой удар левой на уровне головы (рис. 2 б), 3 — апперкот правой на уровне корпуса (рис. 2 в), 4 — боковой удар левой на уровне головы (рис. 2 г).

Комбинация 3. Исходное положение — основная стойка; 1 — боковой удар левой ногой на уровне головы (рис. 3 а), 2 — прямой удар левой на уровне головы (рис. 3 б), 3 — прямой удар правой на уровне головы (рис. 3 в), 4 — боковой удар правой ногой на уровне головы (рис. 3 г), 5 — возвращение правой ноги в исходное положение с боковым ударом правой на уровне головы (рис. 3 д), 6 — прямой удар левой со сменой ног прыжком (рис. 3 е), 7 — боковой удар левой ногой на уровне головы (рис. 3 ж), 8 — основная стойка (рис. 3 з).

Рис. Е. ГЛАДКОВА.

В ДОМЕ ПОЯВИЛСЯ ЩЕНОК

И что дальше? С чего начать? Прежде всего с первых же часов—часов, а не дней!—придать процессу воспитания направленный характер. В сравнении с травоядными щенки рождаются относительно на более ранней стадии развития, тогда, когда рост зародыша в длину уже замедляется, уступая интенсивному росту в высоту. Вот почему при рождении и в первые дни своей жизни щенки коротконоги и широкотелы.

С точки зрения кинологии, приняты пять основных периодов начального развития собаки.

1. Период новорожденности (30—35 дней) — с момента рождения до наступления относительной независимости от матери. Чем он характерен? Питание в основном молоком матери. Другие корма (о кормлении — разговор отдельный) в незначительном количестве, как малозначащие для роста и развития молодого организма. Активно развивается лакательный рефлекс, открываются глаза и слуховые проходы, появляются начальные двигательные реакции (ползание, позднее — бег, прыжки и т. д.).

2. Молочный период (30—60 дней). Материнского молока уже недостаточно, потому в рационе щенка во все возрастающих дозах появляется другая пища, постепенно переходя в категорию основной. Усиливается рост трубчатых костей. Режутся молочные зубы.

3. Предполовый период (2—6 месяцев). Молочные зубы сменяются постоянными, формируются основ-

ные черты поведения, конституции, экстерьера и возрастной линьки. «Срабатывает» рефлекс естественной осторожности, резко проявляется начальная оборонительная реакция.

4. Период полового созревания (6—12 месяцев) примечателен нарастанием индивидуальности в типе развития, формированием характера, оформлением черт поведения, конституции и экстерьера.

5. Период физического развития (от года до двух лет) характерен зрелостью и расцветом функциональной деятельности. Наиболее благоприятный возраст для специальной дрессировки.

Теперь несколько общих советов. Общеизвестно, что залог качественного выращивания щенка — правильный уход. Отнятого у матери, его нужно ежедневно чистить щеткой, чесать гребнем для очистки от насекомых, усиления кровообращения и укрепления нервных волокон на поверхности кожи, а также улучшения роста волос и, как это не странно, на первый взгляд, улучшения питания.

Кто не знает, что собака любит поваляться на траве, на снегу? Пусть это не нервует вас, не мешайте ей: она чистит шерсть (если, конечно, трава и снег — чистые). Не ругайте ее, а лучше помогите найти подходящие для «валяния» места. Периодически проверяйте, нет ли у вашего юного друга блох, других насекомых. Для профилактики раз в неделю протирайте его тампоном, смоченным эвкалиптовым маслом, если вам удастся разжить их.

И, конечно, как можно больше гуляйте. При любой погоде: дождь, снег, ветер, — все это необычайно полезно и замечательно для собаки. А вот хождение на поводке, напротив, вредно.

Да, еще одно условие: не оставляйте щенка надолго одного. Он сильно страдает от одиночества, причем зачастую тоска может обернуться нервным заболеванием.

С первых часов — повторяю: часов — щенок должен знать свое имя и место, откликаться на зов, быть чистоплотным (по нужде — только на улице), не воровать, не объедаться, не драться и не лаять беспричинно. Невоспитанность собаки — от невоспитанности и невнимания хозяина.

Увы, придется примириться и с потребностью щенка что-либо грызть — зубы растут. И потому подбрасывайте ему время от времени кости, кочерыжки, мотки шпагата, резиновые (не полые) игрушки. И побольше игр. Но не с тряпками, если вам дороги занавески, шторы, скатерти: он не поймет разницы. Нельзя тянуть за то, что он крепко держит в зубах — можете испортить прикус. Хорошо бы выделить «персональный» тапочек — обязательно с ноги хозяина: собака любит носом. И запомните: при нехватке игрушек щенок примется за обувь. Ту самую, которую нынче нигде не купишь.

Иногда спрашивают, как объяснить щенку, что справлять нужду следует только на улице. Сразу после еды выносите его в одно и то же место. Спровоцируйте: тоненьким стебельком пощекотите задний проход — сработает прямая кишка. Похвалите, приласкайте малыша. После «серьезных дел» помогите освободить мочевой пузырь. И так — несколько раз. Собака поймет, она по природе своей понятлива.

Полковник В. СЕВОДНЯЕВ,
начальник службы собак
Главного управления
командующего
внутренними войсками.

«О СПОРТ! ТЫ — МИР!»

1. Кому принадлежит слова, вынесенные в эпиграф этого тура конкурса? Что вы знаете об этом человеке?

2. Когда и где состоялись первые Олимпийские игры XIX века? В каком городе намечено проведение Олимпийских игр 1992 года (зимних и летних)?

3. Как расшифровать ОМСБОН? Какое отношение эта аббревиатура имеет к спорту?

4. Кто такие братья Знаменские?

5. Назовите спортсменов — воинов внутренних войск, которые были призерами Олимпийских игр.

6. Чьим именем назван созданный недавно фонд реабилитации спортсменов?

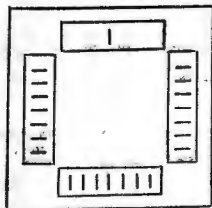
7. Какие знаменательные лыжные переходы спортсменов войск вы знаете?

8. Проверьте свою «силу»: сложите 16 спичек так, чтобы все сооружение можно было поднять, держась за одну спичку.

9. Три задачки — шутки.

ХИТРЕЦЫ

В кафе стояло четыре стола, по одному вдоль каждой стены. В нем остановились пообедать возвращавшиеся с соревнований спортсмены — участники международного турнира. Было их 21 человек. Они пригласили к обеду и хозяина. Разместились все так: за тремя столами сели спортсмены — по 7 человек, а за четвертым устроился хозяин (на рисунке

люди обозначены черточками). Уговорились с хозяином, что платить по счету будет тот, кто останется последним при следующем условии: считая всех по кругу (по часовой стрелке), в том числе и хозяина, освободить от уплаты каждого седьмого. Ударили по рукам.

После трапезы начали считать. Каждый освобожденный тотчас уходил и в дальнейшем в счете не участвовал. А последним остался... хозяин.

С кого начали счет? А с кого нужно начать счет для достижения такого же результата, если бы спортсменов было только по 4 за каждым из трех столов?

ВЫШЛИ ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

Прибывших на соревнования 20 спортсменов разместили в 8 комнатах одного дома так, как показано на рисунке. По вечерам тренер обходил дом и проверял, чтобы в комнатах на каждой сторо-

2	3	2
3		3
2	3	2

не его было по 7 человек. Однажды к нашим спортсменам пришли в гости 4 товарища и, заговорившись, остались ночевать, причем разместились все так, что вечером тренер насчитал в комнатах на каждой стороне дома опять по семь человек. На следующий день четверо спортсменов пошли провожать своих друзей и дома не ночевали. Оставшиеся 16 человек разместились так, что вечером их наставник опять насчитал в комнатах с каждой стороны дома по семь спортсменов. Как же размещались участники соревнований по комнатам в двух последних случаях?

ЧТО СКАЗАЛ СТАРИК?

Два спортсмена-конника соперничали между собой: то один перегонит другого, то наоборот. Наконец им это надоело, решили спорить, кто придет к финишу не первым, а вторым. Тот и выиграет. Ну, и понятно, по сигналу от стартовой черты никто из них не тронулся с места. Зрители смеются, а всадники стоят. Подошел старый человек, узнал, в чем дело, и говорит: «Ну я им сейчас такое слово шепну, что поскачут как ошпаренные!». И действительно, пошептавшись с спортсменами, и через минуту они понеслись вперед, стараясь обогнать друг друга. А выиграл все же тот, чья лошадь пришла второй. Что же сказал старик?

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Майор. 8. Вахта. 9. Месин. 12. Гусеница. 13. Бруствер. 15. Парад. 17. Дозор. 19. Кочубей. 21. Киев. 22. Азин. 23. Баграгион. 24. Ожог. 26. Шеп. 27. Стрелок. 29. Мачта. 30. Виразж. 33. Бондарев. 35. Ориентир. 36. Егерь. 37. Строй. 38. Слава.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Галуш. 2. Полетаев. 3. Рама. 4. Штаб. 5. Кострома. 6. Кувер. 10. Бивак. 11. Сухой. 14. Слушатель. 16. Дядька. 17. Дейисов. 18. Вилка. 20. Зими. 25. Пляндарж. 26. Шрапнель. 27. Старт. 28. Кизиж. 31. Зорге. 32. Битва. 34. Ватт. 35. Овод.

ОБЪЯВЛЯЮТ НАБОР НА ПЕРВЫЙ КУРС

Новосибирское высшее военное командное училище МВД СССР

630114, г. Новосибирск, 114

Орджоникидзевское высшее военное командное Краснознаменное училище имени С. М. Кирова МВД СССР

362005, г. Владикавказ, 5

Пермское высшее военное командное училище МВД СССР

614108, г. Пермь, 108

Саратовское высшее военное командное Краснознаменное училище имени Ф. Э. Дзержинского МВД СССР

410023, г. Саратов, 23

Высшее политическое училище имени 60-летия ВЛКСМ внутренних войск МВД СССР

198075, г. Ленинград, 75

Харьковское высшее военное училище тыла МВД СССР

310021, г. Харьков, 21

Ташкентское высшее военно-техническое училище внутренних войск МВД СССР
700211, пос. Ешленинчи Калининского района Ташкентской области

На учебу принимаются военнослужащие срочной службы, военнообязанные из числа уволенных в запас военнослужащих срочной службы, военнослужащие сверхсрочной службы по истечении двух лет сверхсрочной службы, прапорщики по истечении двух лет службы на должностях прапорщиков или офицерских должностях в возрасте не старше 23 лет, гражданская молодежь в возрасте от 17 до 21 года.

Военнослужащие, желающие поступить в училище, подают рапорт по команде до 1 апреля, а военнообязанные и гражданская молодежь — заявление в районные (городские) военкоматы или отделы внутренних дел по месту жительства до 1 мая.

К рапорту (заявлению) прилагаются: автобиография, анкета, служебная (производственная, школьная) характеристика, копии свидетельства о рождении и документов о среднем образовании (учащиеся средних школ представляют справку о текущей успеваемости), три фотокарточки (без головного убора, заверенные печатью части, военного комиссариата, размером 4,5×6 см).

Поступающие сдают конкурсные вступительные экзамены:

— в высших военных командных училищах — по русскому языку и литературе (письменно), математике и истории СССР (устно), физической подготовке (практически);

в Высшем политическом училище — по русскому языку и литературе (письменно), по математике, географии и истории СССР (устно);

— в Харьковском высшем военном училище тыла и Ташкентском высшем военно-техническом училище — по русскому языку и литературе (письменно), по математике, обществоведению и физике (устно). Поступающие на интендантский профиль Харьковского ВВУТ вместо экзамена по физике сдают экзамен по химии (устно). Для определения физической подготовленности кандидаты в Высшее политическое училище, Ташкентское ВВТУ и Харьковское высшее военное училище тыла из числа военнослужащих подвергаются практической проверке по упражнениям Военно-спортивного комплекса ВС СССР, а гражданская молодежь — по упражнениям спортивного комплекса ГТО.

Лицам, окончившим училище, присваивается офицерское звание «лейтенант» и выдается диплом общесоюзного образца с присвоением квалификации:

— в высших военных командных училищах — «офицер мотострелковых войск с высшим военно-специальным образованием, преподаватель по допризывной подготовке молодежи»;

— в Высшем политическом училище — «офицер с высшим военно-педагогическим образованием, преподаватель социально-политических дисциплин в средних учебных заведениях»;

— в Харьковском высшем военном училище тыла — «инженер по эксплуатации автомобильной техники»; «инженер по эксплуатации вооружения»; «инженер-экономист» (в зависимости от профиля);

— в Ташкентском высшем военно-техническом училище — «военный финансист»; «инженер по эксплуатации средств связи»; «инженер по эксплуатации и ремонту радиотелемеханических систем»; «инженер по строительству и эксплуатации зданий и сооружений».

Срок обучения в училищах — 4 года.

К ВОЛШТАМ

ПРОСИМ ОБРАЩАТЬСЯ
ПО АДРЕСУ: 420111,
Г. КАЗАНЬ,
УЛ. К. МАРКСА, 1.

Государственно-кооперативное строительное объединение «Туржилстрой» проектирует и строит туристские комплексы с улучшенными интерьерами, изготавливает мебель, а также всевозможные сувениры.

СТРОИТЕЛЬНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ТУРЖИЛСТРОЙ»
ТЕЛ.: 32-31-22

УСЛУГАМ

Саратовский
ордена Трудового
Красного Знамени

ЗАВОД ТЕХНИЧЕСКОГО СТЕКЛА

410041, Г. САРАТОВ, ЗАВОД
ТЕХНИЧЕСКОГО СТЕКЛА.
СПРАВКИ ПО ТЕЛЕФОНАМ:
19-45-39 19-45-29
19-45-40

Приглашаем воинов, за-
канчивающих службу, на
постоянную работу.

Завод выпускает окон-
ное и полированное стекло,
стеклоблоки, теплоизоляци-
онный материал, сортовой
посуду из хрусталя.

Предприятию требуются:
операторы горячего стекла,
транспортровщики, закаль-
щики стекла, машинисты
крана, операторы форми-
рования ленты стекла, прес-

совщики горячего стекла,
электромонтеры, прессов-
щики теплоизоляционных
изделий, слесари-ремонтни-
ки.

Лица, не имеющие спе-
циальности, обучаются из-
бранной профессии без
отрыва от производства.

Заработная плата пре-
менно-премиальная и сдель-
но-премиальная. Одиночкам

предоставляется общежи-
тие.

На предприятии имеются
отдел подготовки кадров с
курсами повышения квали-
фикации, Филiaal Вольского
технологического технику-
ма.

Завод располагает ком-
бинатом питания и кулинар-
ными магазинами.

Есть Дворец культуры,
пионерский лагерь, база
отдыха на берегу Волги.